

801-13

230A

X
33

ГР. АЛЕКСѢЙ Н. ТОЛСТОЙ

M 56
204

ТОМЪ ДЕВЯТЫЙ

ИСКРЫ

Т-во „КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЕЙ
ВЪ МОСКВѢ“

ms

2011123835

ТИПОГРАФІЯ В. М. САБЛИНА.
Москва, Петровка, д. 26. Телѣр. 1-31-34.
1916.

41792

Два духа, затосковавшіе по любви, отыскиають друга друга въ безднѣ безднѣ времени и, соединясь, загораются животворнымъ огнемъ, лишь искры котораго — листы этой книги — долетаютъ до нашего сознанія.

ИСКРЫ

I

Видѣли вы когда-нибудь проѣзжую дорогу, въ сѣтябрьскую слякоть? Голое поле, сжатое и вытопанное; одинокій стогъ, съ косматой вороной на шестѣ; тощѣ телеграфныя столбы, заворачивающіе въ глиняный оврагъ; да облетѣвшій кустъ, да неизвѣстно зачѣмъ выкопанная канава, полная воды, да по разѣзженному топкому трахту тянутся возы, и люди на нихъ сидятъ прикрывшись отъ вѣтра и дождя мокрыми чапанами.

И не даромъ суслики и хомяки натаскали зерна подъ землю и дремлютъ тамъ, уткнувши носы. Залѣзть хочется въ тепло, уснуть, чтобы хоть во снѣ привидѣлись бѣлыя, майскія, улетѣвшія облака.

Ну и Богъ съ ней, съ дорогой, съ осенней слякотью; неужто нѣтъ ничего на бѣломъ свѣтѣ получше, чѣмъ описывать забрызганный грязью тарантасъ, едва тащимый двумя лошаденками съ хвостами, подвязанными подъ самую рѣвицу, да уткнувшаго носъ въ воротникъ, упавшаго духомъ, героя.

И хотя дальнѣйшая исторія именно такъ и начинается съ проѣзжей дороги, но залѣзть въ эту слякоть по уши я не хочу и никому не предлагаю, и не потому, что въ нашемъ отечествѣ хороши дороги, а потому, что

каждый во всемъ видитъ только то, что ему желатель-
но; иная колея такъ тряхнетъ человѣка до самыхъ моз-
говъ, что слетятъ съ него и уныніе, и сонъ, и житейскія
мысли.

Не хотѣлъ бы я также ничего прикрашивать и нару-
мянивать въ обыкновенной этой исторіи про то, какъ
мужъ пытался украсть чужую жену. Ни въ какомъ слу-
чаѣ обрывки этой жизни не возвышенны и, особенно,
не замѣчательны, но только герои мои сами захотѣли
въ обыденномъ и житейскомъ найти чудесное и милое.
Словомъ, Егоръ Ивановичъ, губерискій инженеръ, про-
мокшій, и весь въ грязи, съ величайшими усилиями подъ-
ѣхалъ наконецъ къ своему дому, стоящему надъ рѣ-
кой на краю города. Отъ длиннаго, деревяннаго дома,
выкрашеннаго въ кирпичную краску, спускался къ до-
рогѣ садъ. Кругомъ сада стоялъ досчатый заборъ, съ
воротами. Дворникъ, въ мокромъ полушубкѣ, открылъ
ихъ, снявъ каргузь проговорилъ въ сваленную бороду,—
съ благополучнымъ прибытіемъ, — и Егоръ Ивановичъ,
разминая затекшія ноги, вылезъ на крыльцо.

Но прежняго удовольствія—войти въ хорошо пахну-
щій, свѣтлый домъ—онъ не испыталъ. Даже словно жал-
ко стало разстаться съ верблужымъ чапаномъ, который
аккуратная горничная (женщина наперсница, съ плоскимъ
лицомъ и пахущая карболовымъ мыломъ) стаскивала
съ него въ прихожей. Снявъ калоши, потрогавъ на ли-
цѣ лепешки грязи, Егоръ Ивановичъ спросилъ, что дѣ-
лаетъ жена, Любовь Никитишна?

«Дома-съ, у нихъ гости-съ»—отвѣтила Поля. Тогда
онъ опять поморщился, прошелъ въ умывальную и от-
туда въ кабинетъ. Здѣсь пылалъ каминъ, чуть пахло
хорошимъ табакомъ и за широкими свѣтлыми окнами
качались голыя вѣтки. Надъ дверью — лосьи рога; въ
углу—ружья; надъ диваномъ картина-копія—Гибель
Помпеи.

Поглаживая влажную русую бородку Егоръ Ивано-

въ наклонился надъ письменномъ столомъ; за недѣ-
лю, покуда онъ былъ въ отъѣздѣ, накопилась кучка
късемъ и повѣстокъ; онъ живо разбросалъ ихъ, и, ко-
гда между пальцами появился сѣренькій, хрустящій кон-
вертъ, закрылъ глаза. Милымъ, крупнымъ, такъ еще
для знакомымъ почеркомъ было написано его имя, вни-
стоялс изъ Петрограда. Онъ оглянулся и вышелъ на
алконъ, гдѣ, поднявъ воротникъ пиджака, прислонился
къ влажной стѣнѣ; письмо дрожало въ рукѣ, онъ не
разу разорвалъ конвертъ. Вътеръ хлопалъ полосатой
крушиной, желтые листья устилали бархатную грязь,
железную дорожку, тронутую морозомъ, мѣстами все еще
зеленую, траву; низкорослыя сосенки и голые кусты спу-
скались до забора; за нимъ черезъ поле загибалась, какъ
черная рѣчонка, дорога; волочилися низкія облака, свин-
цовыя ихъ гряды уходили за далекій край земли — за
късемъ.

«Егоръ, милый. Мнѣ немисливо тебѣ писать. Труд-
но, чѣмъ я думаю. Я все время лгу. Господи, прости
меня. Ты пойми, ненаглядный мой: я не чистая; вся
жизнь моя не ясная. Глядѣть въ глаза мужу и думать
о тебѣ. Я не могу лгать. Думала—такъ нужно, а вышло
иначе. Прости меня, пожалѣй, пойми. Мнѣ больно.
Хочу поцѣловать тебя даже. Пишу изъ парикмахерской;
тамъ бредется. Онъ меня не отпускаетъ ни на минуту.
Аша».

Три раза прочелъ Егоръ Ивановичъ нацарапанное ка-
ндашомъ письмо. Ревность, боль, жалость овладѣва-
ли имъ. «Бѣдная, милая. Какія каракули»,—прошепталъ
онъ, вглядываясь въ треплющійся на вѣтру лепестокъ.
Словно изъ-за неровныхъ этихъ строкъ появилось ея
лицо, какимъ онъ видѣлъ его въ послѣдній разъ за
стѣкломъ вагона. Прикрытое сѣточкой вуали, нѣжное
детское, съ огромными взволнованными глазами, ея
лицо улыбалось растерянно; когда же двинулся вагонъ,
лица часто-часто замигала въ уплывающемъ окнѣ.

Такъ прервалась, едва начавшись, любовь Егора Ивановича и Маши. Она прѣѣхала изъ Петрограда (и отцу отдохнуть отъ мужа, женскихъ своихъ обязанностей, мужниныхъ друзей, дамъ, банкетовъ и ужновъ по ресторанамъ. Отдыхать для Маши значило бычистенькой, просыпаться рано, идти съ сестрицей гулявъ хорошую погоду, а въ дождикъ надѣть пуховый платокъ и залѣзть съ книгой на диванъ, подобравъ носъ подъ юбку, и слушать какъ стучитъ молоткомъ по мрамору сестра, Зюмъ, и знать, что такой же чистенькопроведешь весь день, и ляжешь рано на одной широконкой постели съ неподкупнымъ и строгимъ человекомъ Зюмъ—головой въ одну сторону, а Зюмъ въ другую).

Къ Зюмъ ходилъ пріятель—Егоръ Ивановичъ, губерскій инженеръ. Являлся онъ въ разное время и ненадолго боясь жены. Во всѣхъ его словахъ, въ застѣчивомъ блзорокомъ лицѣ и въ широкой, немного косолапой, фигурѣ не было ничего чужого. Зюмъ назвала его: «сплошной уютъ». Маша усмѣхнулась и задумалась. Съ этого все началось. Инженеръ появлялся то съ чернаго холто съ параднаго по нѣсколько разъ на дню. Маша виходила къ нему въ платочкѣ. Часто садились они вмастерской на окно и разговаривали о Зюмъ, какая она талантливая. Говорили также о многихъ вещахъ, но не когда о себѣ, точно у нихъ совѣмъ не было прошлаго. У Маши забавно морщился носъ и раздвигались губы въ улыбку, даже когда она молчала. И ни разу не почувствовала она ни тяжести, ни грѣха, даже тогда, когда онъ уходя поцѣловать ее въ прихожей, точно нѣжныхъ милый братъ. Она долго стояла у стѣны, закрывъ глаза и ни о чемъ не думала, только горѣли щеки. Было тихо на душѣ, и чисто, и радостно.

Ночью Маша, глядя на потолокъ, неслышно, чтобы не разбудить Зюмъ, намурлыкивала Грига; на другомъ концѣ постели открылись глаза Зюмъ и она спросила

— Маша, ты съ нимъ какъ?

— Милочка моя, мы второй день съ нимъ, какъ мужъ и жена. Ты не сердисься?

Зюмъ подумала и отвѣтила строго:

— Это хорошо.

Но вдругъ въ отвѣтъ на послѣднее письмо Маши (содержанія его она не помнила, но ни о чемъ плохомъ не думала когда писала) пришла изъ Петрограда телеграмма мужа.

«Безумно встревоженъ, что случилось, схожу съ ума, выѣзжай немедленно».

Съ телеграммою въ сумочкѣ, безъ зонта и калошъ, Маша пошла къ Егору Ивановичу въ конецъ города, гдѣ было грязно. Подходя она увидала его испуганную стѣню въ окнѣ. Затѣмъ онъ появился въ одномъ пиджакѣ—сбѣжалъ по дорожкѣ и встрѣтилъ Машу по эту сторону воротъ.

— Какая неосторожность. Маша, ради Бога, ты же не знаешь ее,—сказалъ онъ, ткнувъ пальцемъ на домъ. Маша кивнула головой. Они быстро поцѣловали другъ друга въ губы, и она показала телеграмму.

(Проходилъ мимо лавочникъ въ чуйкѣ, крикнулъ, сказавъ: «ну, ну»).

Егоръ Ивановичъ прочелъ и сѣлъ на лавочку, лицо у него стало, какъ у мальчишки.

— Егоръ, ты простудился, — сказала Маша.

— Что же теперь будетъ?

— Значить, дурно, Егоръ, что мы съ тобой вмѣстѣ?

— Ничего не значить.

— Не понимаю, что написала ему такое? Помянула, что неожиданно счастлива. Онъ же всегда говорилъ— я готова умереть только бы ты была счастлива. Егоръ, я должна ѣхать сегодня.

Маша глядѣла на дорогу. Милый ротъ былъ сжатъ серьезно. Глаза—строгие и сѣрые, какъ облака, несущіяся надъ дорогой. Егоръ Ивановичъ понялъ, что лгать

Маша не можетъ, какъ вотъ онъ вторую недѣлю жлетъ женѣ. Онъ спросилъ негромко:

— Маша, ты вернешься?

— Не знаю.

Въ тотъ же вечеръ она уѣхала. А черезъ день Егора Ивановича вытребовали въ уѣздъ. Всю дорогу онъ старался сознать — что случилось? Влюбленность, очарованіе Маши, внезапная близость, и вдругъ все стремительно, помимо воли, оборвалось. Покачиваясь въ плетушкѣ онъ думалъ, что нѣтъ ничего лучше такой осени, такихъ грязей; все стало печальнымъ въ его жизни и прозрачнымъ, и удивительные люди появились на свѣтѣ: Маша, Зюмъ, ямщикъ...

II

У Любовь Никитишны въ очаровательномъ атласно-бархатномъ салоникѣ сидѣли гости — присяжный повѣренный Зенитовъ и Мухинъ, чиновникъ особыхъ порученій; несмотря на неурочное время—второй часъ дня—гости пили кофе и бенедиктинъ.

Любовь Никитишна вернулась изъ загороднаго ресторана, гдѣ въ большой компаніи слушали цыганъ и подружилась съ знаменитымъ танцоромъ, владѣльцемъ умопомрачительныхъ бедеръ. Танцоръ имѣлъ привычку пить ликеры съ сырымъ желткомъ.

Любовь Никитишна хлопала ему такъ громко, что обратили всеобщее вниманіе, и послала на эстраду шампанскаго и розу. Плясунъ подойдя къ рампѣ выпилъ вино, розу сгрызъ, а стебель бросилъ въ залу.

Затѣмъ уже вмѣстѣ съ плясуномъ перешли въ кабинетъ, пригласили цыганъ. Слушали ихъ, плакали, и Любовь Никитишна переживала стихійно. Зенитовъ былъ въ ударѣ, «отхватилъ» гопака, и въ смятой и мокрой рубашкѣ рассказывалъ армянскіе анекдоты. Мухинъ на

скверномъ французскомъ языкѣ хвалили знаменитому плясуну Испанію, гдѣ никогда не былъ. Испанецъ на ломаномъ русскомъ хвалилъ Россію. Пили за союзъ Россіи съ Испаніей. Изсине-бритое лицо плясуна, съ длиннымъ носомъ, было блѣдно и глазки вращались, какъ у чорта: неожиданно онъ выпилъ цѣлый стаканъ адской смѣси съ желткомъ въ честь Любовь Никитишны.

Ее поздравляли съ успѣхомъ. Она хохотала и краснѣлась. Вообще въ этотъ вечеръ она имѣла несомнѣнный успѣхъ, и была одѣта въ малахитовое платье, съ кровавой розой въ крѣпко завитыхъ рыжихъ волосахъ.

Словомъ, было жаль кончать такой веселый вечеръ. Казались невыносимо тоскливыми завтрашнія будни. И Любовь Никитишна повезла къ себѣ влюбленныхъ въ нее Мухина и Зенитова, милѣйшихъ въ сущности людей.

Сейчасъ, за ликерами и кофеемъ, въ мягкихъ креслахъ, они продолжали постепенно сводить на-нѣтъ давешнее веселье.

Костлявый Зенитовъ, обхвативъ колѣно и жуя сигару, разсматривалъ домашнія карточки Любовь Никитишны, гдѣ она была снята безъ предразсудковъ, во имя культа тѣла и красоты. У Зенитова за ночь отросла борода.

— Роскошная женщина, — говорилъ онъ черезъ сигару. Мухинъ, со страдальческими выпученными глазами сидѣлъ въ измятомъ фракѣ у піанно, наигрывая:

Любимъ мы, американцы,
Зажигательные танцы.
И танцуемъ мы канъ-канъ.
Ха-ца-ца!..

При этомъ наливалъ рюмочку, выпивалъ и ставилъ бутылку подъ стулъ.

Любовь Никитишна смѣялась, но уже черезъ силу. Отъ табаку и проведенной ночи зубы ея пожелтѣли, а

у рта обозначились двѣ морщинки. Она лежала на креслахъ, табакомъ и ликеромъ. Покосившись на жену шеткѣ, закинувъ полные локти, все въ томъ же малахѣ подумалъ:

товомъ платьѣ, такомъ яркомъ сейчасъ, что хотѣлось (Не лги ей, не лги! А вотъ попробуй — скажи всю его пожевать. На подушку облетѣли лепестки розы. Туда, такъ вѣдь и оглушить — три тысячи словъ въ сфелька покачивалась на пальцѣ ея ноги, затянутой вду. Не скажу».

прозрачный чулокъ. Полузакрывъ глаза Любовь Никитишна думала объ испанцѣ.

— Но, чортъ возьми вашего мужа, — проговорилъ Зену пройтись немного, размяться.

нитовъ откидываясь въ креслѣ. — Егоръ, ты мнѣ лжешь, — проговорила она низкимъ осомъ.

Мухинъ взялъ аккордъ и сказалъ: Онъ часто замигалъ и поблѣднѣлъ немного, но все

— А недурно бы и поспать на часокъ. Онъ не сдаваясь, продолжалъ бранить дороги, распутицу поднялись. Любовь Никитишна ихъ не удерживала. Вообще русскіе порядки.

Въ это время Поля доложила о пріѣздѣ барина. Гости — Ты лжешь, у тебя что-то есть, я знаю, — перебила усталомъ лицѣ ея появилась загадочная улыбка. Зену, — ты даже не потрудишься замѣтить, что я въ ве

товъ сострилъ о предстоящей встрѣчѣ. — Иду гулять.

Оставшись одна Любовь Никитишна подошла къ зеркалу гдѣ лежала ея сумочка, и, приведя въ порядокъ озабоченныхъ глазъ. Я знаю куда ты идешь.

волосы, попудрилась. Егоръ Ивановичъ все не шелъ. — Ты на Москательную улицу идешь, голубчикъ.

«Наконецъ, это становится страннымъ», — прошептала она. — И, поправляя гребенки, глядѣла на свои голыя руки. При чемъ тутъ Москательная, странно.

открытыя до подмышекъ, и думала что совершенна физически. «Ты, голубчикъ, не торопиться, жаль. Есть такіе, которые поторопятся». — Надменно улыбаясь Любовь Никитишна раздула ноздри и вышла въ столовую. Ты идешь къ этимъ дряннымъ дѣвчонкамъ.

Егоръ Ивановичъ сидѣлъ у самовара, ѣлъ булку Я прошу не говорить такъ о моихъ... Я, оказывается, говорить уже не смѣю. Имъ никто и не хотѣтъ подавать. Эта дрянь — Машенька, путается въ Петроградѣ со всякими. Удивляюсь ея несчастному ку. Весь городъ смѣется...

глазами у него лежали тѣни, лицо похудѣло и казалось повымъ. Но Егоръ Ивановичъ уже поднялся, покраснѣлъ, прядь

— Кажется, по крайней мѣрѣ, нужно быть вѣжливымъ, Егоръ, — сказала Любовь Никитишна. ость сама сползла на взмокнувшій лобъ, и вдругъ (такъ кому показалось) лицо стало безумнымъ, точно пробѣ

Онъ вскинулъ голову, быстро отряхнулъ крошки съ бороды и щекой коснулся жениныхъ поджатыхъ губъ. — Не тебѣ о ней судить, — крикнулъ онъ и, уда

— Усталъ съ дороги, Люба. Скверная погода. Ну, въ прихожей Любовь Никитишна догнала его, сорвала какъ ты? лачью шубку и, не попадая туфельками въ ботики,

Она не отвѣтила, сѣла у стола, облокотилась рѣши тельно и, не мигая, глядѣла на мужа. Отъ нея пахло

говорила искаженнымъ ртомъ:

— Ты со мной еще ни разу так не говоришь. Ищай...

Но онъ не спросилъ — куда? Въ дверяхъ она опустилась и крикнула:

— Я иду къ одному человѣку.

— Очень радъ, — пробормоталъ Егоръ Ивановичъ, — же съ остереженіемъ застегивая пальто, нахлобучив шапку, — очень радъ, пожалуйста, мнѣ это все надо...

III

Зюмъ, когда неожиданно явился къ ней Егоръ Ивановичъ, сидѣла передъ круглымъ станкомъ и напильниками, похожими на зубоврачебные инструменты, скоблила и чистила мраморное ухо на Машинной головке.

Строгіе глаза Зюмъ были прикрыты круглыми камнями, волосы повязаны ситцевой косынкой, повешенный на шею платъ надѣтъ грязный парусиновый халатикъ, въ карманахъ его лежали ключи, носовой платокъ, шоколадъ, послѣднее Машинно письмо и сушеная лапка для счастья: все что было нужно на свѣтѣ.

Работала она сосредоточенно и въ раздумьи, и мохнатые отъ рѣсницъ глаза казались одичавшими. Егора Ивановича Зюмъ посмотрѣла внимательно, и ей пришла въ голову мысль.

— Вернулись? — спросила она тихо, — давно?

Егоръ Ивановичъ пододвинулъ табуретку и нѣкоторое время молчалъ, преодолевая волненіе. Такъ хорошо было здѣсь, точно на другомъ свѣтѣ. Вотъ эта дверь ведетъ въ Машинную комнату, теперь пустую. Дверь и та комната пахли глиной, Зюмъ и всѣ вещи были родныя и милыя. У него дрожали губы.

— Зюмъ, — сказалъ онъ, — я больше не могу. Глазничать никому не нужно, чтобы было такъ.

Онъ показалъ письмо. Зюмъ спяла очки и медлен...

очла. Синіе глаза ея наполнились слезами. Она по-
снѣла и сказала:

— Маша страдаетъ. Она очень скрытная. Если такъ
писала, значить больше не подь силу.

— Зюмъ, зачѣмъ она уѣхала?

— Я думала — сказать вамъ или нѣтъ? Ахъ, Егоръ, —
она засунула руки въ карманы халатика, прошлась
опять сѣла. — Мнѣ кажется — вы очень хороший чело-
вѣкъ, но пѣкоторыхъ вещей не понимаете. Вы живете
съ такими людьми, даже удивительно, что вы еще такой
остались. Маша любитъ васъ, оттого и уѣхала.

Егоръ Ивановичъ отвернулся, вынулъ платокъ и при-
ступилъ вытирать лобъ, затѣмъ платокъ очутился на полу.

— Я Машу люблю, — сказали онъ, — я такъ Машу лю-
блю, милая моя, родная Зюмъ, что сталъ во снѣ видѣть
леса какія-то, озера и за ними въ туманѣ голубой
продуктъ... Глупо — а реву... Маша взяла меня за руку
и я знаю, что я теперь не одинъ и руки ея не выпущу.
Что же понять — я сидѣлъ, какъ въ гущѣ, въ темнотѣ,
въ грязи. Я ничего не любилъ, кромѣ благополучія.
Я, и жена, и пріятели — точно столбы торчали на гряз-
ной дорогѣ. Одинокіе, полуживые, благополучные. Развѣ
жить! Мнѣ казалось, что я жилъ. А съ моей женой такъ:
Зенитовъ шикарной блондинкой называетъ — вотъ и
се.

— Нѣтъ, все не то говорите, — перебила Зюмъ...

— Развѣ — скажешь! Когда Маша взяла меня за руку —
казалось — точно начался разсвѣтъ, а я самъ перестаю
быть самому себѣ необходимымъ. Не хочу стоять стол-
бомъ. Не могу больше быть одинъ. Зюмъ, понимаете — все
то есть человѣческое на свѣтѣ, стало мнѣ вдругъ мило.
Люблю, и не могу объяснить какъ...

Зюмъ была строгая, но въ сущности очень пылкая
девушка. Она внезапно изъ туманныхъ и неуклюжихъ
словъ Егора Ивановича почувствовала самую его суть,

поднялась, обхватила руками его голову, запачкала абажуром и несколько раз поцеловала в волосы.

— Поняла, Егоръ. А раньше осуждала. Вы меня прости. Но вы бѣгали къ намъ потихоньку, дома лгали, разрывались между тѣми и Машей. И Богъ знаетъ, что вамъ больше нужно? Было все какъ-то наполовину, Маша это чувствовала. Но сказать вамъ не могла, что вы изъ жалости не сдѣляли чего-нибудь. Вполнѣ правильное женское самолюбіе,—Зюмъ поджала губы,—вотъ и шепеть — прочтите...

Зюмъ вытащила изъ кармана платокъ, шоколадную птичью лапку и письмо... «Не знаю, быть-можетъ, насъ съ Егоромъ лучше совсѣмъ не видаться. Только я забыть не могу...»—прочелъ Егоръ Ивановичъ.

Онъ сидѣлъ, опустивъ голову, уронивъ руки между коленъ.

— Такъ нельзя!—сказалъ онъ наконецъ,—я въ Петроградъ нынче поѣду.

— Егоръ, милый!—крикнула Зюмъ.—Я съ вами.

Она сбросила халатъ, платочекъ, растворила дверь и позвала:

— Отецъ, Федоръ Федоровичъ, поди сюда. Мы инженеромъ ѣдемъ въ Петроградъ нынче ночью. Ты слышишь?

Въ мастерской появился докторъ Федоръ Федоровичъ съ папирской, сивый и нечесаный. Онъ только что проснулся послѣ обѣда, былъ въ ночной рубашкѣ, безъ крахмала, въ наброшенномъ на широкія плечи пиджаке. На свѣжихъ покрытыхъ сѣдой щетиной щекахъ его появились двѣ ямочки. Подавъ инженеру руку онъ предложилъ выпить чайку.

— Слышишь, мы къ Машѣ въ Петроградъ ѣдемъ,—сказала Зюмъ.

— Слышу.

— Ты, можетъ-быть, противъ?

— Нѣтъ, я не противъ.

— Мнѣ нужны большія деньги. Раскройте ротъ, говорите а-а-а!

Докторъ раскрылъ ротъ и началъ говорить а-а-а-а-а, Зюмъ засунула руку ему въ карманъ, вытащила кошелекъ, взяла сорокъ рублей и, поблагодаривъ, положила пустой кошелекъ обратно.

IV.

Подходя къ дому Егоръ Ивановичъ замедлилъ шаги, на прямой и широкой улицѣ съ невысокими домиками зажигали фонари. Фонарищикъ разъ уже двадцать впереди перебѣжалъ улицу, неся лѣсенку за спиной. Свѣтъ отъ огня дрожалъ въ лужахъ; а позади погасалъ багровый закатъ, загроможденный тучами.

Замедлялъ шаги Егоръ Ивановичъ потому, что было странно прийти и рассказать женѣ все.

«Вотъ съ этой минуты перестать лгать,—думалъ онъ, изо всей силы вдыхая студеный вѣтеръ.—Я лгалъ потому, что мнѣ было рѣшительно все равно—лгать или не лгать. Ну-съ, хорошо-съ, а сейчасъ подойти вотъ къ этому фонарищику и наврать ему чтонибудь—могу? Нѣтъ. Маша, милая дѣвочка, Маша. Пусть Люба страдаетъ, а мнѣ тяжело. А приду и скажу все».

Такъ подбадривалъ себя Егоръ Ивановичъ подходя къ дому, но когда снималъ въ прихожей пальто, стало жутко.

— Барыня дома?—спросилъ онъ Полоу.

— Выходили на минутку, сейчасъ же вернулись. Все время дома,—сухо отвѣтила горничная.

Егоръ Ивановичъ рѣшительно одернулъ пиджакъ, устроилъ улыбочку и вошелъ въ столовую. Любовь Никитишна, закутанная въ пеструю шелковую шаль, сидѣла у окна въ сумеркахъ. Молча повернула она голову къ

вошедшему мужу и плотнѣ закуталась. Онъ спросилъ небрежно:

— Люба, отчего у насъ такъ темно?

Она не отвѣтила, какъ каменная. Онъ прошелся и взъерошилъ волосы.

— Ты что сидишь? Тебѣ скучно?

— Нѣтъ, — отвѣтила она коротко.

— Сердишься? Ну, что же... (онъ хотѣлъ сказать — «я невиноватъ», — но не сказалъ). Вообще, что это за манера сердиться каждый день! Для этого не стоитъ жить вмѣстѣ.

«Скверно говорю. Гнусно. Трушу», быстро подумалъ онъ.

Она же спросила сквозь зубы:

— Гулялъ?

— Да. Прошелся.

— Заходилъ куда-нибудь?

— Заходилъ къ Зинаидѣ Федоровнѣ. Милая дѣвочка очень хорошая и главное талантливая.

Любовь Никитишна фыркнула. Онъ насторожился. И внезапно, закрывъ на минуту глаза, набравъ воздуха проговорилъ:

— Кстати, Люба... Намъ нужно съ тобой разстаться... Сегодня ѣду въ Петроградъ... То-есть, я не по дѣлу ѣду, а люблю Марью Федоровну. Очень.

Тогда она быстро повернулась, шаль соскользнула съ голаго ея плеча. Егоръ Ивановичъ крѣпко сѣлъ на стулъ, захватилъ бородку и, покусывая ее, ждалъ, какъ станетъ сейчасъ смертельно жаль жену.

Она медленно подняла руки, запустила ихъ въ волосы и покачиваясь повторила громкимъ шопотомъ:

— Такъ я и знала! За что? За что?

Онъ вытянулъ шею, вглядываясь. Ему уже хотѣлось, чтобы стало жаль.

Но жена, въ сумеркахъ заламывающая руки, повторяла «за что, за что» — показала не настоящей.

«Господи, да я каменный что ли!» — подумалъ онъ. Чего-то не хватало самого главнаго. Она страдала, а онъ вспомнилъ, что видѣлъ въ театрѣ вотъ такую же сцену — мужъ и жена у окошка. Тогда онъ пододвинулся со стуломъ и сталъ говорить ей о томъ, что не хочетъ больше лгать, что давно любитъ Машу, и надо примириться, и подружиться, и не страдать; никто не виноватъ, когда приходитъ любовь, а хуже всего скрывать и лгать, и жить въ остервенѣннн.

— Подружиться? Ахъ, мнѣ еще и не страдать? — крикнула она визгливо, поднялась, опять заломила руки, закинула голову и начала смѣяться. Морозъ продралъ Егора Ивановича. Онъ попробовалъ еще что-то доказать, но внезапно почувствовалъ ненависть, оторвалъ на пиджакѣ пуговицу и вышелъ. Хохоеть за дверями сразу стихъ.

Въ кабинетѣ, наставъ какія-то вещи въ ручной чемоданчикъ, Егоръ Ивановичъ еще помедлилъ, затѣмъ, черезъ балконную дверь, невидимый никѣмъ, вышелъ въ садъ, вѣтеръ подхватилъ его, и стало вдругъ легко, какъ послѣ исповѣди.

V

Зюмъ и Егоръ Ивановичъ сидѣли, тѣсно прижавшись, въ дребезжащей пролеткѣ. Брызгала грязь, и вѣтеръ трепалъ на маленькой шапочкѣ Зюмъ мѣховой хохолокъ, какъ у курочки. Егоръ Ивановичъ рассказывалъ ей послѣднее объясненіе съ женой.

— Егоръ, — перебила Зюмъ, — не забудьте послать телеграмму Машѣ, какъ я придумала: «Видѣла ужасный сонъ, безпокоилась, выѣзжаю, Зинаида». Иначе, что скажу *ему* когда приѣду? А сонъ я дѣйствительно видѣла.

Зюмъ задумалась. За поворотомъ улицы показались высокіе фонари вокзала. Мѣрно цокая копытами, поров-

нялся вороной рысакъ, храпя пролетѣлъ; въ брызжущей грязью коляскѣ сидѣла дама въ мѣхахъ, къ ней наклонилось бритое, въ бачкахъ, неправославное лицо. Егоръ Ивановичъ узналъ испанца и мѣстную купчиху вдову.

— А не лучше ли телеграфировать просто, не выдумывать. Пусть его догадывается,—сказалъ Егоръ Ивановичъ.

— Нѣтъ, — отвѣтила Зюмъ, — если онъ догадается за чѣмъ мы ѣдемъ—Богъ знаетъ, что способенъ натворитъ. Когда Маша въ послѣдній разъ уѣзжала, онъ разбилъ горшокъ съ фикусомъ и едва не схватилъ Машеньку за горло. Онъ можетъ ее убить.

Яркіе фонари освѣщали вокзальную площадь. Пролетка задребезжала по булыжнику и остановилась. Носильщикъ взялъ чемоданъ. Въ вагонѣ-микстѣ до Петрограда оставалось только два билета—купѣ перваго класса.

Охраняя Зюмъ отъ лѣзущаго въ поѣздъ народа, посаживая ее, помогая снять пальто, устраивая поудобнѣе на бархатной койкѣ Егоръ Ивановичъ только теперь понималъ, какъ она для него важна. Дѣвочка, въ сѣромъ клѣтчатомъ платьѣ, съ сумочкой черезъ плечо казалась необходимой и страшно важной, точно любовь его тоже была встревоженная и тоненькая, въ клѣточку съ сумочкой, такая же строгая и чистая, какъ Зюмъ.

Въ купѣ сохранился давнишній запахъ сигаръ, по трескивало отопленіе, съ боковъ электрическаго шарика качивались двѣ синихъ кисточки. Зюмъ сидѣла бокомъ къ окну на столикѣ. Егоръ Ивановичъ рассказывалъ, обхвативъ колѣно, глядя на дѣвушку снизу вверхъ:

— Въ сущности, мнѣ тридцать семь лѣтъ. У меня два ордена и чинъ, и собственный домъ, и жена, и служба. Зюмъ, все полетѣло къ чорту; правда? Странно? Ничего особеннаго, — а то особая статья. И кто такой я сейчасъ, ей-Богу, не знаю! Меня все время холодеетъ, вотъ это вѣрно.

— На этой станціи мы не остановимся, — отвѣтила Зюмъ, грызя шоколадъ.

Мимо окна желтой лентой скользнули огни. Долго вистѣлъ паровозъ, загибая на поворотѣ. Прогрохотала трѣлка и снова за окномъ темнота.

— Вамъ неприятно Зюмъ, что я все про себя говорю?

— Говорите, только короче.

— Помните, Машину косыночку? Такъ вотъ мнѣ представляется, что я сейчасъ закутанъ въ ея косыночку.

Передъ этимъ меня вывели изъ какой-то житейской фабрики, раздѣли и вытряхнули. Если Маша меня разлюбитъ, тогда мракъ, смерть, Зюмъ. Я суеутился, морщилъ лобъ, работалъ, читалъ, ожилъ съ женой, враждовалъ съ людьми, и все это дѣлалось, конечно, для чего-то. И вдругъ оказалось, что только и нужно мнѣ на свѣтѣ, чтобы разъ еще увидѣть Машу. — Егоръ Ивановичъ подпрыгнулъ, толкнулся было по купѣ и опять сѣлъ. — Кавардакъ! Ни Машѣ, ни мнѣ, ни любви всѣ эти тридцать семь лѣтъ не нужны. Сколько лишняго и мерзкаго я надѣлалъ! Все было лишнимъ, вся жизнь! Зюмъ, если бы вы видали, какъ Маша заплакала, тогда, въ окнѣ вагона.

— Нехорошо, Егоръ, вы разговариваете, — перебила Зюмъ, — все равно, какъ изъ книжки. Это все еще прежде въ васъ топорщится. Развѣ можно знать наше назначеніе? Если жили такъ, что приходилось все время плохо поступать, значитъ плохо жили. И надо начать сызнова. Никогда не поздно. Только бы любить.

Послѣ этого фонди долго молчали. Проводникъ постлалъ свѣжія постели. Егоръ Ивановичъ курилъ въ уборной, затѣмъ осторожно зашелъ въ купѣ, гдѣ была прикрыта половина фонаря и пахло одеколономъ, и легъ наверху на спину.

Зюмъ была права. Онъ слишкомъ много разговариваетъ. Будь здѣсь Маша, она бы положила ладони на его голову и взглянула въ глаза серьезно и ласково, такъ серьезно и ласково, точно самое важное на землѣ—об-

няться на вѣки вѣчные при свѣтѣ вагоннаго фонаря. Сгибана будетъ страдать — значить такъ и нужно. тогда узенькое купэ, летящее по степи, показалось Должно же у насъ быть что-то самое высшее, чему и роднымъ домомъ, однимъ изъ тѣхъ, что стоять за рѣкою всего себя вмѣстѣ съ совѣстью. Объ этомъ я въ городкѣ, скрытомъ отъ глазъ голубымъ туманомъ думалъ раньше, но мнѣ кажется, что любовь есть за-

Егоръ Ивановичъ вспомнилъ просторную и теплую всѣхъ законовъ. Вѣрю всѣмъ духомъ. столовую, чайный столъ подъ керосиновой лампой, взьер — Егоръ, я васъ очень люблю, — сказала Зюмъ. шеннаго Федора Федоровича, пьющаго восьмой стаканъ — Я васъ тоже, милочка. вперемешку съ папиросами, и рядомъ съ нимъ взволн — Егоръ, на ночь я всегда читаю «Отче нашъ». Въ ванную, смущенную и все же ясную Машу. Изъ вазетихъ словахъ, мнѣ представляется, скрыто все самое ки она накладывала вишневое варенье Егору. Прекрасное, что есть на землѣ. Я читаю и хочу, чтобы жила столько, что оно потекло на скатерть, и всѣ мной и вами, и Машей, и всѣми людьми правили высо- смѣялись. Затѣмъ случилось какъ-то такъ, что докторія помышления. Да свѣтитса Имя Твое, да будетъ Воля и Зюмъ ушли, и въ Машинной маленькой комнатѣ, едТвоя и да придетъ царствіе Твое. А все обыденное освѣщенной, наступила единственная ихъ ночь. Они ко ежедневное было бы намъ мило только на минуту. И нулись другъ друга какъ родные, нѣжно, заботливы не хранили бы насущнаго хлѣба, — онъ нуженъ всѣмъ. стыдливо... Но, ставъ такими совершенными, мы бы не занеслись

Егоръ Ивановичъ завертѣлся на койкѣ, и понемно очень и не загордились. Мы все же смертные и без- нымъ овладѣло ужасное безпокойство. Онъ кашляну помощные люди.

— Зюмъ!

— Да, Егоръ, я не сплю.

— Зюмъ, вы о чемъ думаете?

— Думаю, что Маша можетъ и не поѣхать съ нами

Егоръ Ивановичъ быстро перегнулся съ койки и ра- личилъ худенькое лицо дѣвушки, раскрытые глаза.

— Подумайте, Егоръ, вѣдь васъ не двое во всей этой исторіи, а четверо.

Тогда Егоръ Ивановичъ сталъ думать, и опять самымъ важнымъ казалось ему вишневое варенье, пролитое с хрустальнаго блюдечка на скатерть. Зюмъ тоже не спал. Онъ слышалъ, какъ дѣвушка возилась, вздыхала и п реворачивала подушку холодной стороной вверхъ. Ко она спросила, наконецъ, упавшимъ голоскомъ, — спитъ онъ, — Егоръ Ивановичъ сказалъ:

— Я стараюсь быть справедливымъ, Зюмъ, но у меня ничего не выходитъ. Если я счастливъ, а Любовь Н

Зюмъ помолчала, послѣ долгаго времени спросила: — Егоръ, знаете что? — И затѣмъ ея дыханіе стало ровнымъ.

VI

Утромъ по вагону затопали мелкіе шажки, зазвенѣли стаканы, и въ щели дверей запищали дѣтскіе голоса: — Кофе, чай! Кофе, чай!

И чей-то голосъ прохрипѣлъ:

— Эй ты, некрещеный дьяволенокъ, давай кофе сюда.

А другой женскій голосъ спросилъ испуганно:

— Скажите, это Любовь?

Егоръ Ивановичъ раскрылъ глаза, еще не понимая, почему онъ въ Любани. Зюмъ, уже одѣтая, причесывалась, держа шпильку въ зубахъ.

Поднявъ къ нему голову она улыбнулась и сказала: — Некрещеные дьяволята бѣгають, слышите... — Я сейчасъ клонеть», — подумала Зюмъ хохолокъ на ея шапочкѣ вздрогнулъ.

И Егора Ивановича залила щемящая радость: черезъ — Я пріѣхала за Машей, — сказала она твердо. — Ахъ, какія мы строптивыя, милая моя фантазерка, — два часа увидить Машу. — снялъ съ нея шубу, — Маша арестована надолго, и вамъ я больше ее не пущу, дѣтка. Довольно безъ Петроградъ показался наконецъ съ лѣвой стороны — бужа напрягалась.

грязнымъ облакомъ разостлался онъ по землѣ, за тѣми, за тощими соснами, за кочковатыми лужами лотъ. Проступили фабричныя трубы и очертанія собора. Начался мелкій, неуставаемый дождь. «Посмотримъ, дѣтка», — съ яростью подумала Зюмъ, глядя въ холодные его, выпуклые глаза. Они медленно въѣхали въ закопченный вокзалъ, забѣгали носомъ, какъ у птицы. Съ приговорочками, съ тонень- щики, началась давка при выходѣ. Егоръ Ивановичъ улыбочками онъ проводилъ ее въ столовую, гдѣ держа подъ руку Зюмъ, какъ въ полуснѣ, увидѣла кофе и на стулѣ висѣла Машина пуховая косынка. просторную свѣтлосѣрую площадь, тяжелый памятникъ «Одна я отсюда не уѣду, пусть рѣжуть», — подумала и, крѣпко сжавъ дѣвушкѣ локоть, повторилъ: Дай Богъ! Зюмъ и, строптиво фыркнувъ, побѣжала въ спальню. Маша лежала еще въ постели. Изъ-подъ пышнаго жел- Озабоченная и очень рѣшительная Зюмъ завезла Егора одѣяла появились сначала ея поднятыя брови и ра Ивановича въ гостиницу, что на Морской, приказало больше, испуганные глаза.

ждать терпѣливо и на томъ же извозчикѣ поѣхала и — Зюмъ? — проговорила она, — Зюмъ! Ты! Каменноостровскій. Зюмъ остановилась и ахнула: такъ измѣнилась Маша; въ чистомъ и знакомомъ подѣздѣ такъ же, какъ прежде бывало просыпалась, какъ вымытая студеной во- и годъ назадъ, стояла дѣтская колясочка. Тотъ же серицей и глаза по утрамъ были зелеными, а верхняя ма- дитый швейцаръ, глядя въ сторону, пробурчалъ, что венъкая губа вздрагивала отъ смѣха. Сейчасъ Маша си- двадцать шестомъ номерѣ, кажется, дома, а можетъ-быть ла на постели похудѣвшая, строгая, бѣленькая. и не дома. На третьемъ этажѣ на знакомой двери при — Комарь, здравствуй же, — прошептала Зюмъ, — на- вернута тщательно вычищенная доска: «Михаилъ Петре- тоящий комарь, ни кровиночки... Она сбросила сумочку, туфли, жакетку и, нырнувъ вичь Стояновъ». Зюмъ подышала на доску, перекрести- лась и позвонила. лодъ одѣяло, обхватила Машу, цѣлуя въ шею, въ горло, ушко.

Послышались ровные шаги и дверь открылъ сама — Зюмъ, радость моя, глупая, что это значитъ? — Михаилъ Петровичъ, высокій, блѣдный человекъ, с — спрашивала Маша, сама стараясь поцѣловать. Зюмъ за- розовымъ глянцевитымъ шрамомъ черезъ високъ, съ хо- прашивала Маша, сама стараясь поцѣловать. Зюмъ за- лодными, выпуклыми глазами, словомъ — все такой же шипѣла ей громкимъ шопотомъ въ самое ухо: онъ отступилъ на шагъ и воскликнулъ: — Я тебѣ все должна рассказать. Онъ изумительный — Я тебѣ все должна рассказать. Онъ изумительный человекъ. Бросилъ все. И мы прискакали. Сегодня же — Я тебѣ все должна рассказать. Онъ изумительный человекъ. Бросилъ все. И мы прискакали. Сегодня же Зятѣмъ взявъ холодными пальцами ея руку и усмѣ- вдемъ съ нами домой. нулся. Блеснула золотая пломба, горбатый носъ еще Егоръ? Что ты говоришь? Онъ здѣсь? — Маша бы-

стро събла на кровати, схватила за руки Зюмъ, къ
камъ хлынула кровь.—Зачѣмъ, Зюмъ, зачѣмъ?

— Чего испугалась? Вообще, почему ты такая ста
ная, Маша? Ты не рада, что я приѣхала? Ты чего
подумала. Онъ въ гостиницѣ. У него переверотъ,
ворю тебѣ. Но только онъ чудной какой-то сейча
Любить, любить, Маша! А мнѣ онъ, какъ братъ.
всѣ будемъ счастливы! И докторъ его любитъ. Ты
ешь—Михаиль едва не заклевалъ меня въ прихо
Вставай, ѣдемъ въ гостиницу, сейчасъ же.

Отодвинувъ сестру, въ ужасѣ глядѣла на нее Ма
Но Зюмъ опять обхватила ее сильными руками и ст
рассказывать все по порядку. Едва Маша раскры
ротъ—Зюмъ кричала на нее и приходилось молчать.

Понемногу смягчились Машины одичавшіе за это
мя глаза, и даже губа дрогнула однимъ разокъ преж
улыбкой, и не такъ ужъ ей стало невѣроятно, что пр
халь Егоръ. Наконецъ сестры рѣшили объявить М
хаилу, что послѣ завтрака идутъ гулять однѣ, безъ
го; затѣмъ взять извозчика и скакать въ гостини
гдѣ ждетъ и мучается Егоръ, и тамъ все выяснитъ.

Въ это время Михаилъ Петровичъ нѣсколько ра
подходилъ къ дверямъ спальни, но его гнали. Разс
дьясь онъ объявилъ, что не можетъ работать натоца
а завтра у него лекція.

Сестры вышли въ столовую. Михаилъ Петрови
удовлетворенный комфортомъ, развернулъ салфетку,
ложилъ съ лѣвой руки газету, съ правой портсигар
разобралъ ложечки и вилочки и холодными глазами ус
вился на сига по-польски.

Маша сидѣла на хозяйскомъ мѣстѣ, подперевъ па
чемъ високъ. На ней было черное платье съ полотно
нымъ воротничкомъ, она казалась въ немъ дѣвочкой
такъ похудѣла, и не смѣла взглянуть ни на мужа, ни
на сестру, ожидая каждую минуту, что вотъ швырне

шилъ салфетку и загремитъ на всю столовую:—«ты
лжешь, лжешь, лжешь!»

Зато Зюмъ, не притрогиваясь къ ѣдѣ, въ упоръ гля
крошечными точками зрачковъ на Михаила.

— На мнѣ ничего не нарисовано, дѣтка, ѣшь сига,—
заялъ онъ, поднявъ брови, и вслухъ началъ читать
столовую статью.

«Ну что же, если и сейчасъ не догадываешься, самъ
овать»,—подумала Маша.

— Утверждаютъ, что работы Думы въ предстоящую
реднюю сессію предполагается ограничить исключи
льно рассмотрѣніемъ бюджета»,—читалъ Михаилъ
Петровичъ. Въ черномъ галстукѣ его, съ красными кра
нами, блестѣла золотая подковка.

«Егоръ мучается, ждетъ, а я слушаю про бюджетъ»,—
думала Маша и краска то приливала, то отливала на ея
кахъ.

— А я на вашемъ мѣстѣ не рискнулъ бы итти гулять
такую слякоть. Сидѣли бы дома, дѣвочки,—сказалъ
Михаиль Петровичъ, принимаясь за сладкое.

— Мы пойдемъ гулять,—медленно отвѣтила Зюмъ.

Онъ пожалъ плечами:

— Ужъ не собираетесь ли вы на свиданіе?—онъ
схнулся, собравъ морщины на щекахъ; золоченая ло
чка съ мирабелью остановилась, недонесенная до рта.
Маша подняла голову, румянецъ гуще залилъ ей ще
глаза налились слезами:

— Я бы тебя просила такъ не шутить,—сказала она,
вернулась и мизинцемъ дотронулась до уголка глаза.
— Презираю плоскія шутки,—подтвердила Зюмъ.

Михаиль Петровичъ надулъ щеки, вынулъ зубочистку
выпятивъ нижнюю губу.

— Увольте, увольте! Въ этомъ домѣ я слова не могу
завать,—затѣмъ поднялся и, закинувъ голову, прямой
высокій, въ застегнутомъ наглухо сюртукѣ, медленно
шелъ изъ столовой.

Въ кабинетѣ онъ взялъ серебряный разрѣзной и, проводя по нему пальцами, задумался. Надменно холодъ понемногу сошли съ его лица, и глаза стали чальными.

На синемъ сукнѣ стола стояли бронзовые тяжести, вдоль стѣнъ—запертые наглухо шкапы, повсюду кожа и темное сукно, и мутный свѣтъ дня, пробиваясь сквозь кружево и шторы, едва освѣщала весь этотъ чинный холодъ. Только передъ диваномъ лежалъ смянутый носовой платокъ, вчера забытый Машей. Михаилъ тровичъ взялъ его, сжалъ въ кулакѣ, затѣмъ, постоялъ такъ довольно долго, позвонилъ и вошедшей горничной приказалъ бросить платокъ въ грязное.

VII

Егоръ Ивановичъ отворялъ нѣсколько разъ форточку, чтобы вытянуло табачный дымъ, затѣмъ приказалъ запылить каминъ. Въ маленькой комнаткѣ, съ потерянной мебелью и пестрымъ ковромъ во весь полъ, стало душно. Пришлось отодвинуть кресло къ окну, выходу вѣду въ глубокой дворъ.

Тамъ подъ навѣсомъ вытряхивали ковры, стрѣляя какъ изъ пушки; бранился привезшій дрова ломовикъ; унылый велосипедистъ разговаривалъ съ дворникомъ.

Трескали полѣнья въ каминѣ; вдалекѣ коридора слышались звонки. Егоръ Ивановичъ принимался также стирать зубы нѣсколько разъ, а бороду, пахнущую, какъ ему казалось, дорожной копотью, смачивалъ одеколонъ. Маша не шла и не звонила. На каминной полкѣ тикали, отбивали время равнодушные къ Егору Ивановичу часы подъ колпакомъ. Онъ останавливался передъ ними и въ зеркало глядѣлъ на свое измѣнившееся знакомое лицо, падалъ духомъ, и, когда слышались дверью голоса, подбѣгалъ и слушалъ.

«Эй, послушайте, что вы мнѣ за бурду принесли?»—«фе-съ».—«Ну, такъ пейте его сами, я не свинья»—пропустили голоса.—«Который номеръ ищите, сударыня, ходите, поболтаемъ».—«Извините, не найду».—«Что за праясудки, вы въ которомъ вѣкѣ живете»?.. «А вы походите орите, здѣсь семейные номера»...

Сердце то колотилось, то словно скулило—былъ трескъ, точно раскалилась. Егоръ Ивановичъ вышелъ, нащупавъ, за дверь и повернулъ по узкому коридору, по старому тѣмъ же ковромъ; глянцевитые обои на стѣнахъ и потолокъ поблескивали отъ желтыхъ лампочекъ. Коридоръ то поднимался, то заворачивалъ. Дойдя до вестибюля и узнавъ у размахивающаго дверями швейцара, что никто не приходилъ и не звонилъ, Егоръ Ивановичъ побрелъ обратно.

«Или больна, или случилось ужасное, или всего вѣрнее не хочетъ видѣть»,—думалъ онъ, ступая на сиреневые розаны ковра. И вдругъ эти сиреневые розаны попались ему послѣднимъ, что осталось отъ всего, они вели въ низенькую, раскаленную комнатешку, гдѣ будетъ конецъ. «Маша не любитъ, не придетъ и конецъ. Не хочеть меня, тогда чортъ со мной, не нуженъ я никому, главное самому себѣ». Темное облако нашло на сознание Егора Ивановича, не хотѣлось даже передвигать ногами. Розаны подвели къ фарфоровой ручкѣ двери. Онъ зажалъ ее, вошелъ и увидѣлъ на диванѣ рядышкомъ, въ сумеркахъ, двѣ фигуры. Поближе къ камину сидѣлъ кто-то родной, нѣжный, изумительный, въ котиковой рубкѣ и шапочкѣ, въ вуали.

— Маша!—проговорилъ Егоръ Ивановичъ и, опустясь на коверъ, обхватилъ ее руками, спряталъ лицо въ колѣны въ душистое платье, теплое и тоже родное. Точно послѣ долгихъ лѣтъ, едва живой, достигъ онъ, прилежъ, обхватилъ сокровище изъ сокровищъ. Зюмъ высморка-

лась, сказала что-то насчет Петербургской стороны пяти часовъ и вышла.

— Егоръ, ты любишь меня?—спросила Маша громко.

Онъ сталъ смотрѣть ей въ измученное и прекрасное лицо. Вокругъ глазъ лежала синева. Она казалась вечно вѣчною, сидѣла смиренно, съ грустной и нѣжной улыбкой, повторяя иногда:

— Егоръ, милый.

— Маша, въ первый разъ за всю жизнь люблю,—сказалъ онъ. И даже не поцѣловалъ ее, а только вглядывался въ большіе глаза, съ дышащими темными зрачками. Приподнятая вуалька лежала на лбу, и вуаль, и почка на пепельныхъ волосахъ, и глаза, и нѣжный овалъ лица, и улыбка—все это съ каждымъ мгновениемъ значило неизмѣримо больше, чѣмъ просто человеческое лицо.

Мерцающая потрескивали угольки, тикали часы, и это казалось, было уже когда-то, или точно съ этой минутой, какъ во снѣ, началась и потекла въ обратномъ порядкѣ вся жизнь и вновь возвратилась къ истоку. Прошлое было не позади, а словно разостлалось вокругъ этой горячей комнатки, гдѣ остановилось время. Мысли и чувства медленно погрузились въ самихъ себя.

VIII

Первая Маша оторвала глаза, вздохнула и повернулась къ огню. Лицо ея залилось красноватымъ свѣтомъ. Не отрываясь Егоръ Ивановичъ глядѣлъ на ея ротъ, она сказала негромко, точно съ усиліемъ:

— Что же будетъ съ нами, Егоръ?

Тогда онъ присѣлъ на диванчикъ и принялся целовать ей глаза, щеки, и нѣжныя, припухшія еще от давешнихъ слезъ, губы:

— Съ нами ничего не случится дурного. Чего боишься? О чемъ думаешь?

— Голубчикъ ты мой, родной,—воскликнула она жадно и, поспѣшно погладивъ его лицо и руки, поцѣловала ихъ,—мнѣ радостно, мнѣ грустно ужасно. Расскажи мнѣ все по порядку, какъ ты надумалъ пріѣхать? Неужели все, все оставилъ изъ-за меня?

Тогда Егоръ Ивановичъ сталъ рассказывать о той единчайшей тревогѣ, какую испыталъ послѣ ея отъѣзда и, въ особенности, получивъ ея письмо. Онъ сравнилъ себя съ лунатикомъ, шедшимъ по узкому выступу надъ мостовой; когда же почувствовалъ руки, охватившія его—очнулся.

Она перебила:

— Положди, я ужасно хочу пить.

Стакана не оказалось, она налила изъ умывальнаго ковшина воды въ горстку, выпила и сказала.

— Дай твой платокъ. Послушай, Егоръ, мы все-таки начинаемъ съ того, что губимъ твою жену и Михаила. Я все время думаю, думаю объ этомъ. Неужели иначе нельзя, или мы должны столько мучить?

Голосъ ея дрожалъ, она вытирала руки и губы платкомъ.

— Я къ тому говорю, Егоръ, нужно все это сейчасъ и навсегда выяснить. Подумай—столько не видѣлись, какъ я тосковала о тебѣ, а сейчасъ чувствую—не могу еще тебя любить во всю силу, попросту. Помнишь, какъ я у насъ хорошо началось? Тогда еще никто намъ не мешалъ. У меня вотъ здѣсь тяжесть, грустно, страшно, дурные мысли... Прости меня, Егоръ милый, не огорчайся, что я такая дурная съ тобой. Я хочу только, чтобы совсѣмъ стало легко. А если мы ихъ погубимъ, навсегда останется на насъ грѣхъ—какъ же тогда жить?

Маша совсѣмъ разволновалась. Егоръ Ивановичъ думалъ, что если это ихъ свиданіе началось съ муки, что же

будеть потомъ? Неужели любить только тогда, когда
и счастливъ и спокоенъ?

— Какъ же теперь быть? Ты хочешь, чтобы все кончилось и я уѣхалъ.—спросилъ онъ, и клубокъ смертельной горечи подкатился къ горлу,—ты можешь меня оставить, Маша,—онъ взялъ кочергу и засунулъ ее въ угли, а я думаю такъ—любить когда все благополучно всяко можетъ, почему не любить. А вотъ слава Богу что насть есть мука, и не хочу, чтобы ее не было.

Онъ сбернулся. Маша сидѣла зажмурясь. Съ влажныхъ рѣсницъ ея лились слезы по щекамъ. Тогда стало ясно, что весь ихъ этотъ разговоръ только отъ того, что они не могутъ разлучиться никогда. Онъ обхватилъ ее крѣпко. Она громко заплакала, и вдругъ слезы встали сохли, строгіе, потемнѣвшіе глаза словно погрузились въ глаза Егора Ивановича. Рухнувшее полѣно разсыпалось искрами, озарило комнату. Настало то, для чего нужно ни воспоминаній, ни словъ.

Не осталось ни горечи, ни сомнѣній. Машѣ трудно было различить—ея это рука или его лежитъ на потертыхъ плушѣ. Егоръ Ивановичъ повторилъ:

— Родная, жена моя, сестрица моя, дочка...

Инымъ онъ не могъ выразить смиренія своего и радости отъ того, что Маша съ нимъ, и чувствуютъ и дышатъ они согласно, какъ одинъ человѣкъ. И все, что живетъ и чувствуетъ и дышитъ—способно на такую радость и полноту.

IX

Михаилъ Петровичъ строго взглядывалъ на часы, какъ-будто они были виноваты въ томъ, что Маша опоздала къ обѣду почти на часъ.

Вообще онъ много подозрѣвалъ, еще больше не принималъ, но сдерживался, полагая, что если у Маши

какое-нибудь увлеченіе, то чувство нравственного долга во всякомъ случаѣ перевѣситъ у нея преступныя легкомысленныя настроенія.

За шестилѣтнюю жизнь онъ не разъ замѣчалъ у Маши перемѣны въ характерѣ, но считалъ это законнымъ, потому что выше всего ставилъ духовную свободу и нравственную эволюцію человѣка.

Все же, когда въ прихожей затрещалъ звонокъ, Михаилъ Петровичъ сильно вздрогнулъ, поднялся отъ стола трогая бритыя губы и подбородокъ, безъ прежней брѣнности, зашагалъ по ковру. Онъ слышалъ, какъ Маша сказала сестрѣ:

— Нѣтъ, я прошу тебя, сядь и жди, вотъ книга.

Затѣмъ она появилась въ дверяхъ, привычнымъ движеніемъ поправляя высокіе волосы. Взглянувъ въ ея лицо, Михаилъ Петровичъ внезапно проговорилъ не то, что хотѣлъ:

— Я слушаю, Маша.

Она сѣла на кожаный диванъ, аккуратно сложила руки, вздохнула, собирая всѣ мысли, и сказала:

— Я люблю другого человѣка, вотъ видишь, Михаилъ. Ты меня прости. Главное за то, что не сразу сказала. (Она задохнулась немного). Во всякомъ случаѣ сегодня уѣзжаю отъ тебя, Михаилъ...

Онъ стоялъ, разставивъ ноги, держась за дрожащій подбородокъ:

— Вотъ какъ, не ожидалъ отъ тебя такого,—проговорилъ онъ глухо,—кто же этотъ твой...—и когда она раскрыла ротъ онъ крикнулъ:—пошлѣйшій адюльтеръ! Вотъ это что. Вы всѣ на одинъ фасонъ! Мерзость!—на желтомъ лицѣ его изобразилось глубочайшее отвращеніе:

— Пошла вонъ,—сказалъ онъ, вернулся къ столу и низко нагнулся надъ рукописью. И сейчасъ же, едва Маша подошла къ дверямъ, вскочилъ, сжалъ ей пальцы и крикнулъ, уже не сдерживаясь:

— Куда! (Маша только ажнула). Куда ты идешь? отпущу. Я тебя запру. Я тебя застрѣлю. Тварь!

— Теперь я дѣйствительно уйду, — сказала Маша, пусти мою руку!

Она вырвала ее и повернулась, но онъ вдругъ по сѣбѣ на коверъ у ея подола и заговорилъ поспѣшно:

— Маша, этого не можетъ быть. Ты меня обижаешь, подумай! Ты вѣдь не сошла съ ума. Ты не можешь меня оставить. Мы поѣдемъ въ Тироль, какъ я обѣщала, я буду все время только съ тобой. У тебя увлеченіе, я понимаю. Но сдѣлай надъ собой усиліе. Ты обо мнѣ охота часть подумай! Мнѣ, мнѣ, мнѣ больно.

— Михаилъ, я его люблю. Я счастлива, какъ въ жизни никогда не была, — серьезно и раздѣльно говорила она. Онъ закрутилъ головой. Волосы его были рѣдкіе, на вискахъ сѣдые. «Отъ меня посѣдѣлъ» — подумала она и опять какъ игла вошла въ нее жалость. «Нельзя, нельзя, нужно сдержаться», — и она сказала:

— Онъ — мой мужъ, а не ты. О немъ я должна думать.

Тогда Михаилъ Петровичъ поднялся и съ отвисшей губой, не то хрипя, не то стоная, вращая глазами, принялся выкрикивать совсѣмъ уже лишнія слова.

И Машѣ сразу все стало безразличнымъ и непереносимымъ. Она быстро повернулась и выбѣжала. Въ столовой схвативъ Зюмъ за руку, сказала:

— Господи, да скоро ли поѣздъ!

— Иди и укладывайся, и не смѣй больше съ нимъ говорить, — отвѣтила Зюмъ, — у меня уши болятъ отъ вашего крика.

X

Но крику не убавилось. Михаилу Петровичу, все происходящее казалось подрываніемъ всѣхъ основъ, разсѣянъ и прямымъ покушеніемъ на его достоинство. Онъ пошелъ изъ кабинета и, стуча въ дверь спальни, требовалъ объясненій, или хотя бы только объясненія, чортъ возьми, — «элементарнаго, чего я требую отъ васъ». Убѣгая къ себѣ, принимался хлопать ящиками стола. Затѣмъ разбилъ какое-то стекло, наконецъ прокричалъ черезъ столовую, крикнулъ: — «прощай, ухожу, не вернусь». И дѣйствительно ушелъ, но вскорѣ вернулся спросилъ черезъ дверь, чужимъ какимъ-то, измѣненнымъ голосомъ, навсегда ли уходитъ Маша, или еще думаетъ вернуться.

— Навсегда, навсегда, — крикнула въ отвѣтъ Зюмъ. Она и сестра сидѣли въ это время въ ванной, головами въ разныя стороны; такъ съ дѣтства любили онѣ зализывать вмѣстѣ въ горячую воду и самыя задушевныя бесѣды велись именно такъ.

Маша лежала съ полузакрытыми глазами, отдыхая, набираясь силъ; до поѣзда оставалось часа полтора; при взрывѣ мужниныхъ криковъ она только покачивала головой. Надъ водой были высунуты кончики ея колѣнокъ, онѣ озябли и порозовѣли. Маша казалась маленькой и совсѣмъ хрупкой подъ водой. Зюмъ глядѣла на три знакомыя коричневые родинки, одна выше локтя, другая на томъ мѣстѣ, гдѣ сердце, третья на боку; ей нестерпимо жалко было сестру, совсѣмъ непохожую на грѣшницу. Маша подняла мокрую руку и убрала прядь волосъ упавшую на глаза, на рукѣ были синія жилки. Тогда Зюмъ прильнула къ озябшимъ ея колѣнамъ и заплакала.

На вокзалъ Егоръ Ивановичъ пріѣхалъ спозаранку. Купилъ билеты и стоялъ въ вестибюлѣ, куда вваливались и вновь уходило на дождь множество народу. Отъ каменныхъ хвосты. Здѣсь черезъ нѣсколько минутъ долетѣла Маша и онъ тронутся обрваться все старое. Отсюда Маша и онъ тронутся долгую дорогу. Зюмъ звонила въ гостиницу три раза. Егоръ Ивановичъ съ вокзала разговаривалъ съ ней, резъ мелочную лавку, и все же безпокойство его увеличилось. Въ толпѣ онъ замѣтилъ котиковую шубу, которую онъ искалъ было, но это оказалась незнакомая дѣвушка заплаканными глазами, съ коробкой конфектъ и сосиской въ ручкѣ. Тогда онъ подумалъ, что Маша вѣрное тоже очень любитъ конфекты, а онъ никогда не позаботился, даже не спросилъ, чего ей хочется? Онъ побѣжалъ въ буфетъ и купилъ апельсиновъ, хотѣлъ взять конфектъ, но испугался, что пропуститъ Машу и вновь сталъ у выхода. Отъ апельсиновъ и еще отъ чего-то совсѣмъ неяснаго ему было тревожно и печально и очень жаль Машу, точно она была беззащитна, по крайней мѣрѣ на тому, чего не избѣжать. — «Не отойду всю жизнь ни на шагъ отъ нея. Если ей грустно, расшибусь, развеселю. Чего бы только ни захотѣла! Пусть будетъ ей хорошо на этомъ свѣтѣ», — думалъ онъ, соображая, что конфекты успѣеть купить, пока носильщикъ устроится съ багажомъ.

Наконецъ, появился съѣдой носильщикъ съ чемоданомъ за нимъ шли Зюмъ и Маша. Увидѣвъ ее, онъ не узналъ, хотя понималъ, что это она, и сжался отъ испуга, но прошло. Сестры издали кивали и улыбались. Маша бросила слово поцѣловала Егора Ивановича и взяла подъ руку. Сразу отлегла тяжесть, и онъ подумалъ, что все теперь хорошо.

У вагона Егоръ Ивановичъ сказалъ:

— Я ужасно безпокоился. Какъ вы съ нимъ устроились?

— Уѣхали и все, — отвѣтила Маша, — было очень

— Она глядѣла на него поднявъ голову и ея глаза счастья немножко косили; завитки волосъ на шеѣ были еще мокрые. Она сказала, — что послѣ ванны холодно и нужно бы пойти въ вагонъ. Зюмъ тоже торопилась.

Заложивъ руки въ карманы, она стояла подъ окномъ, когда внимательно всматриваясь въ толпу. Но на платформѣ вагона вмѣстѣ съ чемоданомъ и брюхомъ своимъ толстякъ, въ бобровой шапкѣ и бабьимъ голубымъ ругался съ кондукторомъ. Егоръ Ивановичъ крѣпко держалъ Машу за плечи. «Ты такъ крѣпко держишь, что я убѣгу, никуда отъ тебя не убѣгу», — прошепталъ она, улыбаясь. Толстякъ загоразивалъ входъ въ вагонъ, выталкивая на огненномъ циферблатѣ часовъ подпрыгивала, вывалилась три минуты. Егоръ Ивановичъ наклонился къ Машѣ, коснулся ея щеки и волнуясь проговорилъ:

— Маша, ты не бросишь меня?

— И здѣсь вмѣстѣ и тамъ. Навсегда, — отвѣтила она блѣднѣвъ.

А въ это время Зюмъ послѣшно подойдя прошептала: — Онъ ищетъ насъ. Лѣзьте скорѣй въ вагонъ.

И сейчасъ же они увидѣли Михаила Петровича. Онъ стоялъ въ разстегнутой шубѣ, въ цилиндрѣ, надвинутомъ на глаза. Обѣ руки засунуты въ карманы. Глаза, какъ геклянныя и неподвижны, точно онъ видѣлъ летящій среди собой призракъ. Прошелъ онъ близко и не обернулся, только шея напряглась, но глаза не увидали. Черезъ нѣсколько шаговъ онъ круто свернулъ и прошелъ мимо. На желтомъ лицѣ его выдавилась усмѣшка. Маша, Зюмъ и Егоръ не могли двинуться. Ударилъ второй звонокъ. Толпа на минуту заслонила Михаила Петровича, затѣмъ онъ очутился совсѣмъ рядомъ. Правая рука его соскочила въ карманѣ. Егоръ сталъ заслонять Машу обоимъ невыносимо было тошно глядѣть, какъ онъ соскочится, выкативъ плоскіе, поблѣвшіе глаза. Зюмъ вскрикнула. Михаилъ Петровичъ вытащилъ руку изъ

кармана, откуда повалились перчатки, спички, газет
выстрѣлили. Маша схватилась за то мѣсто, гдѣ
мокрые завитки. Егоръ Ивановичъ раскрылъ ротъ,
нулся, но крикъ его заглушили пять подъ рядъ рѣзв
выстрѣловъ. Не разнимая рукъ Егоръ и Маша опустили
на асфальтъ. У ногъ ихъ рассыпались апельсины
коричневаго мѣшка. Раздались свистки, толпа окру
Михаила Петровича. Цилиндръ слетѣлъ съ его голо

юмъ развернула пледъ, накинула его на плечи, сѣла
голикъ, и, прижавшись лицомъ къ окну, глядѣла на
легкія живыя молніи. Онѣ двоились и троились у
въ глазахъ и, чтобы лучше видѣть, она платочкомъ у
рала стекло, потомъ глаза, потомъ опять стекло.

Зюмъ ѣхала въ купѣ одна; отцу она послала теле
грамму: «Егоръ и Маша убиты, жди меня». Она уѣхала
на второй день только потому, чтобы вообще уѣхать
томиться въ городѣ въ ожиданіи похоронъ, но здѣсь
купѣ оказалось, пожалуй, еще тяжелѣе.

Напротивъ, на полосатой койкѣ, *должны* были сидѣть
Маша и Егоръ. А они никогда не могутъ здѣсь болѣе
сидѣть, не пощѣбуются, не засмѣются. Вообще ихъ бо
ше нѣтъ. Зюмъ глядѣла на хрустальный полушаръ,
горѣлъ газъ, надъ нимъ покачивались синія кисточки.
Онѣ точно такъ же покачивались, когда Егоръ говорилъ
о вѣчной любви.

Держась за ремень кожаной сумочки, Зюмъ глядѣла
въ окно. Она не плакала. Тамъ въ темнотѣ хлестали
дождь и красныя искры летѣли мимо.

То сыпалось густо, то обрываясь, длинными огненными
нитями онѣ летѣли теперь въ глазахъ и мозгу Зюмы.
Онѣ рождались живыя и легкія въ мокрой темнотѣ, пр
рѣзывали окно и гасли. Зюмъ подумала, что такъ
Маша и Егоръ вылетѣли изъ огня, пронеслись на мгнове
ніе, и ихъ залило дождемъ.

И ей стало казаться что это—не конецъ: *они* бл
нули и погасли только въ ея глазахъ. Она разминов
лась съ ними, только. И въ какихъ-то пространствахъ
они снова встрѣтятся, примутъ и ее, Зюмъ, въ своей
угасаемый ничѣмъ костеръ.

Б У Р Я

I

Василій Васильевичъ стоялъ у гипсовой низкой лонны, опустивъ руки, слегка сутулясь, отчего крахмальная рубашка его смялась на груди подъ фракомъ.

По старому и мозаичному паркету залы медленно двигались танцюющія пары подъ звуки танго. Кавалеры были въ черныхъ фракахъ, полные или худые, иные съ просѣдью, иные съ блестящими бородами, иные съ круглыми почти дѣтскими лицами; всѣ они, словно изнеможенны и безъ силъ, двигались, не отрывая зоренныхъ глазъ отъ глазъ своихъ дамъ.

Ихъ дамы въ желтыхъ, оранжевыхъ, красныхъ платьяхъ, узкихъ и открывающихъ колѣна, съ хвостами, какъ у ящерицъ, или раздвоенными, какъ змѣиный языкъ, въ перьяхъ и пылающихъ драгоценностяхъ, были словно тропическiя насѣкомыя, охваченныя лихорадкой и зноя въ вечеря.

Тонкіе, изломанные звуки танца, пронизывающіе и болезненные, обезволивающіе и ядовитые, смутили совѣсть и затуманили Василя Васильевича. Ему вдругъ стало казаться, что отъ танцюющихъ исходятъ, какъ паутины, ниточки, запутываютъ и томятъ, что эти ниточки, — тонныя силы, просочившіяся изъ самыхъ глубокихъ по-

сознанія въ кровь и что это совѣсть не веселый танго.

Но едва ли Василій Васильевичъ сознавалъ все-таки, что думаетъ: онъ былъ, какъ никто изъ участниковъ рождественскаго бала въ загородномъ дому князя Красносельскаго, взволнованъ и влюбленъ; не мигая не отрываясь, онъ уже давно слѣдилъ за Еленой Павловной Ходанской. Она была въ оранжевомъ платьѣ, украшенномъ черными кружевами на бокахъ, плечи ея были опущены, какъ отъ сильнаго утомленія, маленькая голова высокою шею слегка запрокинута; на нее было больно смотреть; ея кавалеръ, драгунъ Красносельскій, съ прекраснымъ, очень холоднымъ лицомъ, въ танцѣ третьяго тура сбился, покраснѣлъ и ласково выжился; Елена Павловна подняла на него темные глаза, и ея задрожали, обнаженная рука пододвинулась ближе къ его плечу.

Василій Васильевичъ понялъ, если теперь же, до 12-ти часовъ, онъ не скажетъ ей всего, больше не стоитъ жить; уже три мѣсяца онъ думаетъ о ней, трусить, смѣетъ признаться; въ полночь начнется томительный ужинъ; она сядетъ, конечно, съ Красносельскимъ, — маненная и обольстительная. Василій Васильевичъ рѣшился.

Безъ четверти двѣнадцать онъ вошелъ въ маленькую комнату; у морознаго окна стояла Елена Павловна и, глядя на сосны, едва различимыя, покрытыя снѣгомъ, плакала.

— О чемъ вы? — спросилъ Василій Васильевичъ такъ тихо, что она сейчасъ же обернулась и положила ему руку на рукавъ фрака.

Она отвѣтила, что не знаетъ отчего плачетъ, что ей представилась близкая смерть.

Василій Васильевичъ принесъ воды въ запотѣвшемъ стаканѣ, далъ отпить и, глядя на зигзагъ ковра, намор-

щивъ лобъ, сказалъ, точно сдвигая тяжесть, что любит Елену и не можетъ безъ нея жить.

Елена Павловна такъ удивилась, такъ раскрыла глаза и губы, что онъ уже безъ страха схватилъ ея руку, сталъ ихъ цѣловать въ ладони, въ сгибы запястій, нѣжныя впадины локтей; она молчала и вдругъ проговорила низкимъ страннымъ голосомъ: «Люблю тебя!»

Это было неожиданно и почти страшно. Неужели чувства ея такъ очевидны и грубы? Или все это накипъ послѣ дьявольской музыки? Онъ представлялъ ее нечайной и воздушной, не знающей страстей. Она же вѣтила, какъ простая дѣвушка. Но Василий Васильевичъ сейчасъ же и забылъ объ этой мимолетной царшице.

На другой день онъ поѣхалъ къ Ходанскимъ. Счастья и радости онъ не ѣлъ, не курилъ и нѣсколько разъ взглядывалъ въ зеркало, не узнавая въ немъ себя.

Елена Павловна встрѣтила его спокойно, сказавъ, много думала и согласна быть его женой. Онъ о удивился такому отвѣту: развѣ не ясно послѣ ея рашнихъ словъ, что она его на-вѣкъ?

Они бесѣдовали въ гостиной, гдѣ обычно принимали и поили чаемъ всѣхъ гостей. Елена Павловна была одета въ синеватые круги лежали у ней въ подошвахъ, и усталая морщинка вѣшалась между бровей.

Ее точно брало большое нетерпѣніе, — окончить поскорѣе и уйти на морозъ; надъ ея головой, на мягкомъ диванчикомъ, висѣли въ тяжелыхъ рамкахъ портрета: толстый, хищный полковникъ, въ александровскомъ сюртукѣ, и злобный старичокъ, въ орденскомъ сюртукѣ, съ гусинымъ перомъ въ крошечныхъ пазахъ; у обоихъ у нихъ между бровей была та же терпѣливая складка.

На минуту Василий Васильевичъ почувствовалъ, онъ здѣсь чужой и роднымъ никогда (и никто изъ людей) быть не можетъ. Онъ сталъ смотрѣть на пол-

Елены Павловны, красныя, должно-быть необычайныя, если ихъ поцѣловать. Онъ задрожали, усмѣхнулись, и она спросила: «Ну, чего же вы молчите?» И у него голова на много недѣль.

Елена Павловна была всегда весела и умна; то легкомысленными насмѣшками, то незамѣтнымъ упорствомъ, иногда только простымъ подчеркиваніемъ словъ она сдѣлала такъ, что онъ считалъ вкусы ея самыми лучшими, поступки — самыми достойными, взгляды — самыми умными. Василий Васильевичъ думалъ, что въ день свадьбы онъ получитъ, несомнѣнно, величайшее изъ сокровищъ на землѣ.

Иногда она запрещала имъ видѣться; онъ страдалъ, сидѣлъ дома, и однажды узналъ случайно, что въ одинъ изъ такихъ «отреченныхъ» дней она ѣздила на Иматру.

Василий Васильевичъ надѣлъ сюртукъ, перчатки, пригладилъ волосы по-старому, назадъ (теперь ему было приказано дѣлать англійскій проборъ), — и въ такомъ видѣ, тщательно поднявъ брови, пріѣхалъ къ Ходанскимъ. Елена Павловна не замѣтила ни его сюртука, ни того, что онъ не снялъ перчатокъ.

— «У нея скверное лицо. Она сейчасъ солжетъ», — подумалъ онъ невольно, покрасивъ отъ стыда, ужаснулся своей грубости, но все же въ длинномъ и путанномъ разговорѣ попросилъ объясненія таинственныхъ поведеній. Елена Павловна опустила на диванъ, гдѣ и сидѣла до конца разговора, согнувшись, странная и замученная, затѣмъ просто и жалко махнула рукой и сказала:

— Не знаю, я ни въ чемъ не виновата предъ вами. Въ этотъ же вечеръ они поѣхали въ оперу, на «Русалку». Василий Васильевичъ умилялся несчастной судьбѣ мельниковой дочери и рѣшилъ сдѣлать Елену счастливой, чего бы это ему не стоило. Но на первый день Пасхи онъ столкнулся у Ходанскихъ съ офицеромъ, который, смѣясь въ дверяхъ, придерживая киверъ, говорилъ: «Нѣтъ, нѣтъ, я гораздо скромнѣе, чѣмъ обо мнѣ»

думаютъ!», это былъ князь Красносельскій; онъ сѣживалась, чтобы разнуздаться ночью. Однажды онъ комъ вѣжливо поклонился Василию Васильевичу и что глядѣлъ на ея спящее лицо съ пріоткрытымъ, шель. Въ гостиной Елена на-спѣхъ улыбнулась же внимательнымъ ртомъ, съ растрепавшимися по подушкѣ сказала: «Ахъ, вотъ и вы!» и почти прикрыла длинными волосами, и вдругъ подумалъ, что Еленой овлаждающими вѣками глаза; но все же Василий Васильевичъ бѣсы, союзъ ихъ душный и грѣшный. увидѣлъ въ нихъ и затаенную страсть, и гнѣвъ, и Но снова поутру Елена вставала чистая и ясная. Шучочарованіе, и досаду.

Съ этого дня онъ почти не спалъ по ночамъ. Но залитымъ солнцемъ мраморнымъ мостикамъ хоропаленнымъ воображеніемъ видѣлъ Елену и князя. С было итти подъ руку завтракать въ любимый ревалъ съ себя простыни и дышалъ, какъ въ жаранъ. Казалось, настало время, когда каждая минута Или распахивалъ форточку, глотая мокрый воздухъ. Это вѣчность, и не надо ждть иной. одичавшими глазами, со спутанной русой бородой. У ресторана уже второй день вертѣлись и кричали томительно искалъ сна то на кожаномъ диванѣ ветчки, точно комары передъ дождемъ, все назойливѣе бинета, то въ послѣднемъ изнеможеніи присаживаясь съ экстренными выпусками. Василий Васильевъ столовой у стола, глядя на скатерть, освѣщенную лѣтъ, наконецъ, подозвалъ чернокудраго оборванца, бромутнымъ отблескомъ фонаря за окнами. Онъ писалъ ему сольдь, Елена взяла газетный листочекъ, ахнула рвалъ письма къ Еленѣ. Рѣшалъ вызвать Краснобыстро сказала: скаго. Мечталъ застать ихъ обоихъ и убить, или, не — Боже мой, кажется, въ Германіи война. Вотъ довѣстивъ, уѣхать въ Индію. На разсвѣтѣ его свалива! Пропалъ нашъ Мюнхенъ и старенькіе города. тяжелый сонъ. А днемъ Василий Васильевичъ снова ш Дѣйствительно, о поѣздкѣ въ старую Германію не къ телефону и объяснялъ свое отсутствіе дѣламиго было и думать; подождали нѣсколько дней, но уже продажѣ лѣса или пріѣздомъ управляющаго. Ину объявили. Опасность, съ каждымъ часомъ уве-

Елена поняла, должно-быть, его состояніе: вечериваясь, выросла внезапно въ чудовищную панику. На неожиданно она пріѣхала одна, взяла крѣпкими руками разговоры о злыхъ силахъ, сорвавшихся на волю, за руку Василя Васильевича, отворившаго ей дветомъ, что возможны ужасы временъ Атиллы, сожженные увела въ комнату, не снимая шубки и капора, сѣларода, вырѣзанные народы. Не прочной казалась даже нему на колѣни и стала цѣловать его, молча, суровая кора. блѣдная и холодная. Она сама поторопила со свадьбы Итальянцы сустились и шумѣли на улицахъ, какъ Въ юнѣ они повѣнчались и уѣхали въ Италію. омъшанные. Ихъ рѣшенія,—направо или налѣво положить

Василій Васильевичъ такъ и не сказалъ женѣ ниши свой шаръ,—ожидали великія державы. о ревнивыхъ мукахъ, о всемъ стыдномъ, въ чемъ о Елена трусила. Василій Васильевичъ хотѣлъ только ее подозрѣвалъ. Счастье было такое острое, дни талого,—быть сейчасъ въ Россіи. Онъ обѣгалъ все агентсіающіе, Италия такъ благодатна, что недавнее прошга и выбралъ ближайшій пароходъ на Константиказалось, какъ дымъ. Елена была все такъ же веселоль. Покупая билетъ, онъ сосчиталъ, что на курсѣ ровна и сдержанна. И только по вечерамъ, въ потерять семьдесятъ восемь лиръ, и вдругъ съ бѣлуяхъ ее охватывало безуміе. Словно весь день ашствомъ крикнулъ усатому, горбоносому кассиру:

— Весь міръ летитъ къ чорту, вы понимаете? Никакіе ваши курсы не помогутъ! Лавочки!

Кассиръ сейчасъ же высунулся съ обѣими руками окошка, затараторилъ что-то, доказывая, считая по пальцамъ, плюясь и задыхаясь. Собралась толпа. Василій Васильевичъ махнулъ рукой и вышелъ. Зараза скандала силась повсюду; на перекресткахъ, въ гавани, на парохода быстро собирались кучки людей, точно воршики.

Но когда медленно опустились вдаль берега, и кромѣ воды и неба ничего не осталось кругомъ корабля, всѣ вдругъ успокоились. Море было ясно и неумовимо затуманенными краями; въ положенный въ его разгоряченныя воды ушло солнце и позолотилъ край небесъ.

Потомъ появились созвѣздія, большія и зеленая. Надъ головой сіялъ Сѣверный Вѣнецъ, точно увѣнчанный корабль, единственный въ этой водной пустынѣ; Сатурнъ окуналъ въ воду свое жало; простерся Лебедь на востокъ, онъ былъ похожъ на взметенный вихрь; небо гигантскій аэропланъ. Взошелъ Сатурнъ; зловѣчно мутно-желтый слѣдъ его протянулся до корабля.

Елена сидѣла, на верхней палубѣ, на парусиновомъ креслѣ. Поднявъ голову, закутанную въ сѣрый платокъ, она словно съ тоской глядѣла на звѣзды, мерцающія теперь и вверху и внизу: какъ будто корабль двинулся въ небесномъ эфирѣ безъ дна и береговъ.

Василій Васильевичъ стоялъ рядомъ, не шевелясь, дыша; онъ поднималъ воротникъ пальто и надвинулъ его на уши. Внизу играла музыка. Вдругъ онъ различилъ знакомые, душные звуки танго, и стало оскорбительно за то, что было вокругъ. Онъ посмотрѣлъ на Елену.

— Ты помнишь?—спросила она, улыбаясь.

Онъ затрясъ головой и, отвернувшись, сталъ думать. «Нужно о многомъ, о многомъ съ ней поговорить. Боже мой, мы совсѣмъ чужіе люди! Я не чувствую

мыслей, мы нарочно закрылись другъ отъ друга, чтобы не мѣшать сомнительнымъ удовольствіямъ. Развѣ мы мужъ и жена?

Онъ положилъ руку на ея плечо, сжалъ его и сказалъ:

— Ты тоже подумала о томъ вечерѣ? Мнѣ неприятно вспоминать; что-то слишкомъ откровенное было тамъ, обнаженное. Ты взгляни: мы точно летимъ въ небѣ, и какъ далеко остались тѣ переживанія, не правда ли? Мнѣ хочется взять тебя за руку, знать, что ты—мой другъ,—онъ заглянулъ ей въ глаза, полные слезъ и точно звѣздной пыли.—Ты о чемъ, Елена?

— Почему ты думаешь—я должна отдать тебѣ еще и тотъ вечеръ, отвѣтила Елена и освободила плечо отъ его руки.—Мнѣ хочется остаться одной.

Василій Васильевичъ отошелъ къ палубному столику, взялся руками за влажныя перила. Ему стало вдругъ спокойно, холодно и пустынно.

— Если ты даже сейчасъ прячешься отъ меня такъ старательно, значитъ, совсѣмъ не любишь,—сказалъ онъ и подождалъ.

Елена молчала. Тогда онъ негромко, точно добродушно припоминая, рассказалъ о всѣхъ ревнивыхъ глупостяхъ, о мелкихъ царапинахъ, противорѣчивыхъ мелочахъ, разжигавшихъ его ревность, и о томъ, что ему оскорбительны иногда ихъ ласки,—въ такія минуты онъ чувствуетъ, какъ ея душа томится въ дуготѣ, неосвященной и нечистой страсти и тоскуетъ по другому... Онъ назвалъ имя Красносельскаго. Елена быстро встала:

— Для меня это новость,—проговорила она взволнованно:—если вы хотите такъ думать, я вамъ не мѣшаю. Она ушла внизъ. Василій Васильевичъ сѣлъ на скамью и просидѣлъ всю ночь. Ему было даже приятно, когда утренній вѣтеръ точно сталъ дотрагиваться до костей,—не осталось кровинки теплой въ тѣлѣ. Онъ рѣшилъ

доставить Елену до Одессы и тамъ разстаться. Теперь онъ думалъ о войнѣ: очевидно, призвать его еще не скоро, но хватитъ ли мужества пойти добровольцемъ и ну ли это? Вернуться къ прежней жизни, бездѣльной, суевѣрной, лишенной теперь прежняго очарованія, казалось самымъ тяжелымъ. Поднявшееся солнце припекало. Отчаянье стало безнадежнымъ и онъ задремалъ.

Вдругъ Василій Васильевичъ почувствовалъ нѣжный, знакомый, обольстительный запахъ духовъ и невыразимое родное прикосновеніе руки къ лицу. Онъ глубоко вздохнулъ и открылъ глаза. Было уже поздно, около сидѣла Елена.

— Милочка моя,—сказалъ онъ медленно,—милая моя милочка...

Елена опять провела по лицу его ладонью, поправила шляпу на немъ и сказала:

— Посмотри, ты спишь, а вонъ идетъ военный корабль. Всѣ трусятъ, говорятъ, что это—нѣмецкій крейсеръ.

Дѣйствительно, повисшіе на бортахъ, стоящіе на скамейкахъ и у капитанскаго мостика пассажиры всматривались въ длинное облачко дыма на юго-западѣ. Тамъ надъ водой медленно поднимались мачты и трубы, наконецъ, появилась четкая полоска судна. Тошій господинъ въ клетчатой каскеткѣ, стоявшій спиной къ Еленѣ, быстро опустилъ бинокль, обернулъ веснушчатое, вдругъ покрывшееся морщинами, лицо и крикнулъ:

— Онъ идетъ на насъ!

Тогда кто-то охнулъ, точно нажали на животъ. Толпа мужчинъ двинулась къ капитанскому мостику, женщины начали хватать дѣтей, полная дама, цѣпляясь въ ротенькими ручками за воздухъ, вдругъ пронзительно закричала и пошла, какъ слѣпая, со сбитою на боу шляпой.

— Что съ ней? Остановите! Пусть она замолчитъ! воскликнуло нѣсколько голосовъ, и, побѣлѣвшая какъ

уль, сутулая какая-то дѣвица неожиданно, молча пошла на полъ.

Военный корабль приближался; онъ выкинулъ сигналъ, капитанъ, побагровѣвшій подъ загаромъ, поспѣшно приказалъ застопорить машину. Пассажиры стали вбѣгать въ пархода и выскакивали оттуда полураздетые, съ пробковыми поясами.

Василій Васильевичъ все крѣпче и больнѣе сжималъ въ руки. Она сидѣла, поблѣднѣвъ и глядя на зеленатосѣрый, длинный крейсеръ; теперь на немъ видны и даже пушки и медленно ползающія точки людей. Угъ вскрики, плачь, суета затихли. Стало совсѣмъ тихо. Въ тишинѣ хриплый голосъ капитана отчетливо проговорилъ: «На сѣверо-востокъ англійское военное судно» и послѣ молчанія добавилъ: «Это Гамильтонъ, онъ поспорить».

И, точно услыхавъ это, нѣмецкій крейсеръ изменилъ курсъ и быстро сталъ поворачивать. Тогда всѣ увидѣли совсѣмъ ясно небольшое двухтрубное судно; оно приближалось съ огромной скоростью. И вдругъ все заволокло дымомъ. Черезъ много секундъ надъ водой раздался тяжелый грохотъ, надрывающій шелестъ снарядовъ, и раздалось металлическіе удары, будто въ бортъ крейсера хватили молотомъ; на немъ поднялся столбъ дыма, копоти, и сейчасъ же восемь его орудій, выкинувши и дымъ, ударили, сотрясая море и небо. Но не успѣвъ изъ тяжелыхъ снарядовъ не настигъ маленькаго судна: онъ летѣлъ уже въ обратномъ направленіи, окутываясь и страшно дыма, и снова окутался дымомъ. Онъ, и, круто повернувъ, какъ волчокъ, далъ третій сигналъ, сбившій трубы и мачты съ крейсера, покрывъ парохода его кипящимъ пламенемъ. Подбитый крейсеръ сталъ тонуть; кругомъ него взлетали столбы воды... Слышишь музыку?—проговорилъ, наконецъ, Василій Васильевичъ.

Елена молча кивнула; мертвенное лицо ея было иска-

жено; она освободила губу, до этого стиснутую, подъ глубокаго знака зубовъ потекла кровь.

— Иди же, бѣги туда,—сказала она, дрожащими глазами вытаскивая изъ сумочки платокъ.

Василій Васильевичъ схватилъ его и, размахивая руками, крича, какъ и всѣ на пароходѣ, побѣждалъ къ проложенному борту, куда подходилъ «Гамильтонъ». Непосредственно за нимъ шли музыканты, сверкая трубами, играли маршь. Грохота битвы, музыка эта казалась нѣжной и таинственной, словно выходящей изъ глубины моря.

II

Въ томъ замкнутомъ кругу, гдѣ Василій Васильевичъ и Елена жили до сихъ поръ, война была принята за очередное и чрезвычайное событіе. Немедленно установились особыя правила приличія; стало считаться немыслимымъ носить яркія платья и шляпки и не вязать по моде перчатокъ и вѣшечекъ. Были введены въ обиходный словарь слова, до этого считавшіяся грубыми: портянки, носки, кальсоны и прочее, а къ Рождеству въ гости проникло даже слово вошь, хотя и произносили его съ некоторой заминкой; словомъ, кругъ этотъ не захотѣлъ застигнуть врасплохъ и сразу примѣнился.

По пріѣздѣ въ Петроградъ Елена, какъ и мнѣ, была удивлена, надѣла косынку и работала въ лазаретѣ. Бѣлымъ платкомъ ея лицо казалось теперь затененнымъ и смиреннымъ, и появилось новое выраженіе: подруги, будто она стыдилась ихъ красоты и выразительности. Василій Васильевичъ назвалъ ее «крестьянкой». Она велѣла очистить отъ шкафовъ и картонокъ одну комнату, оклеить ее бѣлымъ и тамъ спала въ ночное время отъ дежурства. Эта бѣленькая комната вблизи вала Василія Васильевича, но онъ поймалъ себя въ дурной мысли, переселился и сталъ проходить мимо

на-щпочкахъ и съ умиленіемъ. Ему казалось—съ Еленой происходить те же, что съ нимъ; они оба пережили испытаніе смерти и слышали голоса пушекъ; металлические, молимые, эти голоса звенѣли и теперь въ ушахъ, новая новая ритмъ, подобно чудовищному камертону.

Личное, прежнія привычки и страсти словно съжигались—ихъ было стыдно имѣть. Тогда Василій Васильевичъ успѣлъ освободиться отъ нихъ совсѣмъ. Это было нетрудно. Но освободившись (онъ рассчиталъ до одного повара, отдалъ автомобиль союзу, поклялся не пить, не курить, не играть до окончанія войны и, главное, выдержать молчаливое соглашеніе съ Еленой), неожиданно почувствовалъ себя маленькимъ, похожимъ на всѣхъ и ничемъ не одѣтымъ. Поэтому главное чувство, овладѣвшее имъ теперь, было смиреніе. Онъ не могъ понять хлопотливости и болтовни иныхъ своихъ благотворительныхъ тетушекъ, убѣжденныхъ въ томъ, что нѣмцы, придя, напридумаютъ и увидятъ, какія онъ добрыя и свѣтскія, немедленно выкинутъ свое мѣсто и бросятъ грубить и воевать; хотя и въ зданіе это, правда, уже пошатнулось послѣ того, какъ

какая-то Варвара, которой боялся весь Петроградъ, вылетѣла изъ-за границы въ одной юбкѣ, безъ чемодана и вставныхъ зубовъ, съ вывихнутымъ колѣномъ. Василій Васильевичъ началъ работать въ комитетахъ, занимаясь въ союзѣ по снабженію арміи. Онъ вставлялъ при электричествѣ, звонилъ по телефонамъ, разбрасывалъ бумаги и письма, затѣмъ, довольный и радостный, трапезничалъ у себя въ кабинетѣ и ѣхалъ по дѣламъ.

Онъ встрѣчался съ людьми, которыхъ прежде почему-то привыкъ не уважать. Теперь онъ старался всячески прикрывать эту свою вину, и было радостно казаться невиннымъ, умалиться, точно этимъ онъ докапывался до истины о себѣ, подлиннаго и единственнаго. Иногда онъ тревожной думалъ, что, сдвигая съ себя, какъ съ луковки, грязь за шелухой, найдетъ ничтожное и никудашное.

Но, когда настала, наконецъ, очередь Василю сивевичу надѣть форму прапорщика, ядрышко это, са сущность, не завопила, не перетрусилась, а точно свѣтилась радостнымъ и тихимъ свѣтомъ. И онъ тогда дивился, какимъ чудомъ это его умиротвореніе стало съ единственнымъ теперь долгомъ войны.

Увидѣвъ мужа первый разъ въ формѣ, Елена вскрикнула и покраснѣла.

— Вотъ привезутъ безъ ноги, прямо къ тебѣ въ зарѣкъ лягу,—сказалъ Василій Васильевичъ, думая, кой бы ему найти предлогъ, чтобы поцѣловать ей руки.

Онѣ были длинныя и тонкія, съ очень обозначившимся теперь синими жилками. Ему вдругъ до боли стало жутко Елену.

— Милочка, зачѣмъ ты такъ мучаешь себя?—внезапно проговорилъ онъ, и, видя, что она, какъ всегда, неуклюже подбирается, оглядываясь, чтобы уйти, поспѣшно докончилъ.—Я уже многое знаю и все пойму. Ты только откройся, будемъ и въ этомъ вмѣстѣ. Вѣдь мы же и сейчасъ!

— Я боюсь, что онъ убить,—сказала Елена, при этомъ строго глядя ему въ глаза.

Василій Васильевичъ понималъ: сегодня весь городъ облетѣло извѣстіе о большихъ потеряхъ въ Энкавеполку, гдѣ служилъ Красносельскій; въ вечернихъ пускахъ ожидали подробностей и списка павшихъ.

Они не сказали больше ни слова. Василій Васильевичъ взялъ только руку Елены и молча поцѣловалъ между синими жилками, такими понятнымъ, смертнымъ, простыми. Елена вышла. Онъ сѣлъ на полъ передъ каминомъ, и, глядя, какъ пылаетъ загорающийся и плещется догорѣвшій коксъ, сталъ думать о томъ, что онъ ожидалъ смерти Красносельскаго, почему-то былъ въ ней увѣренъ и боялся, не принесетъ ли она ему радости. Онъ закрылъ глаза: конечно, если Красносельскій убить, то и ему, тоже должно умереть! Та

неожиданный выводъ удивилъ Василю Васильевича; онъ заворочался и подальше отодвинулся отъ огня. Но вдругъ стало ясно одно: все это его спокойствіе и умиротвореніе оттого, что онъ уже давно, самъ того не зная, готовъ къ смерти.

Около семи часовъ Василій Васильевичъ услышалъ, какъ два раза негромко позвонили въ парадномъ,—принесли изъ швейцарской вечернюю газету; сейчасъ же по коридору застучали неровные и быстрые каблучки Елены. Она сама открыла дверь, сказала «благодарю» и зашуршала газетой, должно-быть, просматривая ее на ходу; затѣмъ остановилась.

Василій Васильевичъ сталъ считать на каминныхъ часахъ секунды.

«Если черезъ тридцать ударовъ маятника не произойдетъ ничего, то въ газетѣ нѣтъ никакихъ извѣстій, и слухъ о смерти Красносельскаго невѣренъ»,—загадалъ онъ, и уже на пятнадцатой секундѣ сбился; весь красный и потный захватилъ бороду и потянулъ изо всѣхъ силъ, чтобы хоть этимъ перешибить внезапно поднявшіяся съ самага дна, какъ дымъ, дурманящія противорѣчія. Маятникъ качался все рѣже. Между двумя его ударами протянулась вѣчность. Елена жалобно вскрикнула, Василій Васильевичъ выбѣжалъ въ коридоръ и увидѣлъ ее прислоненную къ стѣнѣ, въ углу у телефона. Зажмурясь, точно смѣясь беззвучно, она медленно сползла на паркетъ. Онъ подхватилъ ее, повторяя: «Возьми себя въ руки, пожалуйста, нельзя такъ, нехорошо»,—и отнесъ въ бѣлую комнатку. Елена обхватила подушку, молча, не шевелясь; потомъ подняла совсѣмъ сѣрое лицо и проговорила сквозь зубы:

— Пожалуйста, позвони 44—67, сегодня не могу на дежурство.

Спустя два дня сильный морской вѣтеръ съ утра погналъ вдоль улицъ дождь и мокрые хлопья. Василій Васильевичъ, улучивъ по службѣ время, вошелъ въ со-

боръ, что на Измайловскомъ. Холодный, мутный свѣтъ съ купола и желтенькіе огоньки свѣчей не могли насытить полутьму церкви; дубовый гробъ съ тѣломъ князя Красносельскаго былъ покрытъ цвѣтами, поверхъ лежала красная фуражка; Василій Васильевичъ сталъ близь дверей, на сквознякъ, душемт въ спину и шею; заматанная платками баба оглянулась на него, жалобно вытерла носъ и что-то зашептала.

Василій Васильевичъ сталъ смотрѣть поверхъ головъ на колеблющіяся траурныя шляпы большой родни, окружившей гробъ. Затѣмъ поднявъ глаза повыше; заплѣли на клиросѣ дѣтскіе голоса, то сливаясь, то ветулая попеременно дисканта и альта,—они плѣли ясно и безъ скорби, точно увѣряя: «Живите съ миромъ живущіе, отошедшіи—съ вами, онъ въ свѣту и покоѣ, печаль свѣтла».

Василій Васильевичъ сталъ кусать губы, чтобы сдержать подкатившій къ горлу клубокъ. Голоса зазвенѣли, наконецъ, съ такой радостью, словно надъ клиросомъ, надъ мальчиками, раскрылся куполь, и оборвались.

Осторожно протискиваясь сквозь народъ, Василій Васильевичъ искалъ глазами Елену, думая сказать ей: «Онъ былъ прекрасенъ, я теперь понимаю. Сейчасъ говорили,—онъ погибъ какъ герой. Ты должна была его любить преданно, всѣмъ духомъ». Но когда нашелъ жену, стоящую на колѣняхъ у темной колонны, не посмѣлъ ее потревожить и сталъ позади, глядя какъ иногда двумя короткими вздохами поднимаются ея плечи, а сквознячокъ, отогнувъ косынку, тревожитъ завитки волосъ.

Служба кончилась, народъ повалилъ на волю. Василій Васильевичъ поднялъ Елену и вывелъ на паперть, гдѣ съ двухъ сторонъ толпились нищіе, протягивая деревянные и свинцовыя тарелочки. За воротами стояли солдаты, и музыканты готовились играть. Снѣгъ шелъ гуще, чѣмъ по утру, рѣзкій порывистый вѣтеръ крутилъ его, плылъ въ лицо, и все,—колонны, кареты, люди и лошади,—стали бѣлымъ съ одной стороны. Елена посколь-

нулась на ступеняхъ, вѣтеръ распахнулъ ей шубу, ослѣпилъ мокрымъ снѣгомъ. Но она продолжала стоять, ожила выноса. Наконецъ, на плечахъ солдатъ и офицеровъ плылъ тяжелый гробъ. Протяжно и торжественно забили трубы Шопеновскій маршъ, и звуки его, срывааемые вѣтромъ, понеслись сквозь снѣгъ и сумракъ впереди колыхавшейся толпы.

Василій Васильевичъ попросилъ Елену сѣсть въ карету; снѣгомъ залѣпило стекла, вѣтеръ, раскачивая кузовъ, шлепалъ кожей и въ углу свистѣлъ, точно надрылся.

— Ахъ, какой вѣтеръ, какой вѣтеръ,—повторила Елена, наклоняясь къ окошку.

Муфта соскользнула съ ея колѣнъ, Василій Васильевичъ поспѣшно поднялъ; тогда она стала смотрѣть ему въ лицо, напряженно думая, потомъ сказала:

— Въ тотъ вечеръ, помнишь, на Святкахъ, я просила тебѣ быть моимъ мужемъ. Я бы не постыдилась ничего, только бы любилъ меня, а онъ, вотъ видишь, не любилъ,—она перевела духъ и продолжала тѣмъ же печальнымъ голосомъ: — когда вы встрѣтились у меня, я просилась прибѣжать къ нему ночью, я и на это была согласна, правда. Онъ понялъ, что со мной дѣлалось, но обидѣть не захотѣлъ, засмѣялся и сказалъ, чтобы прибѣжала не одна, а съ тобой; а въ дверяхъ повторилъ: «Нѣтъ, нѣтъ, я скромнѣе, чѣмъ обо мнѣ думаютъ». Больше мы и не видались. А за тебя я вышла съ отчаянья, ты же знаешь. Какъ же могла тебя любить? Ни одного слова не любила истинной любовью; мыслью не хотѣла любить ему. И не измѣнила, не измѣнила, не измѣнила. И еще хуже,—тебя было жалко невыносимо... Ты же актеръ: наряжаешься подъ другого, подъ него. Онъ былъ повсюду,—въ моихъ глазахъ, въ воображеніи, въ разговорахъ... Подумай, могла я сознаться тебѣ?.. Ахъ, нѣтъ, не оправдываюсь! Грѣшна, грѣшна, знаю. Простить меня

нельзя. И не насилуй себя. Не прощай. Теперь ни-
ничего не надо...

Василій Васильевичъ понималъ только одно: сей-
нужно молчать, пусть скажетъ все. Онъ молчалъ,
кинувшись въ глубь кареты, закрывъ глаза. Каждое
слово точно втыкалось,—такъ было больно. Внезапно
онъ почувствовалъ всю свою грудь, ребра, сѣроватую
полость между ними и твердое, жесткое сердце, съ
лиемъ отбивающее секунды; сейчасъ на него покушались,
засовываютъ руку въ самую глубь: «Этого не про-
сятъ»,—повторилъ онъ про-себя.

— Я очень прошу, похлопочи, чтобы мнѣ по-
туда, откуда его привезли,—продолжала Елена,—э-
я не могу. Пожалуйста, устрой это мнѣ. Помоги ужь
въ послѣдній разъ.

Она наклонилась къ окошку, залѣпленному снѣгомъ,
и опять проговорила:

— Ахъ, какой вѣтеръ, какой вѣтеръ!

Василій Васильевичъ скользнулъ по кожаному
дѣльню къ ногамъ Елены, опустилъ въ колѣни ей голову,
изъ горла у него съ натугой вырвался, наконецъ, до
накипавшій крикъ, несуразный, хриплый, и лицо за-
лось солью и горечью слезъ. Елена испуганно рванула
къ дверцѣ. Василій Васильевичъ отерся ладонью, открылъ
карету и, выскочивъ на-ходу, крикнулъ:

— Прости! Какъ это глупо! Господи!

И, съ силой захлопнувъ дверцу, пропалъ въ си-
ной бурѣ.

III

Лунный свѣтъ заливалъ бѣлую равнину, слегка
мистую, съ неуловимыми, насыщенными мглой, кра-
приподнятыми, какъ чаша, къ небу, гдѣ медленно плы-
мѣсяцъ, окруженный двойнымъ радужнымъ кольцомъ.

Изъ мглы черезъ снѣга, мимо низкаго домика, за хол-
момъ, пропадая опять въ неясномъ сумракѣ, шла, едва
примѣтная сейчасъ, канава, въ которой лежало нѣсколь-
ко тысячъ человѣкъ, одинъ подлѣ другого, за высунуты-
ми винтовками. Вдоль всей этой извилистой, въ нѣсколь-
ко рядовъ, прерывающейся канавы были набиты колья,
оплетенные проволокой, запорошенные снѣгомъ. Даль-
ше на равнинѣ, такъ же сخورаясь, оплетаясь колочкой,
недвижно лежалъ врагъ.

Василій Васильевичъ, въ бѣлой простынѣ поверхъ
полушубка, вышелъ изъ домика и по глубокимъ сугро-
бамъ взобрался на холмъ. Отсюда было видно все го-
лубоватое поле, застывшее и мертвое. Иголочки мо-
роза, переливаясь въ лунномъ свѣту, медленно опуска-
лись на снѣгъ, на руку безъ перчатки, на усы.

Василій Васильевичъ внимательно еще разъ принялся
оглядывать въ бинокль ту часть огромнаго поля, от-
куда на сегодняшнюю ночь ожидала атака; но не было
видно ни пятенъ, ни тѣней, не слышно выстрѣловъ;
развѣдчики же донесли, что въ этомъ мѣстѣ къ непріа-
телю подошли подкрѣпленія. Послѣ долгаго бездѣйствія
германцы вновь намѣревались пожертвовать жизнью нѣ-
сколькихъ тысячъ своихъ солдатъ, чтобы на военной
картѣ синяя черта, обозначающая русскихъ, продвину-
лась на полмиллиметра.

Вглядываясь, Василій Васильевичъ опять представилъ
суровыхъ усатыхъ людей, пришедшихъ въ эти снѣга,
чтобы залечь и убивать и гибнуть самимъ. Но для какой
цѣли? Не могутъ же они дѣйствительно повѣрить во
владычество надъ міромъ. Тогда не съ этимъ оружіемъ
надо было идти. Изъ какихъ подваловъ поднялись у
нихъ это упорство, ненависть и тягота по убійству? Точно
все ихъ племя копило сотни лѣтъ неудовлетворенную
эту жажду, она просочилась въ кровь, закипѣла ядомъ
и вырвалась, какъ буря.

Василій Васильевичъ опустилъ запотѣвшій бинокль.

Невдалекѣ передъ нимъ на снѣгу сидѣло унылое, ску- чающее существо. Онъ вздрогнулъ. Вчера такое же про- тащилось подъ косогоромъ, ныряя и волоча задъ. Ка- жется, это былъ волкъ, Василий Васильевичъ съ усмѣшкою шагнулъ впередъ. Существо зашевелилось и двинулось навстрѣчу, безформенное, въ сѣрыхъ зыбкихъ складкахъ иногда безголовое, иногда будто выныривала изъ него остренькая головка.

— Фу, ты,—громко сказалъ, даже плюнулъ Василий Васильевичъ. Тогда существо приподнялось, вздернуло руки и жалобно крикнуло по-нѣмецки:

— Kartif, Kartif mein Ober!

Перебѣжчикъ, худой, истощенный, съ землистыми мор- щинами у рта, былъ закутанъ въ защитный саванъ; онъ стоялъ передъ Василиемъ Васильевичемъ, показывая от- мороженную руку и жалуясь, что третій день не ѣлъ и не хочетъ больше идти на убой. Василий Васильевичъ повелъ его въ избенку, чтобы снять допросъ.

Отъ тепла и табачнаго дыма нѣмецъ отошелъ и по- дробно отвѣтилъ на вопросы.

— Нашъ полкъ назначенъ сегодня въ атаку, въ пер- вую линію,—сказалъ онъ, щуря на керосиновую лампу покраснѣвшіе глазки,— дай Богъ, если останется отъ него половина. Намъ выдали каждому по эйрной лепеш- кѣ; отъ нея кружится голова, приходятъ возвышенныя мысли и ничего не страшно. Вотъ мой совѣтъ: будьте очень осторожны сегодня ночью: наши солдаты злы, за- чѣмъ вы продолжаете сопротивляться. Я также былъ очень золъ, но, какъ видите, измѣнилъ долгу, потому что слишкомъ хотѣлъ кушать.

Окончивъ допросъ батальонный командиръ, грузный и сонный человѣкъ, ушелъ къ себѣ за ситцевую занавѣску, гдѣ сейчасъ же заскрипѣлъ постелью. Кто-то изъ младшихъ офицеровъ предложилъ перебѣжчику чаю. Нѣ- мецъ снисходительно улыбнулся, сдѣлалъ подъ козырекъ, взялся за стаканъ, но сейчасъ же охнулъ отъ боли. Обмо-

роженные пальцы не сгибались, упавшій стаканъ облилъ ему сапоги, обмотанные тряпками. Тогда Василий Василье- вичъ, поймавъ бумагу, оторвалъ отъ сахарнаго пакета точокъ и написалъ карандашомъ крупными буквами: «Елена, посылаю плѣннаго, позаботься, онъ очень жа- локъ. Сегодня въ ночь ожидается бѣй. Можетъ-быть, ты не увидишься больше. Пожалуйста, не заходи въ линію огня, это—никому ненужный рискъ. Я волнуясь, о, кажется, значительнѣе и торжественнѣе этой ночи не было и не будетъ ничего».

Передавъ конвойному письмо, Василий Васильевичъ вышелъ изъ избенки. Солдатъ и плѣнный гуськомъ уда- лялись по тропѣ между сугробами. Мѣсяцъ и радужные круги сияли теперь ярче, надъ самой головой. Повернув- шись на западъ, Василий Васильевичъ увидѣлъ, какъ изъ тѣнъ надъ снѣгами поднялся красноватый шнуръ, на огромной высотѣ оборвался и вдругъ распахнулся ослѣ- пительными красноватыми огнями. Долетѣлъ глухой звукъ, точно отъ раскупоренной бутылки, и вслѣдъ за нимъ вся залитая багровымъ сіяніемъ даль грохнула, раско- лолась, и замигали въ ней тысячи искръ. Началась подго- товка атаки.

Елена сидѣла передъ желѣзной, раскаленной печкой, вынимая изъ кипящей кастрюли инструменты и опускала ихъ въ спиртъ; въ низкомъ, затянутомъ войлокомъ, ба- гаганѣ было душно; раненые спали, бормоча, вздыхая, вскрикивая глухо; иной приподнимается, обведетъ оди- чавшими глазами низкія койки, повернутую лампу, се- стру, копошающуюся у печки, и, ничего не понявъ, пова- лится со стономъ.

Вынувъ послѣдній ножъ, Елена выплеснула въ ведро воду изъ кастрюли, взглянула на часики и зѣвнула; ночь еще только начиналась, а уже клонилъ сонъ, и надо было думать, какъ ему не поддаться.

Елена прѣѣхала въ этотъ баракъ съ твердымъ рѣше-
нѣемъ умереть; ясно, какъ на картинѣ, она видѣла себѣ
лежащей на снѣгу, подтаявшемъ и красномъ около про-
битаго виска; но съ первыхъ же дней навалилось столько
работы, что думать о смерти было некогда, а убитая
женщина на снѣгу показалась просто глупостью. Ране-
ненные были такъ безпомощны и покорны, такъ нуждали-
сь въ ласкѣ, работа уносила столько силъ и жалости, что въ
часы отдыха Елена спала безъ сновъ, съ жадностью, или
садилась на пнѣ у дверей и, не думая, въ тихомъ оцѣ-
пенѣннѣи, глядѣла, какъ падаетъ снѣгъ, или вдалькѣ че-
резъ бугоръ-проскачетъ заяцъ, протруситъ казакъ. Оста-
рое горе, заслонившее было весь свѣтъ, словно задер-
нулось все той же пеленой снѣга, ослабѣло, стало пе-
чально, и впервые Елена почувствовала себя жалкой, не-
очищенной, не нужной. И на уныломъ полѣ ея думъ все
отчетливѣе появлялась одна фигура — молчаливая, по-
корная и обреченная. Елена встряхивала головой и воз-
вращалась въ палатку къ терпѣливымъ мужикамъ, раз-
метавшимся въ бреду.

Внезапно глухой грохотъ наполнилъ балаганъ, лампа
мигнула и выпыхнула клубъ чада. Елена съ ужасомъ
подняла голову, не понимая, какъ же это она все-таки
умудрилась заснуть и что случилось. Раненые просну-
лись, одинъ сидѣлъ на постели, слушалъ: «Ну, и зашквар-
риваетъ нѣмецъ», — сказалъ онъ негромко. Елена на-
кинула полушубокъ и вышла на морозъ. Снѣгъ искрил-
ся, какъ всегда; во мглѣ не было видно ничего, только
въ надрывающемъ грохотѣ бухали неподалеку четыре
пушки, торопливо, точно четыре собаки услышали свалку
и, рвя цѣпи, рывкали въ темноту.

Подожли заспанный докторъ и вторая сестра. Она
куталась и шептала: «Что это, Господи?» — «Дѣло серьез-
ное», — сказалъ докторъ. Прыгая чрезъ сугробы, подбѣ-
жалъ фельдшеръ, сказалъ, не попадая зубъ на зубъ, что
уже разбудилъ санитаровъ и необходимо закладывать

Елена пошла распорядиться. На полдорогѣ ее оста-
вилъ солдатъ и подаль синую бумажку-обрывочекъ.
Елена вынула записку за пазуху и видѣла мелькомъ, какъ
идетъ недалеко, у мѣста, гдѣ стояла офицерская избен-
ка, поднялся косматый столбъ огня.

Елена подошли раненые и садились у дверей барака;
дцать саней вернулись полныя угрюмыми, окрова-
выми солдатами. Докторъ, въ одномъ бѣломъ ха-
латѣ, работалъ на холоду. Отъ радостнаго, какъ у всѣхъ
было, и жуткаго возбужденія, онъ рѣзко вдругъ крик-
нулъ: «Что вы глазами хлопаете, потрудитесь за-
глядѣть, вонъ у человѣка рука болтается!»

Елена, вѣроятно, Елена забывалась на мгновение, оста-
валась на полдорогѣ, точно никакъ не могла что-
то вспомнить. Она подошла къ раненому и стала рѣзать
рукавъ, освобождая изъ-подъ одежды и мокраго бин-
тованную, жалкую руку; солдатъ сидѣлъ какъ камен-
ный, только закатывалъ глаза. «Больно тебѣ?» — спро-
силъ Елена. Онъ облизнулъ губы, сказалъ: «Потерплю,
и она увидѣла его глаза, желтоватые, сосредото-
ченные, умные, съ тѣмъ выраженіемъ чистоты и при-
стности, какое бываетъ у очень страдающихъ людей.
Покончивъ перевязку, она сейчас же подошла къ лам-
пѣ и прочла записку. Тотчасъ вспомнился столбъ огня,
и Елена послѣбно сказала доктору:
— Я должна ѣхать туда, я боюсь за мужа.
— Глупости, — отвѣтилъ докторъ, — не пущу. Хотя
я фельдшеръ, тогда поѣзжайте.

Офицерскій домикъ пылалъ, далеко освѣщая снѣгъ,
и вѣдушія въ него тѣла, и отъ кольевъ колючей из-
городи бросалъ длинныя красноватыя тѣни.
Василію Васильевичу съ пригорка была видна вся его
команда. Онъ сидѣлъ на колѣняхъ, стиснувъ зубами ко-

стяной свистокъ. Теперь уже ясно была различима та волна людей, двигавшихся по равнинѣ.

Толпы германцевъ, должно-быть, орущихъ дикими лосами, колыхались, то внезапно отливали, оставив на розоватомъ снѣгу безформенныя пятна, иногда чьи, иногда цѣлыя борозды тѣлѣ, то снова упрямо шли къ русскимъ траншеямъ, наполовину развороченнымъ пушками. Вверху надъ наступающими лопались оловянные шары, навстрѣчу неслась буря взвизгивающихъ и рокоталь, дрожа отъ напряженія, пулеметь...

Многіе ползли, поднимались, и, пробѣжавъ, падали. Была минута, когда ихъ павалило неподалеку дымной грядой, но позади напирали. Они уже достигли траншеи бросаемыхъ колями. Василій Васильевичъ различалъ мгновенно отдѣльныя лица... Офицеръ, высокій, съ длинной головой, бѣжалъ, наклонясь, глядя передъ собой, затѣмъ рвануль пальто и упалъ. Снова замелькали тяжелыя фигуры, съ опущенными ружьями, длинная очередь штыковъ вспыхивала. Все чаще, чаще спотыкаются, падаютъ ничкомъ, навзничъ... Но задніе лѣзутъ чередой, слагаютъ, вязнутъ... Огромный германецъ, съ длинными руками, нутымъ до ушей ртомъ, бросилъ ружье, схватилъ за голову каску, сорвалъ ее и ткнулся головой въ снѣгъ. Василій Васильевичъ услышалъ, наконецъ, ихъ крики.

Онъ не замѣчалъ, какъ надъ головой, съ боковъ, со всей его ротѣ поютъ пули, рвется съ тошнотой, гомъ шрапнель. Въ немъ сжались сосуды, остановилась кровь... Онъ сознавалъ только одно,—не пропустить пулю, засвистѣть и выбѣжать навстрѣчу.

Вдругъ замолкъ пулеметь; двое солдатъ, въ шапкахъ, нацѣпленныхъ на глаза папахъ, поднимали полузасыпанное орудіе повыше «Живѣй»,—крикнуль наводчикъ и съ удивленіемъ прильнулъ, и пулеметь затрещалъ, какъ въ лихорадочномъ припадкѣ.

Василій Васильевичъ оглянулъ, много ли солдатъ осталось въ его ротѣ (ушло на это, кажется, не болѣе сорока).

а у проволокъ уже копошились, падая и ползая, толпы 50 людей съ длинными ножницами. Нельзя было сказать, кто живой, кто мертвый; германцы подползали, хонились за трупами, стрѣляя, накапливаясь. «Пора, пора».—Слушались, какъ во снѣ, усиленіемъ повторялъ Василій Васильевичъ. Полетѣли оттуда часто, какъ мячи, ручныя гранаты, оглушительно лопнула одна, друще, еще; германцы набѣгали, карабкались на бугоръ. Василій Васильевичъ уже стоялъ, думая, что было силы прыгнуть, и вдругъ, незамѣтно отдѣляясь отъ земли, прыгнулъ канаву... Теперь онъ не видѣлъ ничего, только застлало туманомъ, въ которомъ копошились краснотѣлѣ...

Вдругъ, гиканьемъ, бѣшеной бранью хлынула за спящую толпа солдатъ... Затихли разрывы, выстрѣлы, крики...

Теперь въ тупой, жуткой тишинѣ слышны были только шорохи, вскрики, рычаніе, хрустѣ, ругательства. Поднимались руки, приклады, летѣли шапки, каски. Нѣмцы шли дико и въ ужасѣ передъ болью и смертью, выкатывались съ выкаченными глазами, вспѣненнымъ ртомъ. Василій Васильевичъ, лазая черезъ упавшихъ, кричалъ привязавшееся слово: «Дьяволы, дьяволы». На мгновение туманъ отходилъ отъ глазъ, и онъ увидѣлъ, какъ одинъ мальчикъ, совсѣмъ мальчикъ, плакалъ, держась за горло, и упалъ, вцѣпившись зубами въ проволоку...

Вдругъ все кончилось. Ни крика, ни лягга; только слышались стоны раненые. Василій Васильевичъ съ удивленіемъ оглянулся; его солдаты молча и мрачно бродили между тѣлами,—кто вытиралъ лицо, кто искалъ шапку, кто, зачехляясь, брелъ назадъ на бугоръ; нѣсколько человекъ, опираясь на винтовки, угрюмо глядѣли на ползающихъ германца, стараго и толстаго; онъ стоялъ, держа въ рукахъ на перевѣсъ и, сопя, поворачивалъ грузное, какъ медведь, бритое лицо. «Бери живьемъ»,—крикнуль Василій Васильевичъ. «Чего его брать, онъ весь испоро-

тый»,—сказаль солдатъ, и замахнулся было, но германецъ тяжело рухнулъ на колѣни, потомъ—ничкомъ. «По-клонился, кончился»,—проворчалъ солдатъ.

И сейчасъ же за спиной упавшаго Василий Васильевичъ увидѣлъ узкоплечаго офицера въ маленькой, щегольской каскѣ. Онъ сидѣлъ, поджавъ подъ себя ноги, упираясь кулаками въ снѣгъ. Вспыхнувшее въ послѣдній разъ зарево отчетливо озарило его длинное лицо, и то, что казалось висящей бородой—было кровью, она медленно текла изъ разбитой челюсти и рта. «Санитары!»—крикнулъ Василий Васильевичъ, начиная дрожать... Отвращеніе, жалость, все, что дремало до этой минуты, внезапно поднялось въ немъ. Неуловимой чертой изящества обезображенный офицеръ напомнилъ ему людей того круга, гдѣ Василий Васильевичъ всю жизнь чувствовалъ, страдалъ, наслаждался музыкой, любовью, комфортомъ. Онъ словно утратилъ внезапно условность сознанія того, что происходитъ, что былъ штыковой бой и поле полно труповъ русскихъ и германцевъ. Передъ нимъ мучился страшной болью человѣкъ.

Увязая въ снѣгу, Василий Васильевичъ подбѣжалъ къ раненому, и, говоря почему то по-французски, —«потерпите еще немного, сейчасъ будутъ санитары»,—засунувъ руки ему подмышки, силясь приподнять. Голова раненаго запрокинулась. Потухшими, ненавидящими глазами онъ уперся въ глаза Василя Васильевича, высвободилъ изъ снѣга кулакъ, въ которомъ былъ зажатъ револьверъ, и выстрѣлилъ въ упоръ два раза. Василий Васильевичъ поднялся, отступилъ и, падая навзничъ, слышалъ, какъ сгрудились солдаты, жестоко дыша, точно поднимая что-то на штыкахъ. Затѣмъ стало темно и глухо. «Ничто»,—подумалъ онъ...

Затѣмъ страшно медленно это «ничто» растворилось. Была гдѣ-то по серединѣ чувствительная точка, но и она прошла. Стало не больно и не тяжело, хотѣлось

всегда чувствовать покой и это мягкое, медленное покачиваніе и думать:

«Вотъ она какова,—смерть! Хорошо бы имъ всѣмъ рассказать. Жаль, что не могу. Но развѣ запрещено это? Нужно сдѣлать только усиліе,—и онъ открылъ глаза,—какая дивная смерть, ясная, синяя. Это все оттого, что я сбросилъ всю шелуху,—огонекъ мой разгорѣлся въ большое небо».

Медленно въ это время надъ его глазами проплыла сосновая вѣтвь, осыпанная снѣгомъ: «Все-таки чудесно было жить,—подумалъ онъ,—вотъ такія же вѣтки были когда-то за окномъ, у морознаго окошка. Елена тогда плакала. Зачѣмъ она плакала такъ горько? Вѣдь гдѣ-то же радостно мальчики въ церкви, что всѣмъ будетъ хорошо. Нужно заслужить, потрудиться, и тогда всѣ услышать небесную музыку»...

Онъ долго вслушивался въ поскрипываніе, въ легкій и мѣрный топотъ. Вдругъ совсѣмъ близко изумительный голосъ проговорилъ:

— Ты смотришь? Тебѣ не больно?..

Василій Васильевичъ еще посилился, поднялъ голову и вдругъ увидаль красноватые стволы сосенъ, медленно уходящую въ бѣломъ снѣгу узкую дорогу, краешекъ сапей и Елену, въ полущубкѣ и пуховомъ платкѣ.

Она сердито затрясла головой: «Не шевелись, нелзя»,—понялъ онъ и улыбнулся. Тогда Елена быстро припала, обхватила его голову, прижалась щекой къ лицу и проговорила гнѣвно и опасново:

— Родной, единственный, любимый...—Всегда теперь, всегда буду тебѣ служить...

Василій Васильевичъ все вспомнилъ и все понялъ, и закрылъ глаза. Онъ чувствовалъ за вѣками хрустальное небо, бѣлыя вѣтви и родное, человѣческое, любимое лицо.

ПОДЪ ВОДОЙ

I

«Милый другъ, вы оказались правы, я — просто искатель приключеній. Понялъ это сію минуту за письмомъ къ вамъ въ кабачкѣ, на краю стола, залитаго джиномъ. Сколько здѣсь надписей, вырѣзанныхъ ножами, любовныя признанія и клятвы на всѣхъ языкахъ. Напротивъ меня сидитъ Тобъ, первая красавица въ гавани, черная и злая, какъ обезьяна. Тянетъ черезъ соломину ликеръ, то поправляетъ гребенки, то съ яростью одергиваетъ кофточку; платье на ней шелковое и краденое, поэтому узко. Она сказала, что, если я ее брошу, — будетъ бѣда.

На разсвѣтѣ я выхожу на подводной лодкѣ, въ арріергардѣ субмаринѣ. Лодочку мою зовутъ «Кэтъ», или, по нашему, «Катка». Наконецъ - то, я попадаю на дно моря. А вы, Татьяна Александровна, странствуете по инымъ мѣстамъ, болѣе призрачнымъ, и только. Мы оба не любимъ чада и благополучія, словомъ, — искатели приключеній.

Помните годъ назадъ нашу бесѣду въ подмосковномъ паркѣ? Куковала кукушка, и запахъ меда былъ повсюду, — съ полянъ, отъ липъ и вашего платья. Вы сказали, что есть двѣ породы людей, — какъ ночь и день въ вѣчномъ круговоротѣ, одни ищутъ покоя, другіе —

волнений. Обо мнѣ же вы изволили выразиться презрительно, что я способенъ отыскивать Бога въ телескопѣ, шаря по небу, что исканіе подмѣниваю приключеніями, волненіе духа — простымъ безпокойствомъ, и было бы мнѣ лучше хоть на минуту остановиться и закрыть глаза.

Согласенъ. Я за этотъ годъ исколесилъ полсвѣта. Покупалъ пушки, фуфайки, слоду, быковъ. Заключилъ трехмѣсячный бракъ съ японкой. Затѣмъ атаковалъ и потопилъ транспортъ въ одно чудесное утро. Пять недѣль лежалъ и плевался кровью. Наконецъ, четыре эти мѣсяца сижу здѣсь въ гавани, дерусь на кулачкахъ изъ-за Тобъ и не знаю, чѣмъ все это кончится.

До разсвѣта еще далеко, но если погода не переѣмнится, — насъ потреплетъ. За окошкомъ видна вся гавань, въ лужахъ и дождевыхъ пузыряхъ. Качаются фонари. Вѣтромъ сорвало брезентъ съ цѣлой горы мѣшкови. Плещутъ огни на мачтахъ. Завываетъ сирена, какъ обманутая дѣва. Вѣтеръ и дождь гонять по мостовой пьянежкаго матроса въ резиновомъ плащѣ. Ночка.

Тобъ говоритъ, что, если бы умѣла, то написала вамъ, что я безбожный скотъ и еще кто-то... Она вырываетъ у меня перо».

Безъ огней и сигналовъ субмарины вышли въ открытое море. Ровно въ половинѣ четвертаго Андрей Николаевичъ поднялся на мостикъ «Кэтъ»; матросы и два помощника спустились во внутрь лодки.

Огромныя тучи, озаренныя огнями гавани и уже пропитанныя блѣднымъ разсвѣтомъ, грудились надъ портомъ и моремъ. Рѣзкій дождь хлесталъ въ стекла и стѣны кирпичныхъ домовъ, по бочкамъ съ керосиномъ, по брезентамъ, покрывавшимъ мѣшки, шумѣлъ вязами сквера, барабанилъ по стальной обшивкѣ лодки и лѣпилъ къ спинѣ Андрея Николаевича плащъ.

Неподалеку за завѣсой дождя краснѣло окошко ка-
бачка «Неожиданная встрѣча». И тамъ, все такъ же
за окномъ, съ края стола, сидѣла Тобъ, оперши остры
подбородокъ о кулачки.

Андрей Николаевичъ усмѣхнулся радостно и тревож-
но: онъ снова покидалъ навсегда и этотъ берегъ. В
жизни не было слаще чувства разлуки и свободы.

Онъ взглянулъ на часы, и черезъ секунду скоман-
довалъ полный ходъ. Остовъ «Кэтъ» задрожалъ, и онъ
скользнула навстрѣчу пологимъ волнамъ, покрытымъ
бликами огней и прибрежнымъ мусоромъ.

Огни гавани, холодѣющіе въ утреннемъ свѣтѣ, оста-
лись далеко позади, погрузились въ воду и скрылись
Дуль рѣзкій вѣтеръ. Наискосокъ, навстрѣчу ходу, под-
нимались валы и каждый разъ обрушивались уже за
лодкой.

Обрывки облаковъ проносились надъ пѣной океана
Внезапно въ разорванной длинной щели между тучъ
появился бугоръ солнца. Протянулись въ верхъ и въ
стороны широкіе лучи. Море стало зеленымъ. Забле-
стѣла сталь на мокромъ мостикѣ, и Андрей Николае-
вичъ распахнулъ плащъ.

Теперь вогнутая поверхность набѣгающей волны ка-
залась прозрачною какъ стекло. «Кэтъ» подлетала под-
ея покровъ и однимъ взмахомъ возносила на бурля-
щій гребень, наклонялась затѣмъ и скользила внизъ.
Винтъ дрожалъ въ воздухѣ, и грохотала рухнувшая спра-
ва громада. Впереди, у края неба и воды, покачивались
двѣ радиотелеграфныя мачты передней субмарины.

Изъ нутра «Кэтъ» появилось круглое, безусое лицо
съ голубыми глазами старшаго помощника Яковлева.

— Андрей Николаевичъ, пора, — сказалъ онъ, поднявъ
брови, и покраснѣлъ, какъ всегда, разговаривая съ ко-

андиромъ, — у насъ у всѣхъ голова кругомъ идетъ. Ка-
кой приказъ?

Онъ вылѣзъ на мостикъ и попросилъ разрѣшенія
уричь (внутри лодки запрещалось). Андрей Николаевичъ
самъ опредѣлилъ секстантомъ положеніе судна, разстег-
нулъ куртку и досталъ конвертъ съ пятью красными
печатами. На немъ точно были обозначены долгота и
широта, гдѣ вскрыть тайный приказъ. Не спѣша онъ
сломалъ печати и, прикрывъ отъ вѣтра плащемъ, раз-
вернулъ хрупкій, тонкій листокъ. Въ немъ стояло краткое
невѣроятное приказаніе итти на...

Яковлевъ вышелъ, поднявъ брови и проговорилъ
упавшимъ голосомъ:

— Андрей Николаевичъ, куда же мы на рожонъ по-
ѣдемъ?

— Это — не ваше и не мое дѣло.

— Если вы думаете, что я боюсь, такъ я напротивъ...
И даже очень радъ, — пробормоталъ Яковлевъ, поджи-
вая губы, и застегнулъ на всѣ пуговицы пальто.

Передавъ ему командованіе, Андрей Николаевичъ спу-
стился по отвѣсной лѣсенкѣ въ узкій коридоръ, куда
выходили каютки. Съ потолка матовыя полушарія освѣ-
щали выкрашенныя въ бѣлое желѣзныя стѣны, липші
жѣдныхъ трубъ, ряды заклепокъ, провода, тяги и толстый
половикъ на полу.

Теплый, сладковатый воздухъ, питанный запахомъ
бензина и масла, сильными струями проносился надъ го-
ловой. Шумѣли вентиляторы, и глухо и мѣрно, какъ
дульсь, работалъ моторъ.

Конецъ коридора, съ дверью въ машинное отдѣленіе,
то возносился, то падалъ внизъ. Придерживаясь за стѣны,
Андрей Николаевичъ вошелъ въ офицерскую каюту съ
двѣма, одна надъ другой, койками. На самой верхней
спалъ второй помощникъ, качаясь какъ въ люлкѣ. Вдоль
наружной вогнутой стѣны журчали водяныя струи. Свѣ-
жій вѣтерокъ подавался снизу, отдувая уголь карты

на столѣ, шевеля волосы спящаго. Спертый воздухъ этого думаешь?—проговорилъ Андрей Николаевичъ насыпавшись черезъ рѣшетку въ сферическомъ потолочномъ только, чтобы послушать, что скажетъ Курицынъ, залитомъ сильнымъ электрическимъ свѣтомъ. На маленькомъ, чистенькомъ столѣ стояла початая бутылка кофе, бисквиты и лежалъ томикъ англійскаго романа.

Андрей Николаевичъ, негромко посвистывая, присѣлъ у стола и обхватилъ коленно. Приказъ былъ выполненъ конечно, но съ большимъ рискомъ. Известно, что сурмарина, погружаясь въ воду, оставляетъ на поверхности перископъ,—свой глазъ, всегда замѣтный днемъ по дянному слѣду. Опускаясь еще глубже, т. е. скрываясь совсѣмъ, лодка оказывается почти слѣпой и идеощую, по компасу, рискуя налетѣть на мель, рифъ и во время боя на киль корабля. У «Кэтъ» были миникапшараты и скорострѣльная пушечка—вооруженіе скорддя для атаки. Но не на нихъ, а на особые иллюминаторы которые, уничтожая отчасти преломленіе воды, позволяли различать на глубинѣ опасные предметы, и надблся главнымъ образомъ Андрей Николаевичъ, обдумывая какъ провести лодку невредимой въ назначенный портъ.

Но долго размышлять надъ тѣмъ, что еще не случилось Андрей Николаевичъ считалъ занятіемъ празднымъ. Навилъ рюмочку коньяку онъ сдвинулъ фуражку на затылокъ и взглянулъ на спящаго князя, который положилъ руку на грудь и склонилъ къ плечу тонкое свое лицо желтоватое и точно восковое отъ плохо залѣченной лхорадки.

— Больше на консервъ похожъ, чѣмъ на живого человека, ловѣка,—пробормоталъ Андрей Николаевичъ,—какъ бы и намъ всѣмъ не пришлось очутиться вродѣ коробки сандинъ на сѣденіе морскому чорту.

Въ это время въ каюту вошелъ вахтеръ Курицынъ по прозванію «курицынъ сынъ», широкоплечій, рыжій скуластый матросъ, и доложилъ, что требуютъ къ телефону графу.

— Идемъ въ Энскій портъ, Курицынъ. Ты что насчетъ

Курицынъ покрутилъ головой, скосоротился, подмигнулъ матросамъ и сказалъ:

— Ну, и дѣвушки же, ваше благородіе, въ Энскомъ порту, люты!

Въ общемъ на этотъ разъ у него никакой остроты не вышло. Команда поднялась при видѣ Андрея Николаевича; матросы молчали, должно быть, всѣ понимали, что дѣло серьезное.

Радиотелеграмма была запросомъ, прочтенъ ли приказъ. Андрей Николаевичъ надѣлъ шлемъ и сѣлъ къ аппарату: «Пари, Пари, Пари, Бомбей... Пшеница Чикаго, пшеница Чикаго... Гибнемъ, гибнемъ, гибнемъ,—затрещали ему въ ухо голоса со всего міра, —гибнемъ, гибнемъ. Франциско хлопокъ, Франциско хлопокъ... Кэтъ, Кэтъ, Кэтъ... Моргизонъ только-что скончался... Кэтъ, Кэтъ».

И онъ, поймавъ нужную волну, далъ отвѣтныи сигналъ: «Кэтъ, Кэтъ, Кэтъ», и, соединяясь съ субмариной «Z», сообщилъ, что приказъ прочелъ.

Двое сутокъ «Кэтъ» ныряла въ волнахъ. Прочная и быстрая, соединенная голосами со всѣмъ міромъ, она веселила сердце Андрея Николаевича. Ему не представлялось, какъ можно разрушить такое сокровище ударомъ бомбы, и у «Кэтъ», казалось, есть болѣе высшее назначеніе, чѣмъ топить корабли.

Яковлевъ и второй помощникъ, кн. Бѣлопольскій, оба еще мальчишки, храбрились ужасно. Одинъ краснѣлъ, другой просто не могъ дышать отъ обаянія, какое внушала имъ Андрей Николаевичъ, державшійся немного сонно,

съ развальцемъ и просто. Помощники знали, что передъ отъѣздомъ было отправлено письмо какой-то Татьяны Александровны въ Тульскую губернію, въ имѣніе Долгоруково, и оба въ Татьяну Александровну были влюблены.

Команда, выходящая по очереди на палубу, весело покуривала послѣ духоты каютъ на легкомъ встрѣчномъ вѣтрѣ. Дни стояли ясные, и множество рыбъ разлеталось передъ лодкой, подскакивая на гребняхъ, въ ужасѣ таранило глаза.

Курицынъ ухитрился ловить рыбу сачкомъ на ходу. Матросы гоготали, глядя какъ онъ, засучивъ штаны, доходить до самаго края лодки, поднявшей носъ, запускаетъ сачокъ, вытаскиваетъ, и по вновь опускающемуся носу бѣжитъ обратно и вертится какъ бѣсъ, или засунувъ ладонь подъ мышку, играетъ на ней маршируя, приплясывая, пока не хлестнетъ его валь.

Появились дельфины и погнались за лодкой. Изъ зеленей воды, изъ-подъ самаго носа, выскальзывали они крутымъ побѣгомъ на воздухъ, опустивъ хвостъ описывали дугу и вновь погружались безъ плеска. И сбоковъ сзади, повсюду вертѣлись, какъ колеса, ихъ скользкія коричневыя тѣла.

Днемъ Андрей Николаевичъ спалъ или сидѣлъ на телеграфѣ. Закрывъ глаза, откинувшись на стулѣ онъ слушалъ обрывки донесеній о бояхъ въ Шампани и на Западной Движѣ, на границѣ Австріи и подъ Царьградомъ. Какой-то Жоржъ напрасно пытался послать по цѣлуй своей женѣ, плывущей въ Америку, и не могъ добиться: быть-можетъ, давеча этотъ самый пароходъ и вопилъ о гибели. Къ вечеру у границъ Волыни было разбито три австрійскихъ корпуса, и на утро по всему океану понеслись истерическіе голоса биржевиковъ.

Весь міръ сосредоточился у Андрея Николаевича въ тикахъ долгомъ и короткомъ, въ шорохѣ и шумѣ аппарата. Прошлое,—земля и встрѣчи,—было какъ сонъ, будущее упиралось въ мины. Не осталось ни страха, ни ра-

ости, ни сожалѣній,—только вода, стальная эта коробка, обитаемая какъ сардинами лодьями, да черточки беспроволочнаго телеграфа въ мозгу.

Когда склянка была къ ужину и матросы заглушенными волосами пѣли молитву, Андрей Николаевичъ поднимался на мостикъ, смѣялъ помощника, надвигалъ картузъ на глаза и съ удовольствіемъ отмѣчалъ, что все на томъ же разстояніи на границѣ неба и воды покачиваются въ короткихъ мачты.

Море до края заката было лиловымъ, и слѣдъ отъ лодки по водянымъ буграмъ переливался красными искрами. Закатный свѣтъ начинался отъ зенита и густѣлъ у воды, гдѣ раскаленные тучи выпустили, наконецъ, солнце, измѣнившее форму и медленно канувшее въ море. Погасли отблески; появились блѣдныя звѣзды, созвѣздія; засіяла Вега.

А на востокѣ возникло небольшое зарево, точно отъ горящаго корабля, и поднялась луна цвѣта крови. Когда же, линия, блѣднѣя, свѣтясь все ярче, достигла звѣздъ,—по водѣ пробѣжала серебристый слѣдъ. Эти минуты были тоскливыми и тяжелыми для Андрея Николаевича. Въ его увѣренномъ спокойствіи точно начинала дрожать нестерпимая какая-то жилка. Отъ такихъ пустыхъ, ненужныхъ моряку вещей, какъ закатъ, на примѣръ, начиналъ онъ чувствовать себя жалкимъ и смертнымъ человѣкомъ, точно не все еще испытано, или самое важное, самое нужное было впереди. Андрей Николаевичъ негодовалъ и гнѣвался на мостикѣ, потому что чувство это казалось ему подобно трещинѣ въ брошированномъ борту у «Кэтъ».

На третій день, послѣ полудня, Андрей Николаевичъ послѣднѣе вышелъ изъ телеграфной каюты и приказалъ готовиться къ спуску. Команда стала къ аппаратамъ, нагнетающимъ воду. Осмотрѣли кислородные резервуары,

озонаторы, опрѣснители и всѣ люки. Артиллеристы пошли въ минное отдѣленіе. Было приказано по возможности лежать, двигаться какъ можно меньше, не разговаривать и не смѣяться. Яковлевъ, стоявшій на вахѣ, крикнулъ сверху въ трубу, что на сѣверѣ—дымъ, затѣмъ сошелъ внизъ, и выходной люкъ герметически былъ завернутъ.

Андрей Николаевичъ скомаандовалъ спускъ и прошелъ въ рулевое отдѣленіе. Зашумѣла вода въ кингстонахъ, нутро лодки точно отяжелѣло, и качка уменьшилась. «Кэтъ» погрузилась и пошла подъ водой по перископу. Андрей Николаевичъ нажалъ кнопку, электричество погасло, и изъ трубы полился конусъ голубоватыхъ лучей.

Тогда поверхность столика ожила. Заходили по нему крошечныя волны съ гребнями, возникли облака и слѣды протянувся дымокъ.

Подперевъ голову, Андрей Николаевичъ всматривался въ море, лежащее передъ нимъ на площади квадратнаго фута. Дымокъ исчезъ, и скорѣ справа появилась четкая точка земли. Къ ночи Андрей Николаевичъ за темнотой рѣшилъ опять подняться на поверхность и идти безъ огней.

До утра онъ простоялъ на мостикѣ. Воды были тихими, только валъ мертвой зыби всплескивалъ иногда подъ носомъ лодки. Тонкая пелена затянула звѣзды. На югѣ въ страшной дали, скользнулъ по облакамъ голубоватый лучъ прожектора со сторожевого вражескаго судна.

Вниманіе было такъ напряжено, что Андрей Николаевичъ слышалъ тиканье часовъ въ карманѣ. Передъ зарей невысоко со свистомъ пролетѣли утки. Пришло извѣстіе, что первая субмарина погрузилась совсѣмъ. Вскорѣ телеграфировала вторая, что погружается. Приближался поясъ минъ. Одна за другой исчезали подъ водой лодки,—быть-можетъ навсегда.

Разсвѣтъ былъ долгій; зеленоватый и оранжевый свѣтъ его разливался по перистымъ облакамъ. Андрей

Николаевичъ различилъ, наконецъ, неясное очертаніе дымка надъ молочной поверхностью залива и скомаандовалъ: Стопъ! Онъ закрылъ глаза, снялъ фуражку, протеръ ладонью по влажному лбу своему и украдкой переставился. Затѣмъ сошелъ внизъ и самъ завернулъ люкъ. «Кэтъ» на точно обозначенномъ мѣстѣ начала опуститься на большую глубину. Потомъ, медленно рукою взявъ только румбомъ, компасомъ и картой, двинулась впередъ минами, сдавленная сотнями тысячъ пудовъ воды.

Румбы, волочаясь на стальныхъ шнуркахъ, позади «Кэты», точно опредѣляли скорость, хронометръ показывалъ время поворота, а компасъ—его точное направленіе. Яковлевъ наблюдалъ за приборами, Бѣлопольскій по логическимъ таблицамъ вычислялъ поправки въ показаніи хода и доносилъ старшему механику, стоявшему у моторовъ. Андрей Николаевичъ, склоняясь надъ картой, вполголоса командовалъ рулевымъ: вправо столько-то градусовъ, минутъ и секундъ, влево—столько-то. Не чувствовалось ни качки ни движенія «Кэты», погруженной въ темноту. Матросы повсюду лежали неподвижно, заботясь какъ можно меньше расходовать кислородъ. Но все же воздухъ былъ тяжкій, густой, и звенѣло въ ушахъ. По временамъ кто-нибудь пробормочетъ: «О Господи, Господи!» и вздохнетъ, припомнивъ, должно быть, три десятины свои гдѣ-нибудь подъ Бугурусланомъ, или ржачаго жеребенка да вѣтеръ въ ракитовыхъ садахъ. Труднѣе всѣхъ пришлось Курицыну. послѣднихъ часовъ молчанія онъ началъ покряхтывать, пошевеливаясь и сказалъ:

— Намъ-то еще, братцы, ничего, а вотъ, я думаю, вы скажете,—какъ онъ себя подъ водой терпитъ?

— Молчи, ты, дура,—отвѣтили изъ темноты.

Яковлевъ, повернувъ изъ-за едва поблескивающихъ

трубъ и приборовъ потное, нахмуренное лицо, приказалъ молчать. И въ это время днище «Кэтъ» ударилося объ что-то и заскрипѣло.

— Стопъ! Стопъ!—закричалъ Андрей Николаевичъ выскакивая изъ рулевой будки.

Завыли шестерни, и моторы перестали биться. В тишинѣ слышалось только дыханіе людей. Сразу стало жарко, какъ въ банѣ.

Андрей Николаевичъ пробрался въ герметическую камеру, куда чрезъ иллюминаторы проливался жидкій, зеленатоватый свѣтъ, и прильнулъ къ стеклу.

Понемногу въ подводномъ сумракѣ обозначились тѣни и очертанія, расплывчатая и неясная. Одна изъ тѣней дрогнувъ двинулась вдоль стекла, и на Андрея Николаевича глянули круглые, рыбы, трагическіе глаза.

Рыба скользнула наискосокъ, глубоко внизъ; значитъ «Кэтъ» сидѣла не на мели, и врядъ ли здѣсь могли быть подводные рифы. Продолжая наблюдать, Андрей Николаевичъ приказалъ подняться на нѣсколько футовъ. Тогда множество тѣней шарахнулося поспѣшно, и ясно теперь стали видны обрывки проволочныхъ лѣстницъ, канатовъ и зацѣпившаяся за нихъ полуобглоданная рыба — ми человеческая фигура. Раскинувъ руки она покачивалась внизъ головой. Андрей Николаевичъ откинулся, и на минуту у него зазвенѣло въ мозгу. «Кэтъ» наскочила и остановилась на останкахъ взорваннаго минами корабля.

Остановка эта могла оказаться роковой. Равномерное движеніе лодки было нарушено, направленіе утеряно, небольшая и неизбѣжная неточность того мѣста, гдѣ лодка опустилася подъ мины, должна была возрасти по мѣрѣ хода; теперь же, ставъ, «Кэтъ» въ одно мгновеніе заблудилась во времени.

Андрей Николаевичъ забарабанилъ пальцами по стеклу. Остаться подъ водой было невозможно, появиться на поверхности значитъ выдать себя и подвергнуться обстрѣлу. Все же это былъ единственный выходъ опредѣлить точ-

но мѣсто нахождения. Онъ скомандовалъ медленный подъемъ и вернулся къ окошку. Тѣни ушли внизъ. Вода затѣтно свѣтлѣла. И вдругъ сверху навстрѣчу словно стала дускаться темный шаръ. «Мина. Сейчасъ встрѣтимся»,— подумалъ Андрей Николаевичъ и, новымъ усиліемъ преодолѣвъ давящее мозгъ оцѣпенѣніе, приказалъ переменить направленіе. Шаръ отдалился, а справа пририсился второй. Пришлось продвинуться впередъ. Но тамъ, въ зеленоватомъ полумракѣ, возникли чугунные шары, словно поджидая, когда ихъ коснется бортъ судна. «Кэтъ» запуталась въ минной сѣти...

II

Съ большой высоты морская вода кажется прозрачной, внимательному глазу возможно въ ней рассмотреть даже идущихъ крупныхъ рыбъ. Какъ въслѣдствіи выяснилось, «Кэтъ» была именно такъ и замѣчена двумя неопытными ирландскими гидропланами въ то время, когда стремились выбиться между минами на поверхность залива. Самолеты выслѣдили подъ водой ея тѣнь, и, кружась надъ мѣстомъ, дали знать сторожевымъ судамъ. Но лодка, описавъ кругъ, вновь опустилася на большую глубину.

Теперь она шла вслѣбую. Моторы были пущены во всю силу. Сотни бѣсовъ, именуемыхъ лошадиными силами, бились въ нихъ, бѣшено вращая рычаги поршней, шестерни, фрикціоны и валъ. Корпусъ лодки дрожалъ. Долуголые механики, въ однихъ только штанахъ, ползали около машинъ, трогая раскаленные, гудящія части. Было жарко и душно; въ свинцовыхъ резервуарахъ оставалось кислорода всего на часъ, не больше.

Яковлевъ сидѣлъ все тамъ же, около аппаратовъ, облокотясь о колѣни, охвативъ руками помутившуюся, прижатую голову. Въ минныхъ погребкахъ, въ каютахъ,

въ проходахъ у стѣнъ лежали и стояли незанятые дѣломъ матросы, молча, задыхаясь. И каждого, какъ поплавокъ, неудержимо тащило вверхъ,—вынырнуть, глотнуть въѣтра, глянуть на небо. Князь Бѣлопольскій, все еще наклоняя надъ бесполезными сейчасъ таблицами, то-и-дѣло вытиралъ лицо, точно убирая паутину; наконецъ поднялся, но на полпути упалъ на руки и колѣнки и стохнулъ. Его подняли безъ сознанія, уложили на койку.

И одинъ только голосъ Андрея Николаевича, слышннй повсюду изъ телефонныхъ трубокъ, поддерживалъ силы полузадохшихся людей. Пустивъ «Кэтъ» полнымъ ходомъ, Андрей Николаевичъ разсчитывалъ миновать минный пося,—хватило бы только воздуху, хотя на часть команды.

Блѣдный и возбужденный, съ растрепаннымъ пробормомъ, въ разстегнутомъ кителѣ, онъ появлялся повсюду, стыдилъ ослабѣвшихъ, заглянулъ къ Бѣлопольскому, самъ влилъ въ ротъ ему коньяку, и, крѣпко проведя ладонями по волосамъ, поцѣловалъ въ лобъ. «Еще полчасика, полчасика продержаться, — звенѣло въ мозгу, — полчасика, за полчасика, чай, не всѣ помрутъ».

Наконецъ, присѣвъ слишкомъ быстро около копошащагося, голаго, вымазаннаго масломъ механика, увидаль онъ багровое пламя передъ глазами, и, откинувшись, ударился затылкомъ о выступъ машины. Но боли не почувствовалъ. «Плохо»,—подумалъ онъ, подползъ къ запасному кислородному баку, открылъ кранъ и съ жаждностью потянулъ въ себя благовонную струю газа. Закружилась голова, сладкій огонь пробѣжалъ по жиламъ. Андрей Николаевичъ поднялся, пошатываясь. Всѣ предметы стали отчетливыми. Всѣ лица повернулись къ нему, молча, точно спрашивая, прося одними глазами. Скуластыя, бородастыя, инныя совсѣмъ еще юныя лица матросовъ представились ему въ эту минуту опьяненія особенно человѣческими, мужицкими... Вотъ этого стацили прямо со стога сѣна, остригли, одѣли, выучили, посадили въ «Кэтъ», погрузили на цятнадцать сажень подъ воду.

А у этого явно тараканы въ избѣ и теленочекъ, и глаза у него коровьи, покорные. А придется, видно, умереть, ничего не подѣлаешь, надо!

Въ коридорчикѣ Андрей Николаевичъ наткнулся на Курицына. Онъ стоялъ, привалаясь къ стѣнѣ, и глоталъ, какъ рыба, воздухъ. Жилы на шеѣ и лбу напряглись, рибое лицо посигѣло. Увидѣвъ командира онъ попытался приободриться, изобразить всегдашнюю глупую рожу, пробормоталъ:

— Виноватъ, угорѣлъ маленько.

Андрей Николаевичъ, наклоняя къ нему, увидѣлъ, что зеленые глазки Курицына застланы смертной пеленой, выругался глухо и, вдругъ повернувшись къ трубкѣ, скомандовалъ подъемъ... «Кэтъ» дрогнула и понеслась вверхъ. Четыре съ половиной минуты продолжался подъемъ. Точно четыре съ половиной года длилось ожиданіе столкновенія, удара, треска, огня, гибели. Вдругъ «Кэтъ» стала. На перископный столикъ упалъ свѣтъ. Матросы поползли къ люку, отвинтили его, и полился холодный, соленый воздухъ, раздирая грудь, туманя голову. Зашумѣли вентиляторы и насосы.

Андрей Николаевичъ первымъ выпрыгнулъ на мостикъ и со вскрикомъ зажмурился. Надъ вознесенными, какъ дымъ, грудами теплыхъ облаковъ висѣло вечернее солнце. Ни вѣтра, ни зыби, и воды—какъ зеркало.

Дрожащими пальцами держа секстантъ Андрей Николаевичъ началъ измѣреніе. За спиною появились Яковлевъ, Курицынъ и матросы. Въ небѣ слышалось сильное жужжанье, затѣмъ раздался мѣрный, легкой трескъ пулемета, и, словно отъ просыпаннаго гороха, звякнула обшивка лодки. Это падалъ, описывая широкіе круги, гидропланъ, съ приподнятыми заостренными крыльями.

Покосаясь на него, Андрей Николаевичъ закусилъ губу и продолжалъ измѣреніе. Матросы зашелкали затворами карабиновъ. Гидропланъ, почти достигнувъ воды, взмылъ полого и съ рѣзкимъ шипѣніемъ—«фррррр» по-

несся над лодкой. Неподвижно въ немъ сидѣлъ бритый слѣдомъ лопнул третій снарядъ, брызнулъ, раскрыл-летчикъ, держа рули. Пониже его наблюдатель, высунувся облачкомъ. черные усы изъ-за покрышки шлема, перегибался, глядя «Кэтъ» повернула-было опять на востокъ, но теперь дѣлѣ внизъ, ожидалъ. Затѣмъ откинулся, поднялъ оба переди, сбоковъ, повсюду лопались, брызгали огнемъ ими руками продолговатую бомбу и спустил ее между шара и, наконецъ, по всему тускнѣющему горизонту ногъ въ трубу. Снарядъ метнулся на мгновение и канулъ появились дымы. Кругъ ихъ смыкался. въ воду у борта лодки. Курицынъ выстрѣлилъ. Усато. Наблюдающій гидропланъ пронесся тѣною надъ «Кэтъ», лицо сморщилось, поднялись кожанья руки съ раста-ва блѣдныхъ лица глянули сверху и скрылись. пыренными пальцами. Самолетъ проскользнулъ и положъ. Затѣмъ невысоко надъ кормой разорвалось пламя, кругами, пошелъ на верхъ. Матросы открыли щелкотинъ чернобородый артиллеристъ Шубинъ, дѣльный му-вдогонку.

— Раненъ, раненъ, я самъ видѣлъ, сморщился,—происъ черезъ перила, скрылся подъ водой. кричалъ Яковлевъ визгливо.

Надъ грядой красноватыхъ горъ появился второй а. Николаевичъ и, не отрывая рта отъ рупора, поглядывая паратъ, различимый, какъ черточка... «Кэтъ» легко, сло-сподобья, гдѣ гуще падаютъ снаряды, командоваль, но раздвигая стекло, двигалась въ молочныхъ и ора-угаясь черезъ каждое слово. жевыхъ водахъ.

Андрей Николаевичъ застегнулъ тужурку, надвинул-ство дымили трубы миноносцевъ. Дымовое кольцо смы-картузъ и, пройдясь по мостику, сказалъ, усмѣхнувшис-лось. Вдругъ, настигая, палетѣлъ снарядъ, дунулъ жа-(на щекахъ его и въ глазахъ блеснулъ красноваты-омъ; Андрея Николаевича кинуло навзничъ. Съ трескомъ свѣтъ заката): циотелеграфная мачта рухнула въ воду.

— Ну-съ, Яковлевъ, мины пройдены, а вотъ чт-«Кэтъ», погруженная по самый мостикъ, мчалась къ теперь будемъ дѣлать? Мы на такой-то широтѣ и до-алистому берегу. готѣ...

— Андрей Николаевичъ, здѣсь рифы и мели...

— Въ томъ-то и дѣло, что здѣсь рифы и мели, и п-енныхъ искръ, раскатясь по водѣ, и свистнули надъ ти подъ водой я не рискну... Подождите...—Онъ по-одкой шесть демоновъ, закованныхъ въ стальные ци-нялъ руку. ндры. Вдоль скалъ двигалась длинная тѣнь судна.

Солнце сѣло уже въ облака, и они, насытаясь е-дой, навстрѣчу тѣни, скользнула острая слѣпая мина. оранжевымъ свѣтомъ, озаряли воды; оттуда, изъ багр-ошло долгое мгновение, и тамъ, гдѣ были трубы мино-ваго свѣта, стремительно налеталъ надрывающій свист-ца, поднялась лохматая гора огня и воды. Рухнула. тѣни не стало. «Кэтъ» вошла между скалъ въ одинъ

— Прибавить ходу! — сказалъ Андрей Николаевичъ, т-глубокихъ заливчиковъ, погрузилась и легла на пес-направляя бинокль на закатъ. еое дно.

Просвистала вторая граната по другую сторону, возникъ водяной фонтанъ. «Кэтъ» круто повернула в-потемнѣвшей полосѣ горъ, и позади надъ ее лиловымъ

III

«Насъ, я знаю, считаютъ погибшими. Седьмой день лежимъ на днѣ, съ величайшими предосторожностями каждую ночь поднимаемся за воздухомъ. Поправить мачты нѣтъ возможности. Да и все равно нельзя тратить грючий материалъ на электрическую энергію—телеграфировать. Бѣды тоже мало. Но все-таки держимся; опреснители работаютъ отлично».

Такъ черезъ недѣлю послѣ морского боя записалъ Андрей Николаевичъ въ тетради, переплетенной въ черную кожу. Ежедневно онъ отмѣчалъ въ ней широту, долготу, скорости, исправность машины, работу и провинности команды и прочее... Въ послѣдней же графѣ происшествій записалъ кратко бой съ миноносцами, смерть Шубина, поврежденіе лодки и минную атаку. Только перь на глубинѣ пяти сажень, на песчаномъ днѣ, ничего не случилось необычнаго, но понемногу запись въ послѣдней графѣ стала переползать на весь листъ. Рѣшилъ Андрей Николаевичъ, что все равно живымъ никого изъ этого залива не уйти, или частные случаи перенесли въ его сознаниі строго установленный распорядокъ,—только тонъ дневника перемѣнился.

«Еще три—четыре дня послѣ боя было у всѣхъ возбужденіе и злорадство,—писалъ далѣе Андрей Николаевичъ.—Отдѣлались мы однимъ убитымъ да мачтой, а сами потопили ихнее судно и перехитрили (дѣйствительно, весь здѣшній берегъ изрѣзанъ и «Кэтъ» канула, и иглолка). Подходить близко они боятся, я думаю; все надежды, что сочтутъ насъ погибшими, очень мало».

Но теперь я замѣчаю, что событія недавнихъ дней точно отодвинулись въ глубокое прошлое, изъ комарное у кого начинается страшное состояніе разсѣянности. Мы—не живые и не мертвые, спимъ весь день, по-

поднимаемся, чтобы накачать воздуху. Только Курицынъ не пытается балагурить. Давеча я вошелъ въ рубку, и вотрю, онъ устроилъ общій столъ изъ пустыхъ бидонновъ брезента; матросы сидятъ вокругъ, сонные, лица опухшие; Курицынъ ихъ всѣхъ прозвалъ пыльщиками, будто пыльщики здоровы бѣть, а у насъ на семнадцать мѣстовъ полагается сейчасъ девять коробокъ мясныхъ консервовъ. Не густо. Сидятъ кругомъ передъ общей пашкой, ложками черпаютъ по командѣ, а что не дождутся,—наболтаютъ Курицынъ. «Ну,—командуетъ онъ,—набили пузо, сенаторы, расходитесь, курицыны дѣти»... Большие всѣхъ мнѣ не правится князь. Мальчикъ слишкомъ впечатлительный; послѣ обморока и смерти Шубина не можетъ никакъ оправиться. Пытался что-то дѣлать, но я приказалъ ему не сходить съ койки; онъ и лежитъ теперь цѣлыми днями лицомъ къ стѣнѣ. Гнететь его отсутствіе звуковъ. Тишина дѣйствительно ужасная. Сверху насъ—вода, толщиной въ четырехъэтажной домъ.

Когда наступаетъ время подъема, всѣ оживаютъ понемногу, потягиваются, съ беспокойствомъ поглядываютъ на часы, ждуть этого часа, какъ воскресенія изъ мертвыхъ.

Но вотъ ворвался въ вентиляторы свѣжій воздухъ, дукаю пальцемъ по обшивкѣ и чувствую, что отъ неба дѣлается меня только дюймъ желѣза,—приятно. Вчера были глухіе выстрѣлы,—насъ сторожать.

Накачаемъ воздухъ, тонемъ на дно, и людьми снова задрожать сонливость; время обрывается. Завалился на койку. Темнота не та, что бываетъ на землѣ, бархатная, совершенная... Яковлевъ бормочетъ и вскрикиваетъ. Ему снятся сраженія, подвиги, гавани, разкрашенные флагами, вѣтеръ и женщины. Спросонокъ онъ нагибается сверху съ койки и подобно мнѣ рассказываетъ всю эту чепуху.

Я начинаю понимать мухъ, что дремлютъ между за-

мерзшими окнами. Лежу съ открытыми глазами, ни сонъ, ни явь, нѣтъ мыслей и воспоминаній, я только чувствую,— и никогда съ такой силой,—бытіе. Оно не представляется мнѣ случаями или отдѣльными картинами, а вѣкъ времени во всей полнотѣ, гдѣ-то надо мной, по ту сторону водяной толщи, простирается бытіе. Точнѣе опредѣлить не могу. Иногда начинаетъ биться сердце точно въ предчувствіи еще болѣе яснаго пониманія. Странно и жутко и, пожалуй, жаль, что не вижу попросту сновъ, какъ Яковлевъ. У него начался во снѣ романъ съ негритянкой).

«Бѣлопольскій совѣтъ плохъ. Сегодня, на одиннадцатый день, началъ бредить и свалился сверху, мы уложили его на нижней койкѣ.

Курицынъ пытается потихоньку его подкармливать. Я дѣлаю видъ, что не замѣчаю. Бѣды у насъ осталось на недѣлю, при расчетѣ почти на голодъ. Мужики мои отошались; перестали разговаривать; у большинства, кажется, такое же состояніе, что и у меня,—мухи за окномъ. Смирный все-таки они народъ; главное, если поняли резонъ, то и помрутъ безропотно. Но не дай Богъ заставить ихъ маяться несправедливо. Князька жалѣютъ очень. Старшій наводчикъ предложилъ напоить его шалфеемъ. Жалко шалфея-то у насъ и нѣтъ. А травка, говорятъ, хорошая. Чудесная трава растетъ на землѣ.

Князь бредитъ все про какую-то Танечку, будто качается съ ней на качеляхъ надъ рѣчкой, и тошно ему отъ рѣчки. «Хоть бы мелкая, говорить, а то она глупокая; уйдемте, Танечка, подальше отъ рѣчки». Перестанетъ, вздохнетъ и опять про то же. Затѣмъ появились у него два особенныхъ человѣка, съ деревянными руками, стащили съ качелей и повели къ рѣкѣ.

До вечера онъ боролся съ ними, вскрикивалъ дико, жаловался, что подъ ногтями—занозы отъ деревянныхъ

людей. Наконецъ, началъ булькать, барахтаться и за-тихъ.

Свѣтъ погасили. Яковлевъ, совѣтъ измученный, заснулъ. У меня началась тоска, смертельная, невыносимая. Когда слѣзъ посмотрѣть, отчего князь молчитъ, онъ былъ уже холодный.

На тринадцатые сутки, въ полночь, съ величайшими предосторожностями мы поднялись въ первый разъ. Тѣло князя было завернуто въ холстъ, къ ногамъ привязана граната. Команда пропѣла ему «Вѣчную память».

Первое, что видѣлъ я, взойдя на мостикъ,—звѣзды: огромныя и частыя, сіяли онѣ по всему небу, и всѣ точно дышали въ водахъ залива. Направо поднимался отвѣсный берегъ, чернѣя высоко на небѣ зубцами скалъ и висящими неподвижно вѣтками низкорослыхъ деревьевъ. Оттуда шель сильный запахъ можжевельника, полыни и цвѣтовъ.

Изъ люка подняли князя, подъ холстомъ обозначался его острый профиль. Тѣло скользнуло по борту и скрылось въ водѣ безъ всплеска. Матросы молча крестились. Пролетѣла летучая мышь.

Не понимаю, не понимаю, гдѣ грань живого и мертвого,—развѣ тамъ, гдѣ кончается мука и наступаетъ благоговѣніе и тишина.

Но вотъ за входомъ въ заливъ прошла тѣнь четырехтрубнаго судна. «Они» еще не успокоились. Изъ-за воды возникъ лучъ прожектора и уперся за нами въ обрывъ, гдѣ проступили корявые вѣтки, камни и трещины. А лучъ уже метнулся въ небо, упалъ и началъ шарить въ заливѣ. Пискнули птицы. Загорѣлась вода. Лучъ, скользя, остановился въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ насъ и замеръ. Застыли и мы.

Гдѣ-то въ верстѣ отъ насъ человѣкъ замедлил свою работу; поверни онъ сейчасъ на волосокъ лѣвѣе,—мы были бы открыты.

Голубоватый свѣтъ освѣщаль воду и на глубинѣ мно-

жество сбившихся въ стаю рыбъ. Ихъ было столько, что Курицынъ крикнулъ. Опять метнулась мышь ошалѣлымъ полетомъ, и капельки и ночныя бабочки толклись въ свѣту.

Лучъ закачался и внезапно прыгнулъ на вершину скалы; зубчатая верхушка ея засвѣтилась, и оттуда заклекоталъ ослѣпшій, недовольный орелъ. Мы вновь погрузились въ темноту и небытіе.

«Князь умерь!»—повторяю это помногу разъ и не могу понять. Умереть тамъ, на землѣ,—значить перестать видѣть, слышать, чувствовать. Тамъ говорятъ: «ушелъ отъ насъ». Умереть—значить остаться одному, въ совершенномъ одиночествѣ. Такъ думалъ, должно-быть, Иона, когда попалъ въ брюхо къ киту. Такъ сознаю и я, запаянный въ стальную коробку, погруженный на морское дно. Лежу, не шевелясь, въ темнотѣ, въ мертвой тишинѣ, сдавленный со всѣхъ сторонъ водою. Если бы я похолодѣлъ совсѣмъ, пересталъ двигаться, какъ князь,—много ли бы измѣнилось? Почти ничего. Быть-можетъ, духъ мой, еще привязанный къ ежедневнымъ обязанностямъ, освободился бы совсѣмъ, и только.

Бда мнѣ противна. Съ большими усилиями заставляю себя проглотить нѣсколько ложекъ бурды. Ташусь въ столовую и слѣжу, чтобы всѣ были за столомъ и ѣли. Оказывается, что чувство голода мучительно лишь первое время; затѣмъ наступаетъ переломъ, когда тѣло начинаетъ точно подтаивать и вся сила переносится въ сознание; всѣ воспріятія обостряются. Полный желудокъ возбуждаетъ отвращеніе.

Это чувство физического угасанія необычайно блаженно. Бываютъ удивительныя минуты,—онѣ начинаются съ легкаго озноба, затѣмъ холодокъ пронизываетъ все тѣло, и перестаешь его чувствовать. Въ напряженномъ

сознаніи возникаетъ чувство свободы и печали. Дѣйствительно, весь міръ, вмѣстѣ съ травой и звѣздами,—во мнѣ. Я растворенъ въ немъ тончайшимъ холодкомъ. Я свободенъ отъ всего. Но все же мнѣ печально, точно я не выполнилъ послѣдняго, самаго важнаго долга. Исполнивъ его мой духъ не разостлался бы этимъ холодкомъ, а позналъ бы что-то иное,—не знаю, совершенное ли, но болѣе простое, земное, милое. Но какой долгъ? И что познать?

Сказалъ объ этомъ Яковлеву. Онъ помолчалъ и заплакалъ. Лежить теперь все время лицомъ къ стѣнкѣ, какъ князь, на его койкѣ, и не рассказываетъ больше «новъ»...

Подобными пространными разсужденіями наполнялъ теперь Андрей Николаевичъ листы дневника. Происшествій почти не было никакихъ. Сторожевыя суда продолжали зорко слѣдить за побережьемъ, освѣщая по ночамъ берега.

Консервы подходили къ концу и кончились. Остался неприкосновенный запасъ на однѣ сутки, но тронуть его можно было только тогда, когда уже самой «Кэтъ» грозила бы неминуемая гибель. Андрей Николаевичъ даже прикинулъ въ умѣ, что человекъ шесть, если останутся въ живыхъ, еще смогутъ повести лодку, рискнуть и прорваться, а въ случаѣ неудачи взорвать «Кэтъ». Но пока жива почти вся команда, нужно отлеживаться на днѣ и ждать.

«Четверо уже больны цынгой, а пятый умираетъ отъ горячки,—писалъ затѣмъ Андрей Николаевичъ,—но никто изъ нихъ не попрекнулъ меня въ томъ, что подводная лодка цѣнится дороже многихъ человѣческихъ жизней. Въ самомъ дѣлѣ, умираютъ за знамя, за шелкъ, приборъ къ древку, а «Кэтъ» и знамя—лишь символъ, своеобразное напоминаніе о томъ, чтобы даже въ часъ упадка

не забылся человекъ, не счелъ себя свободнымъ отъ долговъ.

Господи, какъ трудно согласовать себя съ ними, съ людьми. Я хочу быть свободнымъ, не должнымъ, они требуютъ уплаты. Хочу жить, а имъ нужна моя смерть. Но если перестану бороться, отдамъ имъ себя всего и сразу стану негоденъ, не нуженъ, какъ трупъ; а если откажусь отъ долговъ, закрою глаза, уединюсь,—почтутъ меня преступникомъ, и въ правѣ. Боюсь смерти, но еще больше—позора.

Курицынъ разрѣшаетъ всѣ эти вопросы гораздо проще: «противъ рожна не попрешь». Сейчасъ явился ко мнѣ нагишомъ, въ однихъ закрученныхъ выше коленъ штанахъ, вокругъ головы обернуты лески съ крючками за спиной—сѣтка, сказалъ: «Все равно околѣвать, ваше благородіе, дозвольте, пойду насчетъ рыбы попытаюсь». Пусть попробуетъ: удастся, продержимся лишніи сутки.

На разсвѣтѣ поднялись. Былъ густой туманъ; по нему ползали, щупали его огни прожекторовъ. Курицынъ скользнулъ безъ шума и поплылъ въ молочной, дымящейся водѣ. Черезъ минуту его не стало видно. Я обѣщавъ позавтра, въ тотъ же часъ, подняться.

Весь день думалъ: Если останусь живъ, чего бы я хотѣлъ? Опять странствій? Веселыхъ приключеній? Какъ все ничтожно! Должно-быть, я на много лѣтъ постарѣлъ подъ водой. Мнѣ ничего не нужно, и все же никогда съ такою силою не хотѣлъ снова вернуться туда.

Яковлевъ говоритъ, что ему трудно умереть на койкѣ; онъ понимаетъ, что это, быть-можетъ,—высшій долгъ; но все же хотѣлъ бы пострѣлять, потопить кого-нибудь и умереть отъ пули. Мальчикъ! Оцѣпенѣніе у него происходитъ, начинаетъ подбивать меня на рискованные поступки.

Всматриваюсь въ туманъ; вдругъ слышу всплескъ и на палубу лѣзетъ мокрая голова Курицына; за спиной у него — сѣтка, полная рыбы. Отерся, говоритъ

«Коньячку бы мнѣ, ваше бррр...» И едва сошелъ внизъ и выпилъ стаканчикъ, свалился на половику и заснулъ. Рыбу вытащили на палубу,—хватить на трое сутокъ.

Оказывается, Курицынъ попросту пробрался днемъ по кустамъ и можжевельнику вдоль берега и опустошилъ рыбацкія сѣти. Обѣщавъ завтра пойти на уловъ за барашкомъ. Лицо у него, спина, руки ободраны, худъ такъ, что ребра торчатъ, какъ у лошадиной падали; при этомъ невѣроятно доволенъ. Попросилъ еще стаканчикъ коньяку и опять принялся рассказывать командѣ свои похождения, при чемъ оказалось, что онъ успѣлъ также обольстить одной своей расторопностью какую-то рыбацкую дочь; подъ конецъ же до того заврался, что старшій механикъ только плюнулъ.

Исторія съ Курицынымъ волнуетъ меня ужасно. Я въ чемъ-то глубоко не правъ и повиненъ. За все это время, пока лежимъ на днѣ, умеръ князь, томится Яковлевъ, безъ ропота, какъ дѣти, угасаютъ матросы. А я только *разсуждаю* о добродѣтеляхъ, о долгѣ и смерти. Все это—душевный подвалъ; оцѣпенѣніе; мерзость!

Быть не одному,—вотъ! Одиночество,—вотъ смертельно-нѣйшій изъ грѣховъ. Пойти и наловить рыбы важнѣе, чѣмъ впотьмахъ рѣшить проблему смерти.. Чортъ съ ней!

Писать больше не буду.

Сейчасъ поднимаемся. Слышна глухая, мощная канонада. Въ морѣ идетъ бой.»

IV

...На этомъ оборвался дневникъ. Далѣе Андрею Николаевичу писать не было возможности; событія пошли стремительно, да и онъ самъ, выйдя изъ душевныхъ подваловъ, почувствовалъ себя не болѣе какъ быкомъ, выскочившимъ на арену.

«Кэтъ» вынырнула въ бѣлый, клубящійся туманъ. Отъ

гула и грохота дрожали берега. Мощные, круглые залпы и взрывы чередовались съ частой трескотней. Казалось, кашляли, дули другъ на дружку, ревѣли морскіе черти. Надъ «Кэтъ» пронеслась ошалѣвшая чайка.

— Андрей Николаевичъ, скорѣе, пора, прорвемся!— повторялъ Яковлевъ, держась за перила, стуча зубами.

Приготовленія были окончены. Сильный вѣтеръ заколебалъ туманъ и погналъ его клочьями, обнаживъ мокрый выступъ скалы. Изъ люка поднялось опухшее съ покраснѣвшими глазами лицо Курицына.

— Готово!— крикнулъ онъ съ такой силой, что напрыгались жилы, но голосъ едва былъ слышенъ. Андрей Николаевичъ махнулъ рукой, и «Кэтъ» полнымъ ходомъ вылетѣла изъ залива на волю. Выстрѣлы были сзади и съ правой стороны, путь къ Энскому порту свободенъ.

Все, что вынесли за эти двѣ недѣли, лежа на морскомъ днѣ, Андрей Николаевичъ, Яковлевъ и команда,—отчаяніе, оцѣпенѣніе, смерть наяву и примиренность,— все это преобразилось сейчасъ въ одну волю, и, казалось, мало было стремительнаго бѣга лодки, разрывающей туманныя воды на двѣ волны.

Прорваться, привести «Кэтъ» невредимой въ портъ, исполнить только долгъ,—теперь это было слишкомъ ничтожно. Воля требовала *ощутимаго*. Такъ быкъ, что стоитъ посреди арены, медлитъ и дышитъ тяжело, и вдругъ бросается на всадника, чтобы всадить рога.

Андрей Николаевичъ еще колебался; но теперь не отвага руководила имъ, не расчетъ, не увлеченіе, а только *жадность*. Корабли, люди, земля, вотъ-вотъ взлетающее въ пожелтѣвшемъ туманѣ солнце,—все это было «мое», ощутимое, желанное. И то, чего желала душа: разрушить, не казалось разрушеніемъ. Хотѣлось овладѣть, коснуться всего живого (пусть при этомъ взлетитъ, корабль), безъ различія, добро ли это, зло, смерть или

жизнь. Только одна эта воля бушевала въ немъ,—жажда, жадность, *ощущеніе* всего.

— Нельзя намъ такъ уходить, поверните или я застрѣлюсь,—закричалъ въ ухо Яковлевъ, совѣмъ одичавшій, съ перекошеннымъ землистымъ лицомъ.

Солнце появилось, наконецъ, огромнымъ шаромъ, и подъ туманомъ еще не ясно зашевелилась оранжевая вода. Гдѣ-то близко слѣва гнались, грохотали невидимые корабли. Вѣтеръ усилился. И вдругъ выступила въ облакахъ и дыму сѣрая громада; закуталась, прогрохотала, и яснѣе стали видны очертанія башенъ, трубъ, мачтъ, весь профиль, надъ которымъ плескало знамя съ чернымъ орломъ.

Не сдерживаясь больше, видя, что *можно*, съ перешагиваніемъ отъ волненія горломъ, Андрей Николаевичъ прыгнулъ въ люкъ, сбиль съ ногъ Яковлева и самъ сталъ заряжать минный аппаратъ. «Кэтъ» опустилась и шла теперь «наперервѣзъ».

Тѣнь неприятельскаго корабля, покачиваясь, скользила по перископному зеркалу и поминутно покрывалась облакомъ съ мелькающими въ немъ иглами выстрѣловъ. «Кэтъ» выпустила мину, но она прошла *у того* за кормой. Наклонясь, закусивъ до крови губу, Андрей Николаевичъ разглядывалъ маленький этотъ тѣневой корабликъ, одинъ снарядъ съ котораго билъ въ неприятельскій бортъ съ силою тридцати миллионъ пудовъ. «Кэтъ» и корабль сближались, тѣнь его занимала половину стола, и вдругъ начала поворачивать...

— Вторую,—крикнулъ Андрей Николаевичъ.

И въ это время на «Кэтъ» рухнулъ ударъ, раздался трескъ, и зеркальный столикъ погасъ. Андрей Николаевичъ, выскочивъ изъ рулевой будки, крикнулъ:

— Перископъ сбить! Полный ходъ впередъ!

Механикъ, ухватившій рычагъ, не оборачиваясь, переспросилъ:

— Куда?

— Впередъ, впередъ, къ чорту!

У мишного аппарата на короточках сидѣлъ Яковлевъ, крикнулъ что-то и выплюнулъ кровью. Андрей Николаевичъ прильнулъ къ стеклу иллюминатора..

За нимъ крутились пѣнные струи. И вотъ, заслоняя свѣтъ, показалось темное, корабельное днище. Оно было не дальше, какъ въ десяти саженьяхъ. Андрей Николаевичъ скомандовалъ: «Стопъ. Пускай вторую мину. Ходъ назадъ, самый полный!» И закрылъ глаза. Это былъ конецъ всему. Какъ жаль, что пришлось упереться въ днище, а силъ хватило бы на большее.

Андрея Николаевича швырнуло въ коридоръ, подняло, ударило въ стѣну и потащило внизъ. Крики и трескъ обшивки покрылись глухимъ грохотомъ падающей воды. Свѣтъ потухъ. «Кэтъ» закрутилась и пошла на дно.

Силой взрыва и воды «Кэтъ» далеко отшвырнуло отъ тонущаго корабля и затянуло на большую глубину. Обшивка дала трещины; текло также сквозь сальники разбитаго перископа. Моторы не работали. Въ общемъ лодка больше походила на поплавокъ, внутри котораго въ темнотѣ стонали и хрипѣли оглушенные, израненные люди. На глубинѣ она пробыла недолго: освобожденная отъ тяжести двухъ мишгъ, медленно всплыла, немного не дошла до поверхности, остановилась и незамѣтно, по мѣрѣ того, какъ наливалась въ нее сквозь пораненія вода, начала тонуть.

Первымъ очнулся Курицынъ, упавшій на половикъ въ пустомъ коридорѣ; осторожно поднялся на четвереньки, прислушался и поползъ въ машинное отдѣленіе, гдѣ, чиркая спичками, отыскалъ механика и сталъ тереть ему уши.

Когда это не помогло, онъ подтащилъ кислородный бакъ и открылъ кранъ прямо ему въ лицо.

Механикъ первымъ дѣломъ ухватился за разбитую колѣбку.

— Ты колѣбку оставь,—сказалъ Курицынъ,—слышь, какъ вода шумитъ. Тонемъ. Машину наладить можно?

— А кто ее знаетъ,—шопотомъ отвѣтилъ механикъ. Тогда Курицынъ зажегъ свѣчу и пустилъ кислородъ изъ всѣхъ резервуаровъ. Отъ живительнаго, какъ говорятъ, воздуха, газа зашевелились матросы; кто лѣзъ изъ темнаго люка, держась за голову, кто силится подняться и опять падать.

Андрея Николаевича нашли въ узкомъ проходѣ, едва вытащили оттуда, но привести въ сознаніе не могли и отнесли на койку, кое-какъ наложивъ повязки на голову и грудь.

Посуетились—было около Яковлева и прикрыли куртками и его, и еще двухъ артиллеристовъ, тоже переставшихъ стонать. Курицынъ поставилъ всѣхъ, кто могъ работать, къ ручнымъ помпамъ. Ими до починки машины можно было бороться только съ поступающей въ трещины водой. Механикъ и двое подручныхъ возникли съ моторомъ, стучали ключами, и всѣ съ тоской прислушивались къ этому лягу.

«Кэтъ» была гдѣ-то недалеко отъ поверхности, но гдѣ,—узнать нельзя, потому что перископъ и указатель разбиты. Отвинтить же люкъ и выглянуть было слишкомъ опасно,—могла хлынуть вода.

Наконецъ, механикъ сказалъ, что надо мѣнять цилиндръ,—хватило бы свѣчей. Курицынъ принялся ругать механика, свѣчные заводы, моторы и того, кто ихъ выдумалъ. Затѣмъ нанустился на команду у насосовъ и приказалъ околѣть, а поднять лодку хоть на аршинъ. Матросы молчали угрюмо. Наконецъ, погасла послѣдняя свѣча. Механикъ плюнулъ, выругался и бросилъ ключъ. Кто-то сказалъ: «Шабашъ, ребята!»—и помпы остановились.

Теперь слышался только мокрый, однообразный, смертельный плескъ воды, падающей на перископный столъ Хриповатымъ голосомъ Курицынъ проговорилъ:

— Идите-ка двое кто за мной, отвинтить надо люк чѣмъ такъ-то маяться.

Двое, кажется, или трое вслѣдъ за нимъ пробралась ощупью въ коридоръ, влѣзли по отвѣсной лѣсенкѣ къ выходному люку и ухватились за скобы. Кто-то сказалъ «Да, пришлось». «Молчи, знай свое дѣло»,—отвѣтилъ Курицынъ. И еще кто-то вздохнулъ: «Водищи-то чай надо нами,—вотъ хлынетъ».

И въ это время наверху раздались стукъ и шаги. Тамъ были люди. Курицынъ скороговоркой сказалъ:

— Маршъ къ кингстонамъ! Выстрѣлю — открывать Лодку сдавать не приказано.

Затѣмъ, держа револьверъ въ зубахъ, нажалъ на скобы, крышка подалась и въ щель хлынули рѣзкій свѣтъ и воздухъ.

— Эй, кто тамъ ходитъ?—спросилъ Курицынъ.—Какіе люди?

— Свои, свои,—отвѣтилъ лѣнивый голосъ.

— О, Господи!

Андрей Николаевичъ, ударившись давеча головой о желѣзную стѣнку, увидѣлъ два снопа зеленоватыхъ искръ. Затѣмъ стало темно и глухо. Но одна искорка осталась въ глазу и понемногу стала разливаться въ немигающій свѣтъ.

Онъ былъ ровный и голубоватый. Андрей Николаевичъ долго созерцалъ его.

Затѣмъ началось беспокойство о томъ, что въ свѣту находится что-то постороннее. Хорошо, если бы оно исчезло и растворилось, но оно не пропадало и было какъ камень...

Онъ уменьшался и свѣтъ, но не доставлялъ уже преж-

ней радости: постороннее мѣшало ему; приходилось удѣлать много вниманія, чтобы узнать, что это такое.

Андрей Николаевичъ сосредоточился и съ удивленіемъ, испугомъ, тоской понялъ, что постороннее это—онъ самъ.

Тогда свѣтъ превратился въ простую синеватую лампочку надъ койкой, а тѣло Андрея Николаевича начало болѣть во многихъ мѣстахъ. Когда же онъ почувствовалъ крутую качку миноносца и стукъ его машины, то попробовалъ повернуться, застоналъ и погрузился въ живую темноту сна.

Такъ началось медленное его возвращеніе къ жизни. «Кэтъ» шла на буксирѣ за миноносцемъ. На кубрикѣ его Курицынъ, растопыривъ пальцы, а въ другой рукѣ держа стаканчикъ, рассказывалъ разинувшимъ ротъ матросамъ про битвы и подвиги; при этомъ старался не хватать и не врать, но это ему удавалось плохо,—слишкомъ крѣпокъ былъ въ стаканчикѣ ромъ, да и кромѣ того давеча командиръ миноносца, капитанъ второго ранга Громобоевъ, лично хлопнулъ Курицына по плечу, нѣкоторое время поминалъ всѣхъ чертей, затѣмъ своихъ и курицына предковъ и сказалъ подъ конецъ самую суть: «Молодецъ! Представляю!»

Съ высокихъ носилокъ, качавшихся на плечахъ четырехъ матросовъ, Андрей Николаевичъ глядѣлъ на свѣжее, синее небо, на черепичные, очень красныя крыши домиковъ, на кудрявые деревца, уходящія въ гору, съ обѣихъ сторонъ чистенькой мостовой.

Большая толпа окружала носилки, но Андрей Николаевичъ видѣлъ только шапки, шляпы и перышки. Курносая, ослабленная рожа поднялась въ уровень его лица, сказала: «живой», и скрылась. Кто-то неподалеку заговорилъ; толпа затихла и вдругъ зашумѣла, точно въ-

терь налетѣлъ, и на грудь Андрея Николаевича упалъ пучокъ бѣлыхъ гвоздикъ. Онъ закрылъ глаза, утомленный теплымъ, точно печенымъ запахомъ земли. «Дорогу, дорогу, дорогу!»—повторяли матросы.

Когда улица, ведущая въ гору, завернула, онъ опять открылъ глаза и, преодолевая подъ повязкой боль, раздвинулъ губы въ улыбку. На ювальномъ, темнѣе неба, залившѣ лежали военные корабли; недалеко отъ схода виднѣлись остатки мачты и разбитый мостикъ *родной* «Кэтъ». Большая толпа въ искоркахъ небеснаго свѣта казалась ярко-черной. Отъ нея ползли въ гору девять носилокъ. И нежаркое, хрустальное солнце дѣлало особенно отчетливыми деревья, домики, людей и корабли въ залившѣ, лежащемъ, какъ зеркало, у подножія городка. Это была уютная старая земля, съ печами и надежными разговорами.

Андрея Николаевича положили въ лазаретѣ въ отдѣльную комнатку, задернувъ на длинномъ и широкоемъ окнѣ бѣлыя занавѣси. Онъ пропускалъ молочный свѣтъ и шевелились отъ вѣтра, а по вечерамъ ложился на нихъ тѣневой переплетъ рамы. Улица—тихая, рѣдко протарахтитъ экипажъ, пройдетъ неспѣшно прохожій. Далеко слышно, какъ вдалькѣ, въ гавани печальный рожекъ играетъ зорю.

Просыпаясь, Андрей Николаевичъ слушалъ эти звуки, отдаленный говоръ, шелестъ листьевъ, умоляющій вальсъ шарманки; сквозь полузакрытыя вѣки глядѣлъ на теплую штору, и пробужденіе кончалось всегда чувствомъ блаженнаго покоя...

Онъ видѣлъ много сновъ: то какую-то усадьбу, съ прудами и подсолнухами, то вѣтряныя мельницы на бугрѣ, то шалашъ караульщика, себя ростомъ въ аршинъ, и кругомъ желтыя, спѣлыя дыни. Разбуженный,—пилъ бульонъ и спѣшилъ вновь закрыть глаза, чтобы подъ звуки и шорохи снова задремать.

Затѣмъ сны перешли въ воспоминанія не близкаго рошлага, а какихъ-то давно забытыхъ маленькихъ слушавъ, получившихъ теперь большое значеніе. И воспоминанія, какъ и сны, были пронизаны голубоватымъ свѣтомъ, отнимавшимъ у вещей грубость и тяжесть; отъ того онѣ становились особенно отчетливыми и значительными. Это было то же чувство, когда онъ глядѣлъ въ носилокъ на городокъ и гавань.

Наконецъ, Андрей Николаевичу позволили сѣсть на остели и въ первый разъ отдернули штору. На той сторонѣ улицы онъ увидалъ два тополя; между ними—одноэтажный домикъ и синюю вывѣску «Табачная лавка». У дверей стоялъ хозяинъ въ коричневомъ жилетѣ, бѣдой человѣкъ, и курилъ трубку. Мимо шла дѣвочка въ косищей, въ веснушкахъ и грызла яблоко, должно быть, кислое, потому что дѣвочка крѣпко жмурилась. Андрей Николаевичъ окликнулъ ее. Она влѣзла вмѣстѣ съ яблокомъ на подоконникъ, раскрыла ротъ, глаза подняла рыжія бровки. Онъ попросилъ сбѣгать въ лавочку купить бумаги и конвертъ.

«Милый, добрый человѣкъ, Татьяна Александровна,—писалъ онъ на слѣдующій день,—теперь начинаю понимать, что я совершилъ кругосвѣтное путешествіе и вновь возвратился къ вамъ. Казалось, я не думалъ о васъ все это время, но вы присутствовали незримо, были со мной и на днѣ моря, и въ битвѣ, и въ послѣднемъ чаяннн; я угадывалъ васъ въ утренней зарѣ и въ закатѣ, и въ веселомъ прыжкѣ дельфина изъ волны въ волну. Во всемъ: и въ жадѣ, и въ тоскѣ о чему-то близкому и утерянному, вы (или, вѣрнѣе, то, что возникло между нами въ липовой аллеѣ, отъ чего, не понявъ, я легкомысленно бѣжалъ въ поискахъ приключеній) указывали мнѣ единственный вѣрный путь,—заглянуть въ себя, измѣрить призрачную, смертельную пустоту одиночества и отказаться отъ себя навсегда; покуда я одинъ,—меня нѣтъ, я —глухой, ослѣп-

шій, безкровный призракъ! Теперь я понимаю: «блаженни
нище духомъ». Но лишь тѣ блаженны, кто вернется
на землю для любви; удивительна земля и чудесно бу
дущее. Милый другъ, я только сейчас начинаю жить
а уже сердце полно невыразимымъ чувствомъ,—какимъ
еще не знаю. Благодарю васъ за доброту и за строгость

ДЛЯ ЧЕГО ИДЕТЬ СНѢГЪ

Кривые переулки Арбата засыпаны снѣгомъ. Без-
думно проѣзжалъ извозчикъ, и толстая дама, сидя на
его санкахъ, прятала въ муфту иззябшій носъ. На бѣломъ
перевѣ каркала ворона, осыпая съ вѣтви снѣжные хлопья.
Снѣгъ лежалъ на тумбахъ, на каменныхъ столбахъ цер-
ковной ограды; проскрипѣлъ подъ сморщенными баш-
маками дѣвочки, пробѣжавшей изъ воротъ въ мелоч-
ную лавку. Два гимназиста, шатаясь по тротуару, тол-
кали другъ друга въ сугробъ. Нѣсколько снѣжныхъ
ухоу крутились у фонаря.

Николай Ивановичъ, засунувъ руки въ глубокіе кар-
маны шубы, медленно шелъ по этимъ мѣстамъ. На но-
гахъ его калошъ прилипло по кучечкѣ снѣга. Одна
въ мухъ сѣла на шею и щекотной каплей потекла за
ротникъ. Ширкь - ширкь - ширкь, — мела метла за
глазомъ. Неяркое небо, задернутое ровной пеленой об-
лаковъ, мягко свѣтилось надъ переулкомъ.

«Ну, вотъ зима, ну, снѣгъ, ну, я иду, а вонъ собака!
Иду, тихо, убого, — думалъ Николай Ивановичъ. —
Самобытное и единственное, что здѣсь только и воз-
можно дѣлать, — забраться на лежанку и задремать, слу-
шая, какъ мурлычетъ котъ».

Николай Ивановичъ возвращался изъ кофейни, гдѣ
проводилъ ежедневно по часу; рассматривая журналы,
попивая кофе съ лимончикомъ, иногда зѣвая до слезъ.

Ничего дѣльнаго изъ насъ никогда выйти не можетъ. Снѣгъ, да шубы, да лѣнь, да праздныя фантази. А вѣдь сейчасъ гдѣ-нибудь идетъ пароходъ. Двѣ прозрачныя волны разлетаются передъ его носомъ. Вода и небо. И вдалекѣ виденъ берегъ Австрали. Какая страна!

Въ воображеніи Николая Ивановича перевернулась страница иллюстрированного журнала и представился городъ, лежащій амфитеатромъ по краямъ извилистой залитой солнцемъ, лагуны. Высокія зданія, колоннады надъ колоннадами, висячіе сады, арки, площади и мосты наполнены прекрасной толпой австралийцевъ. Какія лица! Какая жизнь!

— Бумъ,—ударилъ колоколь у Николя на Курьихъ Ножкахъ. Передъ калошами Николая Ивановича появились сѣрые ботики. Онъ задержался и поднялъ глаза. Передъ нимъ стояла, улыбаясь, Марья Кириловна. Отъ снѣга ея глаза казались совсѣмъ зелеными. На ней были коричневая шапочка и вуаль. На плечахъ, на бархатѣ лежали снѣжные мухи.

Она вынула изъ муфты руку, обтянутую бѣлой перчаткой, и крѣпко поздоровалась. Они сказали другъ другу:

— Куда идете?

— Да такъ, шляюсь, за дѣло не могу приняться.

— Опять все та же «теорія федерализма»,—проговорила она съ трудомъ и глаза ея усмѣхнулись лукаво.

— Да, завязъ. А вы куда?

— Я тоже гуляю.

— Такъ пойдемте вмѣстѣ.

Они перешли улицу. У Маріи Кирилловны шагъ былъ гораздо меньше; Николай Ивановичъ наконецъ попалъ ей въ ногу и спросилъ, думаетъ ли она остаться въ Москвѣ на праздники.

— Нѣтъ, не придется. Дней черезъ десять уѣзжаю,—отвѣтила она озабоченно, а углы ея рта, задрожавъ, чуть приподнялись презрительно.—Вчера получила письмо отъ мужа, очень тяжелое.

Она посмотрѣла прямо и ясно. Николай Ивановичъ насушился. Ему вдругъ захотѣлось рассказать о себѣ, какъ ему вообще дрянно.

— Ни я, и шкто до сихъ поръ не понимаетъ, зачѣмъ вамъ понадобилось выйти замужъ за доктора изъ Харькова,—проговорилъ онъ съ раздраженіемъ.—Можетъ-быть, онъ и распрекрасный, но почему—докторъ? Вы съ такимъ же успѣхомъ могли выйти за кого угодно.

Она подумала и отвѣтила спокойно:

— Онъ—хорошій человѣкъ, умный и дѣльный. Много читаетъ. Но въ немъ нѣтъ мѣста, гдѣ можно пріютиться. Хотя почему онъ обязанъ быть такимъ, какъ я хочу? Мнѣ его бываетъ иногда очень жаль. Когда начинаются усиленные разговоры и выясненія отношеній, я уѣзжаю сюда, къ мамѣ. Послѣ разлуки живемъ тихо и уступаемъ другъ другу. Онъ любитъ меня по-своему, иначе не умѣетъ.

Она моргнула нѣсколько разъ, скользнувъ рѣсницами по вуали, и отвернулась. Войлочные ботики ея ровно постукивали, поскрипывали по снѣгу. Профиль—нѣжный и тонкій, чуть-чуть заносчиво приподнятый уголокъ рта, глазки и зубки какаго-то звѣрька на ея шляпѣ, завитокъ русыхъ волосъ,—завитокъ ни въ чемъ не виноватый и трогательный, точно дѣтскій голосъ,—никакъ не вязались съ представленіемъ объ ея мужѣ, угрюмомъ докторѣ, огромнаго роста волосатомъ человѣкѣ.

— Вообще, докторъ не имѣлъ права на васъ жениться,—сказалъ Николай Ивановичъ.—Послѣ вашего отъѣзда въ Москвѣ стало пусто и скучно, точно вдругъ всѣ во всемъ разочаровались. Угѣшается же одинъ только докторъ. Но, оказывается, и ему не легче,—это уже совсѣмъ глупо.

Они вышли на площадь. Въ неясномъ свѣтѣ вечера висѣли опаловые фонари. Со звономъ скреживались трамваи. Надъ сугробами темнѣлъ безформенной глыбой

носатый Гоголь. За его спиной серебряная аллея уходит в голубоватый сумрак.

— Миѣ нальво, прощайте, заходите какъ-нибудь въ подѣзд, — проговорила Марья Кирилловна.

Онъ со внезапной скукой поглядѣлъ подъ ноги на изъѣженный снѣгъ. Представилось: проститься, побрести домой, читать или опять думать объ Австраліи, — бездельно. Николай Ивановичъ вздохнулъ, подалъ руку, проговорилъ:

— Ну, прощайте.

И они, какъ обычно, простясь, пошли рядомъ.

На углу, у освѣщеннаго подѣзда театра, Марья Кирилловна вдругъ сказала съ усмѣшкой:

— Зайдемте.

Они вошли въ высокую залу театра и сѣли въ театральные кресла. Передъ ними о скалистый берегъ плескалась большая волна, издавая звуки вальса. Вдругъ вальс перекатился въ легкую польку, появился поѣздъ и звуки замораживающихъ звукахъ унесся на ледники. А музыка утихла, и вотъ длинная полупрозрачная голубоватая дюза заскользила между покосившихся свай вдоль ветхого фасада. Николай Ивановичъ проговорилъ:

— Я, помню, весной возвращался отъ васъ. Вы тогда еще ходили въ гимназическомъ платьѣ. Я воображалъ, какъ мы поѣдемъ на лодкѣ. Почему-то дальше лодка пошла камышей и стрекозъ воображеніе не смѣло залетать. Онъ нѣсколько разъ повернулся въ креслѣ, снялъ шляпу, когда же его плечо нечаянно коснулось ея плеча, онъ вдругъ застылъ и продолжалъ уже совсѣмъ тихо: — Ты какое чувство, будто меня прикрыли колпакомъ, и не знаю, а то, что выше меня, какая-то давнишняя радость дышится, сохнетъ, отмерла. Миѣ скучно и душно, сухое. Точно я — старый сморчокъ въ двадцать девять лѣтъ. Я не могу жить одинъ. Вы меня точно изъ лейки вливали множку полили. Спасибо и за это.

Марья Кирилловна ласково и внимательно оглядѣла

его лицо. Подъ яростный трескъ галопа Глупышкинъ пелетывалъ на велосипедѣ отъ разъяренныхъ торговцевъ въ фаянсовой посуде.

— А еще труднѣе, когда слишкомъ много неотданной красной нѣжности, — проговорила Марья Кирилловна. После «Ловли сардинъ въ Норвегіи» она прибавила:

— Хорошо, когда тоскуешь по человѣкѣ, когда по нему тоскують. Тогда хорошо.

Больше они не сказали ни слова. Скакали ковбойскими рояли была гроза и выстрѣлы. Горѣла желѣзнодорожная будка. Николай Ивановичъ отвезъ Марью Кирилловну домой. Въ подѣздѣ осторожно поцѣловалъ ей руку и вернулся къ себѣ.

Николай Ивановичъ проснулся поздно въ маленькой комнатѣ. На зеленыхъ обояхъ лежалъ снѣжный свѣтъ. Онъ медленно падалъ за трехстворчатымъ окномъ.

Курица папироску. Николай Ивановичъ вспоминалъ вчерашнее. Воспоминаній было много, и еще больше разбѣжавшихся отъ нихъ невеселыхъ мыслей. Пришлось выкурить пять папиросъ, и только тогда, морщась и стараясь глядѣть въ зеркало, онъ одѣлся, выпилъ кофе и подошелъ въ кабинетикъ къ письменному столу.

Книги, рукописи, начатые листы, окурки и пепельница завалили весь столъ. Страшно было подѣсть, — не только работать въ такомъ хаосѣ. Николай Ивановичъ пригнулся читать газету. Въ 3 часа звонили по телефону. Въ 4 часа онъ раскрылъ, наконецъ, томъ исторіи федерализма. Въ половинѣ пятаго пришлось лѣзть въ трамвай, ехать на Петровку обѣдать. Остатокъ дня прошелъ какъ всегда, — никакъ. Въ 11 часовъ на Тверской къ нему привязалась бабища съ такимъ количествомъ перьевъ на головѣ, что стоявшій у тротуара лихачъ прохрипѣлъ: «Смотри, тетка, не улети!» Отъ бабищи Николай Ива-

нович спасся по Леонтьевскому переулку. Вернулся домой и легъ спать. Второй и третій день прошли точно такъ же, безъ измѣненій.

Наконецъ, поутру, Николай Ивановичъ поглядѣлъ на тощія свои ноги, и у него сильно защебетало въ горлѣ; пришлось выпить воды; онъ одѣлся тщательно, походилъ по кабинету, беря въ руки то газету, то разръзной ножъ, затѣмъ съ отвращеніемъ швырнулъ томомъ федерализма въ кучу мусора на столѣ и повернулся къ окну.

Все такъ же мягко опускался съ неба на землю крупный снѣгъ. Но только въ сумерки Николай Ивановичъ рѣшился пойти на Молчановку и позвонить въ третьемъ этажѣ налѣво. Отворившая горничная сказала шопотомъ:

— Марья Кирилловна очень больна, къ нимъ нельзя.

Николай Ивановичъ потеръ лобъ, потомъ выгасилъ изъ жилета и далъ горничной полтинникъ, спросилъ, можно ли оставить записку. Но записки не написалъ, еще потеръ лобъ и вышелъ.

Стало ясно, на улицѣ дѣлать нечего, у себя дома сидѣть невозможно и уже совсѣмъ бессмысленно пойти къ другу или въ театръ. Онъ перешелъ улицу, сѣлъ на сугробъ и принялся глядѣть на тускло освѣщенное окно въ третьемъ этажѣ. Проходили прохожіе, то молча, то съ говоркомъ. У Николя на Курьихъ Ножкахъ благовѣстили къ вечернѣ.

Пять вечеровъ подъ рядъ Николай Ивановичъ заходитъ на Молчановку справляться о здоровьѣ и все это время думалъ о томъ, что четвертое измѣненіе—не чепуха: дни точно остановились, расплзлись темнымъ облакомъ; все прошлое, даже книги на столѣ, было какъ пыль, какъ камни. Только гдѣ-то подъ ложечкой все время билась жилка скорбно и съ тревогой.

На шестой вечеръ его впустили въ просторную комнату, съ завѣшанными окнами. Онъ увидѣлъ синій абжуръ, спинку корельскаго дивана, клятчатый пледъ, нѣ-

сколько подушекъ и на нихъ кусокъ щеки Марьи Кирилловны, носъ и большой ласковый глазъ. Все остальное было покрыто фланелевымъ платкомъ.

Она выпростала изъ-подъ плѣда горячую руку, Николай Ивановичъ наклонился надъ ней низко, поцѣловалъ и сѣлъ на стулъ.

— Спасибо, что заходили,—сказала Марья Кирилловна,—у меня была инфлуэнца и перекинулась на ухо. Думали придется рѣзать, вотъ была бы исторія!

Онъ откашлялся, но ничего не сказалъ. Она спросила, не хочетъ ли онъ чая со сладкимъ пирогомъ, и попросила позвонить. Принесли на подносѣ стаканъ холоднаго, жидкаго чаю и кусочекъ пирога, надгрызанный зубами. Съ волненіемъ, глядя на пирогъ, онъ проговорилъ:

— У васъ такъ хорошо здѣсь, уютно, тепло.

— Ахъ, у насъ ужасный беспорядокъ всѣ эти дни,—отвѣтила Марья Кирилловна.—Зато я досыта надумалась во время болѣзни. Всего лучше думать, когда хворашь. Только нужно рѣшить впередъ, что помрешь, рѣшить не совсѣмъ по-настоящему, а такъ,—загрустить, что вотъ умрешь, какъ жалко... Тогда все прошлое начнетъ представляться безъ страстей и обидъ. Переберешь всѣ мелочи, давно забытыя.

Она закрыла глазъ. Въ тишинѣ комнаты, въ углу подъ шкафомъ, царапалась мышь.

— Я многое рѣшила. Не уѣзжать никогда больше отъ доктора, потомъ звать его не докторомъ, а Михаиломъ Николаевичемъ. Онъ говоритъ, что на любовь нужно смотрѣть просто; когда я теперь уѣзжала,—даже назвала ее функція. Я обидѣлась: ахъ, если только функція,—могу и совсѣмъ къ вамъ не пріѣзжать! Но мало ли что говорится со зла. Онъ правъ. Должно-быть, я просто не умѣю любить и порчу ему жизнь. А то, что меня переполняетъ, не знаю,—все это отъ бездѣлья и скуки.

Николай Иванович завертѣлся, потеръ переносицу и сказалъ:

— Такъ все-таки нельзя.

Должно-быть она улыбулась подъ платкомъ: сморщился носъ, и глазъ сталъ длиннымъ.

— Вчера вечеромъ наверху играли на рояли. Я дремала, и было такъ сладко, точно я полетѣла отъ земли. И вдругъ слышу звукъ,—однообразный, тонкій, звенящій. Онъ наполнилъ меня, и все во мнѣ зазвенѣло, задрожало этимъ звукомъ, и все пространство было какъ звукъ. И показалось: умираю, люблю, жажду того, что вотъ-вотъ раскроется, распадется ослѣпительнымъ свѣтомъ. Что это? А проснулась, думаю: Михаилъ Николаевичъ одинъ и терзается. Онъ—чуждакъ и несчастный и пусть ничего не понимаетъ. Нельзя такъ—изъ-за какого-то звука совѣмъ его огорчить.

Она повернулась на бокъ, положила ладонь подъ щеку. И точно весь воздухъ въ комнатѣ, пахнувшій лѣкарствомъ, сталъ яснымъ, спокойнымъ и ласково-грустнымъ.

Изъ-за шкафа выбѣжалъ мышенокъ. Онъ былъ хромъ и не спѣша, словно ручной, закружился по паркету. Марья Кирилловна сказала:

— Дайте ему пирога.

Николай Ивановичъ бросилъ на полъ кусочекъ. Мышенокъ подпрыгнулъ, закрутился, припалъ и принялся грызть пирогъ, держа его въ лапахъ.

Марья Кирилловна засмѣялась негромко:

— Говорятъ, есть примѣта: хорошій человекъ, если его мышцы не боются.

И совѣмъ прикрыла лицо фланелевымъ платкомъ.

— Сегодня встала послѣ обѣда, брожу какъ муха,—говорила она Николаю Ивановичу, сидя съ поджатыми ногами въ столовой въ углу турецкаго дивана. Грудь ея и шея были повязаны пуховой косынкой. Свѣтлые и

легкіе волосы прибраны заботливо. Разговаривая, она поднимала руку и поправляла гребенку. И рука ея, и похудѣвшее лицо казались прозрачными, а мягкое, темное платье—слишкомъ свободнымъ.

Николай Ивановичъ сидѣлъ, положивъ ногу на ногу, локоть—на столъ.

Передъ носомъ изъ стакана поднимался чайный дымокъ. Тикали часы, потрескивали угольки въ самоварѣ. Матушка Марья Кирилловны за стѣной перелистывала толстый журналъ, гремѣла стуломъ.

— Въ прошломъ году здѣсь была старая мебель. На стѣнѣ висѣли куропатки вверхъ ногами,—сказала Марья Кирилловна, улыбаясь.—Къ моему прїѣзду мама купила новый буфетъ, а вмѣсто куропатокъ, видите, повѣсила Пушкина и Толстого.

Николаю Ивановичу стало казаться, что точно послѣ долгихъ скитаній онъ добрался, наконецъ, до этого стула и сѣлъ навсегда, чтобы глядѣть на милое, улыбающееся, грустное лицо. Вотъ у нея дрогнула верхняя губа, приподнялась забавно, и Марья Кирилловна проговорила:

— Я думала о вчерашнемъ. Вы правы. Я начну много читать. Прочту Канта.

Она вздохнула и поправила гребенку.

— Фихте, Гегеля. Предположимъ, я пойму, даже усвою. На это уйдетъ лѣтъ десять. Михаилу Николаевичу будетъ пятьдесятъ, мнѣ—тридцать шесть. Вотъ и хорошо.

Она подняла брови. За стѣной опять громыхнула стулъ. У Николая Ивановича защекотало въ горлѣ.

— По-вашему, такъ: вы мучаете себя, мучаете доктора,—отвѣтилъ онъ, вертя ложку,—жить здѣсь одной тоже нельзя—ни къ чему; выходитъ одно: итти въ монастырь.

— Любовь, не отданная людямъ, не нужна Богу,—сказала Марья Кирилловна.

— Тогда знаете, что нужно?

— Знаю...

Николай Иванович поднялся и начал ходить вдоль стѣны. Наконецъ, онъ взглянулъ на Марью Кирилловну. Она сидѣла, крѣпко зажмуривъ глаза, прижавъ щеку къ диванной подушкѣ. Губы ея вздрагивали:

— Уйдите, Николай Ивановичъ. Приходите завтра. О томъ, что невозможно, говорить не будемъ.

Онъ задѣлъ по пути стулъ, толкнулся о буфетъ и вышелъ. Голова горѣла, ноги никакъ не могли попасть въ калоши. На улицѣ онъ снялъ шапку, распахнулъ шубу, и на лицо ему падалъ нѣжный, щекотный снѣгъ.

Николаю Ивановичу внезапно открылось, что въ квартирѣ его на Сивцевомъ-Вражкѣ—хаосъ и мусорная яма. Посвистывая все это утро онъ прибиралъ углы, чистилъ обивку старенькихъ креселъ, нашелъ за комодомъ папку съ гравюрами и приладилъ ихъ по стѣнамъ. Подобный приливъ чистоплотности былъ не безъ умысла, конечно. Туда, гдѣ солнце въ одномъ углу падало на синіе обои, Николай Ивановичъ придвинулъ столикъ, сбѣгалъ въ цвѣточную лавку за вѣткой рябины, поставилъ ее на свѣту, въ вазѣ на столикѣ, отошелъ, прищурился и сразу стало грустно.

Въ кабинетикѣ былъ пушій заваль. Прибирая бумаги, Николай Ивановичъ разорвалъ нѣсколько карточекъ и пачку писемъ. Поспѣшно сталъ выдвигать ящики, отыскалъ, наконецъ, дамскую гребенку, усыпанную стекляшками, отнесъ на кухню и сунулъ въ ведро. Книжки, рукописи лежали горой. Онъ сбросилъ ихъ просто на полъ и, утомясь, сѣлъ на подоконникъ, теплый отъ чугунной батареи, и задумался.

Не только вещи были покрыты пылью и представляли неживой хламъ; вещи и книги—дишь покорные слуги; каковъ хозяинъ, таковы и они. А вотъ не заняться ли

начала приборкой самого себя? Онъ закурилъ папироску, закинулъ голову и глубже задумался.

Какъ прошли эти два года на Сивцевомъ-Вражкѣ? Конченъ университетъ, а затѣмъ что сдѣлано хорошаго? Любилъ? Нѣтъ. Работалъ? Нѣтъ. Вообще, какъ проводилъ дни? Никакъ,—покуривалъ и прочее.

Николай Ивановичъ слѣзъ съ подоконника и зашагалъ по тремъ комнаткамъ, размахивая рукой и бормоча. Точно вода хлынула на него суровыя мысли. «Гнусно!»—крикнулъ онъ.

Въ это время швейцаръ позвонилъ снизу, потребовалъ телефонную. Николай Ивановичъ сбѣжалъ въ подъездъ и вошелъ въ будку, засаленную плечами, исписанную цифрами; подъ лампочкой была надпись мѣломъ: «Нюра, обожаю».

Говорила Марья Кирилловна. Ея голосъ немного дрезжалъ въ телефонъ и казался отъ этого еще слабѣе. Она спросила, что онъ дѣлаетъ, придетъ ли сегодня, сказала, что овладѣла уже вчерашнимъ настроеніемъ и больше не груститъ.

— Марья Кирилловна, спасибо вамъ,—заговорилъ онъ, уткнувшись лбомъ въ уголокъ будки,—дѣло въ томъ, что я долженъ васъ предупредить: вы, кажется, хорошо ко мнѣ относитесь. Я—маленькій и ничтожный человекъ. Подождите! Я долженъ до конца. Я вамъ болталъ о томъ, какъ жить, и вы даже внимательно слушали. Какой ужасъ! Я не рассказывалъ вамъ раньше о себѣ, потому что только сейчасъ почувствовалъ: во мнѣ даже просвѣта нѣтъ на что-нибудь человѣческое. Я не понимаю, чтѣ плохо и чтѣ хорошо. Недавно, напимѣръ, напился пьяный и подрался въ кабакѣ и потомъ даже забылъ объ этомъ. Я не помню по именамъ женщинъ, которыя у меня бывали. Я не любилъ ни людей, ни родины, ни своего дѣла. Я жилъ какъ во снѣ, не зная—зачѣмъ. Если пришлось, могъ бы украсть и убить. Подождите,—не вру, все это вѣрно...

И онъ продолжалъ каяться въ томъ, что было и чего не было, что представлялось только возможнымъ... Марья Кирилловна долго молчала.

— Все?—спросила она.

— Не знаю, больше не могу.

— Вотъ то, что вы *сказали* объ этомъ,—голосъ ея былъ странный и прерывающійся,—если положить это на одну чашку вѣсовъ, а на другую всѣ грѣхи... Онъ взлетать наверхъ.

— Что, что?—переспросилъ онъ въ крайнемъ волненіи.

— Вы подошли ко мнѣ беззащитный. Что же я могу сдѣлать, какъ не полюбить васъ за это...

Дальше не было слышно. Николай Ивановичъ зажмурился и вдругъ глухо залаялъ въ трубку, перегибаясь отъ боли, ласки, освобожденія...

— Бѣдный, родной...—услышалъ онъ еще легкій шепотъ...

Нѣкоторое время Николай Ивановичъ тыркался у себя по комнатѣ, не соображая, что дѣлаетъ; хваталъ предметы и бросалъ ихъ; затѣмъ въ ванной открылъ кранъ и окатилъ лицо и голову, и только тогда сообразилъ, что нужно одѣться, привести себя въ порядокъ. Черезъ полчаса онъ звонилъ на Молчановкѣ.

Марья Кирилловна сама открыла ему. Лицо ея было серьезно, глаза сияли.

— Садитесь на сундукъ,—сказала она, и, заперевъ дверь, продолжала укладывать маленькій чемоданъ въ прихожей, на столикѣ подъ зеркаломъ.

— Не нужно ни о чемъ говорить, да вы и сами понимаете. Я уѣзжаю.

— Въ Харьковъ?

— Ну, конечно, куда же еще.

— Навсегда?

— Нѣтъ, нѣтъ, теперь уже не навсегда.

Она тряхнула головой; скользнувъ, изъ волосъ ея упала гребенка. Тогда радость, трепетъ и свѣтъ наполнили Николая Ивановича. Онъ откинулся на сундукъ на висящія на вѣшалкѣ шубы, закрылъ глаза и сказалъ:

— Я понимаю одно,—все чудесно.

Она же надѣла шубку, сунула ему въ руки чемоданъ; они сбѣжали внизъ и сѣли на извозчика.

Санки безшумно заскользили по переулкамъ, узкимъ отъ сугробовъ. Зеленоватые лучи фонарей и желтый свѣтъ изъ оконъ озарили мягкую ихъ пелену. Вверхъ съ крыши на крышу крутила вьюга. Валилъ частый, крупный снѣгъ.

— Мы съ вами пустились въ путь, въ бѣлую чистую дорожку,—сказала Марья Кирилловна.

Они вылетѣли на бульвары. Деревья стояли пушистыми и бѣлыми, между стволовъ скользили фигуры.

— Я васъ люблю. Я все люблю. Я никогда не видалъ такой зимы,—говорилъ Николай Ивановичъ.

Она спjala варежку, нагнувшись, захватила съ мелькнувшаго мимо сугроба снѣга въ ладонь, откинула вуаль, откусила хрустящаго снѣга и дала Николаю Ивановичу съѣсть, потомъ, легко вздохнувъ, сказала:

— Вотъ мы и повѣнчались!

На вокзалѣ, глядя черезъ стекло вагона на милое, вдругъ ставшее невыразимо-печальнымъ лицо, Николай Ивановичъ на мгновеніе почувствовалъ острую боль и слабость.

«Что это? Вѣрно ли это все? Развѣ такъ нужно любить?»—подумалъ онъ, а за стекломъ Марья Кирилловна подняла палецъ и погрозила.

Тронулись окна. Онъ добѣжалъ и еще разъ увидѣлъ за стекломъ ея глаза, лицо подъ вуалькой, шапочку... Поѣздъ надалъ и отъ него остался хвостъ, свѣтящій двумя огнями, много видавшими въ пути. Николай Ивановичъ вышелъ на площадь. Было тихо и все

падать снѣгъ, устилая ровный, бѣлый путь. Мимоѣзжіи извозчикъ, засыпанный вмѣстѣ съ бородой пушистыми хлопьями, подивился, когда баринъ въ шубѣ крикнулъ ему, проходя:

— Вотъ такъ зима, братъ, проѣзжай, проѣзжай съ Богомъ.

И одинокая фигура Николая Ивановича долго еще маячила въ глубинѣ улицы, пока его не закрылъ трамвай.

Р О Ж Ь

Дорогой Н. В., церковку при селѣ Кожухи отыскалъ и фрески видѣлъ. Онѣ не Богъ знаетъ какого письма, и, пожалуй, не стоило бы о нихъ подробно рассказывать, но вамъ непременно нужна моя статья, такъ вотъ она,— и |ужь не пеняйте.

Изъ Петрограда я выѣхалъ 17-го іюня въ прескверномъ настроеніи. Милый другъ, я люблю искусство съ отчаяніемъ, какъ любятъ, должно-быть, эскимосы скупое свое солнце. Голова моя была набита высшими соображеніями (Вы помните нашъ послѣдній разговоръ о вырожденіи искусства, о растущемъ противорѣчьи его съ современностью и о скоромъ концѣ, — «торжествѣ Смердякова»). Словомъ, въ вагонъ я сѣлъ очень озабоченнымъ, и телеграфные столбы, будки и стрѣлочники, толпа на маленькихъ станціяхъ, похрапывающій сосѣдъ и |унылая дама съ кульками и подслѣповатой собачонкой казались мнѣ, вообще, допустимыми съ большой натяжкой.

Съ сосѣдами я не разговаривалъ, выходя въ буфетъ толкался, морщился отъ фразъ, отъ запаховъ, отъ самага вида обывательскихъ физиономій. Послѣ зны, насыщенной бесѣдами, борьбой кружковъ, затесаться въ толпу, которая не помнитъ ни строчки Пушкина и пожираетъ пирожки,—тяжко! Я понялъ Петронія, и всю дорогу проспалъ, закрывъ лицо носовымъ платкомъ.

Такимъ я и прѣхалъ въ Кожухи. Но что изъ этого вышло?

Отъ станціи до села повезъ меня мужичокъ, который оказался настолькоъ глупъ, что на вопросъ о старикѣ принялся разсказывать про какую-то бабушку Аксинью, будто бы заставшую еще французовъ и умершую въ прошломъ году, упавъ съ печки.

Кожухи—живописное мѣстечко. Надъ рѣкой, на обрывѣ, стоитъ старинный барскій домъ съ колоннами; на другой сторонѣ—бѣлая церковка и село. Крыша на дому—красная, окна наверху заколочены, штукатурка обвалилась мѣстами. Садъ заросъ бурьяномъ. Проѣзжая по мосту, я видѣлъ, какъ изъ крыжовника выскочилъ телепнокъ и за нимъ дѣвушка, въ ситцевомъ платьѣ—горошкомъ, съ хворостиной въ рукѣ.

«Я тебѣ задамъ!»—крикнула она сердито. Ямщикъ сказалъ, что это—здѣшняя барышня; живетъ одна, сиротски, и сама хозяйничаетъ.

Церковь,—«Божья Матерь утѣли моя печали»,—шатровая, съ пятью синими луковками и тоже облупленная, стоитъ за селомъ на лугу; нѣтъ кругомъ ни ограды, ни построекъ, только нѣсколько высокихъ березъ, могильные холмики, да лежащія пестрыя коровы, да мальчишка съ задранными колѣнками на бугрѣ. День знойный, снѣговое облако въ вышинѣ, и чуть трепещутъ листья березъ.

Церковь оказалась запертой. Я спросилъ, у кого ключъ и кто можетъ показать мнѣ фрески и архивы.

— Ключъ-та, гдѣ же ключъ,—сказалъ ямщикъ, и поскребъ ногтемъ подъ мѣховой шапкой,—надо быть, у дьячка.

— А гдѣ дьячокъ?

— А кто его знаетъ.

Онъ сидѣлъ бочкомъ на козлахъ; лошадь отгоняла хвостомъ оводовъ; летали стрижи надъ куполами. Я

разсердился и потребовалъ, чтобы немедленно везли меня къ дьячку.

— Слышь ты, ей, Степка!—вдругъ обиженнымъ голосомъ закричалъ ямщикъ:—Филимоныча видѣлъ? Ась?

Но Степка на бугрѣ даже не повернулся. Пестрая корова поглядѣла на насъ печально и, мотнувъ на слѣпня мордой, снова задремала.

— Надо быть, Филимонычъ чай пьетъ съ учителемъ,—сказалъ ямщикъ.—Развѣ туда подѣхать?

Четырехоконный ветхій домикъ, съ поломанными украшениями и деревянными столбиками, бывшій когда-то «Мошлезипромъ» и перенесенный на край села изъ сада, стоялъ у самой ржи — это и была школа.

Желтѣющая высокая рожь наццалась прямо отъ школьнаго плетня и залегла на много верстъ.

Въ палисадникѣ за непокрытымъ столомъ пили чай съ вишней учитель Соломинъ и Филимонычъ, старый дьячокъ, въ выцвѣтшемъ подрясникѣ и безъ шляпы, для полного благодущія.

И я, мой дорогой другъ, вмѣсто того, чтобы показать визитную карточку и, не теряя времени, потребовать ключъ и перенестись въ XV столѣтіе, попалъ на это чаепитіе третьимъ собесѣдникомъ.

По ржи ходили медленныя зеленыя волны, надъ ними гдѣли знакомыя пѣсни пехитрые жаворонки. При видѣ меня Филимонычъ принялся кланяться, и остроносое, красное личико его изобразило величайшее умиленіе.

Учитель всталъ и заложилъ руку за кожаный поясъ. На столѣ стояли корзина съ вишней и чашка, гдѣ въ топленомъ молокѣ плавали муха и ложка. Изъ самовара шель дымокъ. Пока я представлялся и объяснял цѣль прѣзда, явилась мохноногая курица и тоже глядѣла на меня съ любопытствомъ и готовностью.

Учитель, извиняясь почему-то, что нѣтъ никакихъ консервовъ, предложилъ мнѣ чаю. Филимонычъ нахлобу-

чиль остатки соломенной шляпы на помазанные масломъ рѣдкіе волосы и прихрамывая побѣжалъ за ключомъ.

— Не угодно ли вишни, хотя еще кисла на вкусъ,— сказалъ учитель, отодвигая отъ себя развернутый толстый журналъ.— Значитъ, вы изъ самой столицы? Очень пріятно. Говорятъ, хорошія фрески въ нашей церкви. Хотя я мало въ нихъ понимаю.

Тогда я сталъ рассказывать о церковной живописи, о старинѣ, о томъ, что если бы не эти остатки красоты, то хоть бѣги изъ Россіи,— страны варварской, темной и унылой. Честное слово, я говорилъ съ увлеченіемъ. Учитель сочувственно мнѣ кивалъ.

Онъ былъ въ рубашкѣ, свѣтловолосый юноша, съ суровымъ очертаніемъ лба, прямыхъ бровей и мечтательно-холодныхъ глазъ, тогда какъ губы и едва опущенный подбородокъ казались женственными. На такія лица безъ волненія я не могу глядѣть. Въ ихъ двойственности чувствуется постоянная возможность выпышки и преображенія.

— Вамъ, я думаю, странно видѣть наше убожество,— сказалъ онъ, показывая на плетень, гдѣ ижицей висѣли штаны изъ чертовой кожи да на колу торчалъ продранный валенокъ на страхъ воробьямъ,— все-таки живемъ, какъ видите; я только вотъ о чемъ хотѣлъ васъ спросить,— онъ положилъ большую руку на журналъ,— какъ у васъ тамъ въ столицѣ, совсѣмъ ужъ, значитъ, рѣшили покончить съ нашимъ братомъ?

— Съ какимъ это нашимъ братомъ?— спросилъ я, насторожась, потому что лицо его съ опущенными глазами надменно усмѣхнулось.

— А такъ, съ мелкотой, въ родѣ меня да Филимоныча,— съ обывателями. Я къ тому хотѣлъ васъ спросить, что я-то и есть настоящій читатель, про кого пишутъ и для кого пишутъ; вѣдь у васъ не сами же для себя сочиняютъ романы, а для насъ; для нашего душевнаго комфорта въ худшемъ случаѣ, правда? Такъ вотъ одинъ

здѣсь пишетъ: самъ ты—звѣрь, жена твоя—самка, а любовь—инстинктъ. Скажемъ, я погрузилъ надъ такимъ моимъ опредѣленіемъ и согласился. Теперь другой рѣжетъ напрямки: все равно ни до чего хорошаго не доживешь, пускай пулю въ лобъ, и тутъ же статья о кооперативахъ. Конечно, и читать ее ужъ не стану. А третій косвенно для унынія скуку напускаетъ,— дышать нельзя. Помилуйте, думаю, мнѣ и безъ того жить мудрено, для чего же еще мордовать! Или ужъ дѣйствительно мы читатели—въ дикомъ состояніи, или у васъ въ столицѣ стало тѣсно.— Онъ вдругъ весело взглянулъ на меня.— Вотъ вы стариной занимаетесь, журналъ вашъ хорошій, старина— вещь прекрасная и полезная, и все же иногда обидно становится: неужели я не болѣе какъ случайное явленіе, въ родѣ мухи, ничего не стою? Подумаешь такъ, поглядишь на рожа, да и закинешь книжку черезъ заборъ. Вотъ какіе здѣсь варвары живутъ.

Пуская дымокъ, онъ облокотился, и лицо его, вначалѣ неподвижное, затѣмъ насмѣшливое, стало теперь задумчивымъ, освѣтилось нѣжностью.

Честное слово, дорогой другъ, я былъ сбить съ толку и не понималъ, почему учитель Соломинъ съ такой увѣренностью рѣшилъ закинуть меня черезъ заборъ.

Со стороны усадьбы, по межѣ, неспѣшно двигалась женская фигура; вѣтеръ отдувалъ конецъ легкаго шарфа на ея плечахъ. Изъ-за плетня появился Филимонычъ, вытирая коричневымъ платкомъ потъ. Въ кулакѣ онъ держалъ огромный ржавый ключъ отъ церкви; повалился на стулъ и сказалъ:

— Охъ, Солома, надуди стакашку. Извините, у меня вся гортань пересохла,— и, отхлебнувъ чаю, подмигнулъ узкимъ глазкомъ на учителя:

— Онъ у насъ— философъ. Вы съ нимъ поговорите. Козерогъ. Онъ меня забралъ. Вотъ въ газетѣ бы надо о немъ черкнуть, что, молъ, въ Кожухахъ, такой рога-тый человѣкъ живетъ...

— Перестань, — сказала Соломинь и поднялся навстрѣчу подходящей дѣвушкѣ, въ которой я сейчас же узналъ давешнюю барышню, разсердившуюся на теленка. Она была очень тонкая и высокая, чуть пониже учителя, и, подходя, глядѣла на него внимательно, почти строго. Пепельные ея непокрытые волосы завязаны на затылкѣ большимъ узломъ, лицо загорѣлое, овальное, милое и сердитыя губы.

— Когда это кончится, теперь вы ужъ стащили грабли, — сказала она дрогнувшимъ, негромкимъ голосомъ.

Учитель стоялъ спиной ко мнѣ, тщетно стараясь засунуть ногу между прутьями плетня.

— Честное слово, Вѣра Ивановна, мнѣ они были нужны. Я принесу...

Плечи надъ ея ситцевымъ платьемъ поднялись и опустились, она поглядѣла въ мою сторону и нахмурилась. Филимонычъ потянулъ меня за рукавъ и, показывая ключъ, настойчиво предложилъ пойти въ церковь.

Рожь съ обѣихъ сторонъ межи доходила до пояса. Въ теплой, зеленой ея чащѣ синѣли цвѣты и вилась повилика, раскрытая бѣлыми и розовыми зонтиками, пахнущими миндалемъ. Впереди насъ, по колеѣ, бѣжала хохлатая птичка и вдругъ нырнула въ рожь.

— Грабли стащилъ! — сказала Филимонычъ, размахивая руками. — Ахъ, козерогъ! Все у него черезъ самолюбіе, не можетъ, чтобы просто.

Вѣтеръ отгибалъ разодранную его шляпу, и полы подрясника шлепали по рыжимъ голенищамъ. Казалось, на Филимоныча извели фунтовъ пять сливочнаго масла, чтобы такъ вымазать.

— Каждый день чего-нибудь у нея утащить; ходятъ другъ къ другкѣ и ссорятся.

Когда же я спросилъ, для чего учитель таскаетъ у барышни грабли, Филимонычъ прищурился многозначи-

тельно, повторилъ: «Для чего? Гмъ!» — и больше не проговаривалъ ни слова до самой церкви.

Мы вошли въ нее по истертымъ плитамъ черезъ небольшое, сводчатое крыльцо, гдѣ облупилась и вылиняла еревенская живопись, а два узкихъ, какъ щели, окошка были затянуты паутиной. Внутри было тихо и прохладно, пахло ладаномъ и воскомъ. Филимонычъ указалъ мнѣ на притворъ и остался у двери, поправляя лампаду.

Стѣны и своды, соединенные желѣзомъ, были покрыты грубой, потемнѣвшей штукатуркой; пятна сырости бе-гдѣ, да копоть отъ свѣчи, пригнѣпленной у деревяннаго бруса прямо къ стѣнѣ. И только въ лѣвомъ притворѣ, на широкой и плоской колоннѣ, уходящей въ сумракъ подъ куполъ, сохранились древнія фрески.

Пока я старался разглядѣть ихъ неясныя очертанія, пролился красноватый свѣтъ заката сквозь стрѣльчачье окно. И въ этомъ свѣту выступили сражающіяся коняхъ фигуры, въ кольчугахъ, съ длинными копьями; надъ ними — хоръ монаховъ со свитками, еще выше — тонкое дерево и съ боковъ его — большеглазые, вырванные познаниемъ добра и зла, Адамъ и Ева. Свѣтъ кользнулъ лѣвѣе и выше, угасли всадники и монахи, только Ева съ вѣтвью въ рукѣ еще глядѣла на меня трово. Но растаяла въ темнотѣ и она.

Мы вышли съ Филимонычемъ на лугъ. Въ сумеркахъ недвижно стояла рожь, казалась сѣрватою, какъ воды. Зеленая звѣзда, едва затеплившись, вздрагивала неуверенно. Тянуло сыростью и цвѣтами. Кричалъ дергачъ. Жалобно скрипѣлъ колодець на селѣ.

Филимонычъ повелъ меня ночевать въ свою избенку, накормилъ жареной картошкой, творогомъ и чаемъ съ сливочникомъ и медомъ. Устраивая въ убогомъ, но чистомъ «альцѣ» на сосновомъ диванѣ постель онъ говорилъ:

— Перины нѣтъ, — вотъ горе; я, чай, понимаю, какъ спать полагается, хотя до мягкаго самъ не охотникъ; при покойной дьячихѣ была перина; не знаю, какъ вы

и заснете: лимонаду-газезъ нѣтъ у насъ, провалитесь этому лавочнику, кромѣ дегтя да ситца ничего не добьетесь; электричества тоже нѣтъ; а ужъ пѣтуха, поддла, я къ шабрамъ отнесу, я его сварю какъ-нибудь, дождется,—кричить всю ночь, точно его просятъ. У насъ житье—извините.

Я раздѣлся и легъ, съ наслажденіемъ вытянувшись на спинѣ. Филимонычъ стоялъ съ коптилкой у двери, ковырялъ ее ногтемъ и мялся:

— Вотъ вы человѣкъ столичный, объясните мнѣ, что имъ надо?—внезапно громкимъ шопотомъ заговорилъ онъ, заслоня коптилку, чтобы не била мнѣ въ глаза.—Молодые отъѣнной оба красоты и, вижу я, часу другъ безъ друга не могутъ, а все топорщатся; ни онъ ни съ мѣста, ни она ни съ мѣста; разныя дѣла выдумываютъ; грабли онъ у нея унесетъ или сѣменной каталогъ, а самъ отъ роду рѣшью не посадилъ; она къ нему на другой день идетъ, и спорятся, разговариваютъ, грабли назадъ тащатъ. Развѣ это хорошо? Ну, прямо, плохо. Только время теряютъ. Скажемъ, книжка—святое дѣло? Такъ? Посмотрѣлъ ее, помуслилъ, прочелъ что-нибудь, вотъ и хорошо, и тихо. Нѣтъ: изъ-за книжки у нихъ—ссора: онъ, молъ, это хочетъ сказать, а она ему: нѣтъ, вы неправы, какъ разъ наоборотъ. Ну, извините, я заболтался, очень досадно,—молодые, а чистые оба козероги.

Дьячокъ притворилъ дверь и долго еще кряхтѣлъ, молился и скрипѣлъ постелью въ сѣняхъ. На стѣнѣ тикалъ маятникъ. И тывкала иногда собака за окошкомъ.

Съ утра я былъ уже въ церкви, рѣшивъ сфотографировать и снять съ фресокъ акварельную копію. Въ церкви—прохладно. Подъ куполомъ возятся голуби, и на пыльномъ, паутинномъ окнѣ бьется залетѣвшая бабочка.

Филимонычъ заходилъ меня провѣдать и оставилъ открытой входную дверь; сквозь ее четырехугольникомъ видѣлись синее небо и залитая свѣтомъ желтая горячая рожь.

Вдругъ послышались шаги; я опустилъ кисть и обернулся; оттуда изъ поля вошли Вѣра Ивановна и Соломинъ; они остановились подъ куполомъ и не могли видѣть меня, сидѣвшаго за рѣшеткой.

— Онъ здѣсь?—спросила она.

— Не знаю.

Она грызла соломинку. Потомъ со вздохомъ опустила руки и подияла на куполь глаза; отъ полусвѣта они казались еще болѣе огромными; онъ, уже не отрываясь, глядѣлъ на нее.

— Смотрите, голуби,—сказала она.—Боже мой, какъ тихо!

Ева и Адамъ устремили точно обожженные огнемъ темныя очи внизъ на истертая плиты. Онъ держалъ яблоко, она—вѣтвь; змѣй, обкрутясь вокругъ дерева, уязвлялъ свой хвостъ. У меня начала кружиться голова.

Постоявъ Соломинъ и Вѣра Ивановна ушли. Я подпоялся на цыпочкахъ къ окошку и увидѣлъ ихъ подъ тонкой, какъ райское дерево, березой на холмикѣ. Вѣра Ивановна сидѣла, бродя взглядомъ по облакамъ, по ржи; онъ лежалъ у ея ногъ и все такъ же глядѣлъ на нее, не отрываясь. Я подумалъ: когда они встрѣтятся глазами, прочтутъ въ нихъ то, чего, быть-можетъ, еще боятся,—Филимонычу не придется больше скулить. Вдругъ невѣроятная его соломенная шляпа выльзла изъ-за березы. Присѣвъ, онъ началъ что-то рассказывать, размахивая руками, гримасничая, показывая единственный желтый зубъ.

Щеки Вѣры Ивановны покрылись румянцемъ, и она усмѣхнулась, уронивъ руку, ладонью вверхъ, на траву. Соломинъ сейчасъ же опустилъ голову, и,—я видѣлъ,—прижался къ рукѣ губами.

Мнѣ было радостно и очень грустно, дорогой другъ, глядѣть черезъ пыльное окошко на всѣ вещи. Петроній въ концѣ концовъ былъ не болѣе, какъ скептикъ. На закатѣ я кончилъ работу и пошелъ отыскивать

Филимоныча; дома его не оказалось, я побрелъ къ школь.

На деревянномъ крылечкѣ сидѣли Вѣра Ивановна, у ногъ ея—учитель, а Филимонычъ въ полнѣйшемъ благодушии и удовольствіи развалился на послѣдней ступенькѣ.

Меня встрѣтили радушно, попросили посумерничать, обѣщали накормить простоквашей. Оранжевый закатъ широко разлился за рожью. Булькали еще перепела, приглашая спать: «Пать пора». Летучая мышь, отчетливо видная, съ ушками и курносой головкой, дрожа крыльшками, носилась около крыльца. Отъ ржи шелъ медовый сухой запахъ. Вѣра Ивановна, сложивъ руки подъ подбородкомъ, говорила:

— Когда отецъ былъ живъ, мы часто ѣздили съ нимъ вонъ по той межѣ, въ плетушкѣ, на рыжемъ Витязѣ. Отецъ былъ очень полный, шутливый и разсѣянный человекъ; я всегда причесывала его сама, иначе бы онъ никогда не причесался. Въ тотъ вечеръ его глаза казались особенно печальными. Мы ѣхали шагомъ по межѣ; онъ сказалъ: «Иногда мнѣ представляется городокъ, старый и тихій, на берегу моря; онъ такой старый и тихій, что тамъ не о чемъ вспомнить и нечего жалѣть, и люди умираютъ покойно, безъ боли; старые корабли приплываютъ съ товарами, никто не торожится ихъ разгружать. Знаешь, Вѣра, хорошо бы въ этомъ городкѣ открыть намъ табачную лавочку, жили бы вдвоемъ». Скоро послѣ этого отецъ умеръ.

Она замолчала. Филимонычъ теръ глаза и покрутилъ головой. Соломинъ, поднявшись, подошелъ къ плетню.

Простокваша я не дождался; легъ спать одинъ и остановилъ маятникъ, чтобы не раздражалъ онъ меня, ширкая по стѣнѣ. Въ темнотѣ казалось, что высокая рожь поднимается уже за окномъ, обступила избушку, сквозь щели въ полу вырастаютъ колосья, и мягкая повилка съ бѣлыми и розовыми зонтиками опутываетъ меня,

и душно отъ медоваго запаха, и нѣтъ во мнѣ силъ разорвать, стряхнуть съ себя это очарованіе.

На разсвѣтѣ я рѣшилъ уѣхать. Остаться здѣсь дольше было опасно: я помнилъ, какъ учитель зашвыриваетъ книжки черезъ заборъ.

Тотъ же несуразный ящикъ повезъ меня на станцію. Проѣзжая по мосту, я въ послѣдній разъ оглянулся на село, на церковку «Утоли моя печали», на домъ съ бѣлыми колоннами, на тысячу десятинъ ржи. Затѣмъ нахлобучилъ картузъ и принялся обдумывать статью въ журналъ. И въ первый разъ я почувствовалъ, дорогой другъ, что мнѣ скучно и не хочется возвращаться къ нашимъ фрескамъ, спорамъ, журналамъ, и что всѣ фрески, споры и журналы я бы промѣнялъ на одно только слово, которое скажетъ сегодня Вѣра Ивановна учителю гдѣ-нибудь во ржи. Или на табачную лавочку въ приморскомъ городкѣ, гдѣ умираютъ безъ боли.

Д Ы М Ъ

Иванъ Сергѣевичъ проснулся поздно, платкомъ протиралъ глаза, пилъ воду въ постели, курилъ и думалъ, какая дрянь снилась всю эту ночь.

Какъ-будто шелъ онъ въ ночныхъ туфляхъ по Кузнецкому Мосту съ какой-то дамой; было неловко и противно, и приходилось присѣдать, прикрывая ноги шумомъ. Вотъ и весь сонъ. А говорятъ,—ночью бодрствуетъ духъ. Хорошо, значить, духъ.

Иванъ Сергѣевичъ—писатель, поэтому его сильно забавляли подобные сны: то приснится сломанный велосипедъ или еще что-нибудь совсѣмъ низкое и недуховное. И всегда приходилъ на память примѣръ Иакова: умудрился же пастухъ и дикій человекъ увидѣть во снѣннѣннцу съ ангелами.

На цѣпочкахъ вошла въ спальню Маша.—жена,—сказала, что первый часъ и звонили изъ редакціи, просили непременно къ субботѣ рассказъ, а сегодня—четвергъ.

Она присѣла на кровать, глядя круглыми глазами на знаменитаго и заспаннаго писателя, спросила, хорошо ли онъ себя чувствуетъ; сама же, какъ всегда, обмерла слегка, опасаясь неожиданнаго какого-нибудь оборота въ отношеніяхъ.

Иванъ Сергѣевичъ заговорилъ про сонъ и головную боль, про то, что утомленъ, а тутъ еще рассказы на шеѣ. Онъ явно искалъ сочувствія. У Маши рыжень-

ые волосы были закручены на маковкѣ узелкомъ. Пуговый платочекъ прикрывалъ худыя плечи. Она наморщила лобъ и стала жалѣть мужа, принесла кофе въ постель, съ увѣренностью сказала, что этотъ новый рассказъ будетъ замѣчательный, вообще—затормошилась.

— Почему именно ты увѣрена, что я долженъ написать замѣчательный рассказъ?—сказалъ Иванъ Сергѣевичъ, морщась.—Удивительное дѣло! Молодая женщина суетится около постели какого-то паразита! Да, да. Не хочу никакихъ утѣшеній. Правдѣ нужно смотрѣть въ глаза. Мнѣ глубоко самого себя противно. Развалился, раскарячился какой-то сытый литераторчикъ. Что дѣлаю? Какая отъ меня польза? Пришелъ бы сюда какойнибудь Микита въ лаптяхъ, онъ бы мнѣ вмѣсто твоихъ кофій: иди, молъ, навозъ возить,—вотъ это дѣло! Какая-то интеллигентщина, нравственное разложеніе, литературный брандахлысть. Такъ жить нельзя! Духовнаго голода нѣтъ,—вотъ что.

Иванъ Сергѣевичъ уничижался, воротилъ носъ, молчалъ сухарикъ въ кофе, кряхтѣлъ и нарочно чвакалъ невзначай.

Когда же Маша крикнула подъ конецъ со слезами: «Какъ тебѣ не стыдно!» ему сразу полегчало. Поговоривъ еще слабымъ голосомъ о трудныхъ задачахъ художника, онъ одѣлся и уже бодро прошелъ въ ванную.

До сумерекъ Иванъ Сергѣевичъ обдумывалъ новый рассказъ. Хотѣлось написать глубокое и вѣчное произведение строкъ на шестьсотъ, найти сильныя слова, изъ которыхъ заплились бы слезами самыя заскорузлыя души. Онъ ходилъ по кабинету, рѣзалъ рукой пространство, и дымъ папироски сизыми слоями волочился за его толстой спиной.

Въ домѣ было тихо. Годовалой Тamarѣ запрещено кричать. И все же Иванъ Сергѣевичъ прислушивался иногда и съ раздраженіемъ дергалъ плечомъ: тишина

была слишком натянута или подчеркнута. Точно случилось что-то въ дѣтской или на кухнѣ.

Въ кабинетѣ было много книгъ, на стѣнкѣ висѣла давно высохшій вѣнокъ изъ лавровыхъ листьевъ съ листьями и словами: «Творцу вѣчныхъ образовъ—благодатная трупца». Передъ отоманкой лежалъ медвѣдь; казалось, онъ прыгнулъ когда-то на писателя, но расшибъ и навсегда остался лежать оскаленнымъ. На письменномъ столѣ—карточка Маши, въ полуоборотъ, съ муфтой, шляпѣ, около ширмы. Черезъ карточку вкось, по настоянію мужа, Маша написала дѣтскимъ почеркомъ: «Храни тебя, говори, мой другъ. Марія», а круглое личико подъ огромной шляпой выражало испугъ.

Всѣ эти вещи развлекали Ивана Сергѣевича. Присѣвъ къ столу, онъ давливалъ лицо руками и думалъ. Въ сумерки, говорятъ, можно услышать даже, какъ муха чиститъ себѣ носъ. Издалека, изъ Машинной комнаты прилетѣлъ такой не то вздохъ, не то шопотъ. Онъ проникъ въ мозгъ писателю, прокололъ его какъ игла.

— Нѣтъ, ужъ это чортъ знаетъ что такое!—воскликнулъ Иванъ Сергѣевичъ и, твердо топая каблуками, пошелъ къ женѣ.

— Маша, получается такъ, что я не даю никому жить у насъ въ домѣ—могила. Всѣ люди живутъ и работаютъ въ обыкновенныхъ условіяхъ. Я прошу спокойствія по негробовой тишинѣ. У меня и безъ того нервы напряжены, а тутъ еще постоянный укоръ, едва слышные вздохи. Самъ не живу, и другіе задыхаются отъ моего присутствія.

Маша, не шевелясь, сидѣла на корельскомъ диванчикѣ держа въ упавшей на колѣно рукѣ ледяной письмо. Въ сумеркахъ ея глаза казались огромными, какъ двѣ тѣни.

— Извини, я не на тебя сержусь, а на себя,—продолжалъ Иванъ Сергѣевичъ.—Я обдумываю рассказать. Ты хочешь меня выслушать?

— Да, я слушаю тебя,—отвѣтила Маша.

— Понимаешь, я спрашиваю: отчего мы всѣ страдаемъ? Я описываю средняго интеллигента. Пусть это будетъ секретарь управы. Осенній вечеръ. Жена ушла. Одинъ. Ходить, думаетъ. Дождикъ. Деревья качаются. Вдругъ онъ понялъ: всѣ люди живутъ изо дня въ день, толкуются какъ мошки, весело и безпечно, а передъ каждымъ—неумолимый вопросъ: «Для чего?» Для какой высшей цѣли вотъ это лицо сгнѣтъ? Чтобы удобрить почву какому-то новому секретарю управы, номеръ второй? Ты понимаешь, мой секретарь—человѣкъ передовой, онъ начинаетъ цѣпляться за такія фразы: «прогрессъ», «будущее человѣчества», во имя культуры». А дождикъ въ это время барабанить въ окошко, вѣтеръ — какъ на похоронахъ. И секретарь уже не вѣрить въ слова, не вѣрить въ культуру. Почему я долженъ удобрять номеру второму, а не онъ мнѣ? Если я—удобреніе, я просто лягу на диванъ и никогда съ нею не встану: ташите меня сами, удобряйте! Нѣтъ, я хочу въ самомъ себѣ имѣть высшую цѣль. Я—не муравей и не пчела. Здѣсь вторая антиномія: значитъ, мнѣ свой желудокъ дороже всего? Или—я индивидуалистъ, или—просто свинья... Конечъ еще не придумалъ. Секретарь приходитъ въ отчаяніе. Скорѣе всего я его повѣшу.

Иванъ Сергѣевичъ, раздвинувъ ноги, глядѣлъ въ окно на профили крышъ въ погасающемъ закатѣ, на засвѣтившіяся кое-гдѣ окна особняковъ и небоскребовъ. Невысоко стоялъ серпъ мѣсяца въ тускло радужномъ кругѣ.

— Огромный, жуткій городъ,—проговорилъ Иванъ Сергѣевичъ сдавленнымъ голосомъ.—Огромная, пелѣная Россія.

— Ты знаешь: Фелицата, оказывается, ночуетъ у насъ третью ночь на черной лѣстницѣ, на гладильной доскѣ,—сказала Маша и письмо въ рукѣ ея задрожало.

— Какая Фелицата?

— Иванъ! Наша бывшая горничная, такая милая девушка. Она поступила въ хоръ, хотѣла готовиться въ консерваторію. Еще третьяго дня приходила ко мнѣ, милая и веселая. Принесла кленовую вѣтку съ листьями. И вотъ что-то такое случилось. Подумай—проспала три ночи на черномъ ходу и не посмѣла зайти отогрѣться.

Маша опустила голову. Наверху играли гаммы. Звучала стѣнной, на кухнѣ, радостно тараторила кухарка. Иванъ Сергѣевичъ отвѣтилъ:

— Старая исторія. Очевидно, наскочила на подлещицу. Отъ гибели можетъ удержатъ только духовная культура, а ея нѣтъ у Фелицаты. Да, милая моя, здѣсь интеллигентный погибаетъ, не то что простая хористка. Предложи ей денегъ, и пусть почуветъ въ комнатѣ, гдѣ сундуки.

— Иванъ, прочти пожалуйста, вотъ это; послѣ нечаянно на гладильной доскѣ нашли листочекъ изъ дневника. Посмотри, какими каракулями нацарапано. Пишетъ, что ее все равно никто не пойметъ и всѣ осудятъ...

— Э, нѣтъ, уволь, — отвѣтилъ Иванъ Сергѣевичъ рѣшительно. — У меня сейчасъ голова совсѣмъ другимъ занята.

И онъ вернулся въ кабинетъ.

Иванъ Сергѣевичъ писалъ размашистымъ почеркомъ. Секретарь управы думалъ уже вторыя сутки, стоя въ темной неотапливаемой залѣ. Дождь лилъ потопами въ клумбы. Домъ покинула даже горничная: сказала съ надрывомъ, что любитъ какого-то Якова, но принадлежать ему не станетъ и простовавшая выскочила изъ дождикъ.

Въ полночь Иванъ Сергѣевичъ отложилъ перо. Секретаремъ управы было покончено. Откинувшись на кресло, пуская дымъ, писатель испытывалъ невыразимое удовольствіе. Съ бьющимся сердцемъ онъ прошелъ въ

кабинетъ къ женѣ. Заслышавъ шаги, Маша поспѣшно вынула носовой платочекъ подъ подушку и, приподнявъ

лицо, спросила:

— Ну что, кончилъ?

— Написалъ, — отвѣтилъ Иванъ Сергѣевичъ, скромно опуская глаза. — Не знаю, что вышло, быть-можетъ, растянуто, скучно, — онъ сѣлъ на кровать, и вновь радостный олодокъ пробѣжалъ по волосамъ, спигѣ и застрялъ подъ ожечкой, — во всякомъ случаѣ я выстрадалъ этотъ разказъ...

Прикрывъ уставшіе глаза ладонью, онъ заговорилъ о служеніи вѣчному, о болѣзняхъ чужими болями и о любви. Неожиданно онъ все это подарилъ Машѣ.

Обнявъ ее ноги, прикрытыя стеганымъ одѣяломъ, онъ не разказалъ:

— Ты—моя прекрасная, единственная, возьми меня все со всѣмъ творчествомъ и мукой. Я хотѣлъ бы служить тебѣ, какъ рабъ, до смерти.

У Маши похолодѣли руки, на лбу выступили потъ и слезушки.

— Ты усталъ, ты заработался, поди лягъ, обѣщай мнѣ не читать передъ сномъ, — сказала она, съ отчаяніемъ чувствуя, что совсѣмъ не то говорить.

Когда онъ, размягченный и растроганный, ушелъ къ себѣ спать, она опять вынула изъ-подъ подушки платочекъ и продолжала плакать о Фелицатѣ, и о томъ еще, что не можетъ понять знаменитаго писателя и онъ скоро разочаруется въ ней и покинетъ.

Фелицата стояла у стѣны, наклонивъ голову, опустивъ длинныя руки. На убогой ея шапочкѣ вздрагивала вылившаяся роза. Юбка и синій жакетъ поматы и въ пятнахъ.

— Фелицата, почему вы молчите? Вѣдь я все вижу не для того спрашиваю, чтобы осудить; мнѣ нужно

знать, что случилось?—въ десятый разъ говорила Маша, стоя передъ Фелицатой.

— Ничего не случилось, помилуйте, я вполне всею довольна, — отвѣчала дѣвушка, поджимая обвѣтрѣвшія губы, — напрасно за мной посылали.

— Ваша тетка, я знаю, не пускаетъ васъ больше по-чевать. Она Богъ знаетъ что рассказала про васъ. Не я же вѣрю.

— У тетенки характеръ довольно странный, — отвѣтила дѣвушка.

— Одного не пойму, для чего вы спали три ночи на гладильной доскѣ?

Фелицата строптиво вздернула голову и сейчасъ же карими глазами уставилась въ уголь. Смуглое лицо ея было обтянутое и желтое. Съ боковъ упрямаго рта—два недавнихъ морщины и на вѣкахъ—припухшая синева.

— Что же, я на кухню пойду, милости просить у вашей кухарки?—отвѣтила она и вытянула губу брезгливо.—Сдохну,—никому не поклонюсь.

Послѣ молчанія Маша замѣтила робко:

— Ночуйте, пожалуйста, въ комнатѣ, гдѣ сундуки, — я туда велѣла кровать поставить.

— Благодарю-съ, — отвѣтила Фелицата.

Въ это время Иванъ Сергѣевичъ смотрѣлъ въ щель ку двери. Онъ всталъ недавно и только что перечел начерно вчера написанный рассказъ. Что-то въ немъ не понравилось, остался осадокъ, точно послѣ сна проночныхъ туфли. Иванъ Сергѣевичъ упалъ духомъ, и сейчасъ, услышавъ голосъ Фелицаты, подошелъ на цыпочкахъ къ двери.

Фелицата молчала, только въ длинномъ горлѣ ея катался клубокъ. Маша стояла передъ ней, сжимая кулачки; узелъ рыжихъ волосъ сползъ набокъ и юбка застегнута криво, какъ всегда во время душевныхъ переживаній.

«Вотъ опять страданіе, опять вѣчная загадка, — по-

умалъ Иванъ Сергѣевичъ, — но опиши я Фелицату, какъ она есть, — получится частный случай. Анекдотъ...

Маша въ это время додумалась и сказала:

— Я съ удовольствіемъ вамъ отдамъ нѣсколько моихъ офточекъ. Бѣдная моя, милая, ну, не нужно такъ...

И она пальцами коснулась остраго плеча дѣвушки. Отъ этого прикосновенія рухнули все, напряженныя оостервенѣнія, силы Фелицаты, она быстро закрылась вѣевой рукой, ротъ ея раздвинулся точно отъ смѣха, сквозь пальцы потекли слезы.

Маша крѣпко охватила дѣвушку и сама заплакала и въ вылинявшую розу.

— Да-съ, такъ-съ, — проговорилъ Иванъ Сергѣевичъ, ильню почесалъ затылокъ и пошелъ къ себѣ.

На столѣ, въ кабинетѣ, на промокательной бумагѣ лежали жирно исписанные листки. «Мука тысячи по-ольнѣй въ моемъ мозгу, о, страданіе, проклинаю и лагословлю тебя» и т. д., — прочелъ Иванъ Сергѣевичъ, оморщился и вычеркнулъ фразу секретаря управы.

Къ вечеру была вычеркнута половина рассказа. При-одила Маша, попросила дать прочесть. Иванъ Сергѣ-ичъ шагаль по ковру, не отводя глазъ отъ озабочен-аго лица читающей Маши. Вдругъ она улыбнулась. Онъ еребилъ:

— Что? Что? Хорошо? Смѣшно?

— Нѣтъ, — отвѣтила Маша, — я не о томъ: Фелицата, какъ только легла на постель, такъ и заснула, точно ребенокъ.

— Значитъ, рассказъ тебѣ не нравится?

— Почему? Страшно нравится.

— Если бы очень нравился, то увлекъ и ты бы за-ыла эту твою Фелицату.

— Прости, я хорошенько сосредоточусь, — отвѣтила

Маша и, наморщивъ брови, снова стала перечитывать исторію секретаря. Затѣмъ Иванъ Сергѣевичъ объяснилъ тему, волновался, даже возгордился одинъ разъ, оттолкнулъ Машу отъ стола и снова черкалъ. До срока сдачи разсказа осталось: часа три.

Фелицата продолжала спать. Маша ходила отъ ея комнаты до кабинета на цыпочкахъ. Кухарка узнала, оказывается, подробности: Фелицату видѣли съ бритымъ мужчиной на автомобилѣ: разъ—на Арбатѣ, другой разъ—на Тверской-Ямской.

— Ну, ясное дѣло, влюбилась въ тенора, а онъ пошелъ слать ее къ чорту,—огрызнулся Иванъ Сергѣевичъ, ради Бога, отстаньте, наконецъ, отъ меня съ Фелицатой!

Поздно вечеромъ Фелицата проснулась; Маша привнесла ей чай и кофточки. Иванъ Сергѣевичъ, заглянувъ случайно въ сундучную комнату, услыхалъ, какъ дѣвушка говорила:

— Никакого романа у меня нѣтъ,—тетенька напрасно болтаетъ, а спать мнѣ все равно гдѣ,—хоть на лѣстницѣ. Я занята искусствомъ и ничего не могу замѣчать.

Маша сидѣла на сундукѣ, напротивъ, смотрѣла крупными глазами Фелицатѣ въ ротъ.

— Вы спрашиваете, отчего такой жалкій дневникъ пишу? Оттого, что меня сейчасъ никто понять не можетъ. Для васъ я изъ горничныхъ выбилась, хоть и жалѣете, а кухарка ругаетъ шлюхой. Не знаю, что обиднѣе для моего самолюбія. Одинъ военный сказалъ, что у меня—артистическая душа и я—жрица прекраснаго. Я желаю совсѣмъ отъ людей уединиться. Съ голода не помру, выбьюсь...

Маша сейчасъ же перебила:

— Ну, а тотъ? Онъ, съ кѣмъ васъ въ автомобилѣ видѣли?

Фелицата дернула плечами, подняла брови, и только бисквитъ упалъ изъ ея пальцевъ на помятую юбку.

Больше Маша ничего отъ Фелицаты не добила. Ча-

самъ къ двѣнадцати дѣвушка забеспокоилась и ушла, не взявъ ни денегъ, ни кофточекъ, сказала только на всѣ разговоры:

— Благодарю-съ. Какъ-нибудь еще зайду,—поболтаемъ.

Съ балкона видѣли, какъ Фелицата брела по тротуару, остановилась у фонаря, опустивъ голову; постояла недолго и затѣмъ скрылась за угломъ.

Фелицатины разговоры принесли Ивану Сергѣевичу физическій вредъ. Ему казалось, что разсказъ точно песокъ, сыплющійся сквозь пальцы, уменьшается и таетъ. Безъ пяти двѣнадцать онъ съ глубокимъ негодованіемъ поднялся съ кресла, сказалъ «кончено» и швырнулъ рукопись въ корзинку. Затѣмъ, войдя къ женѣ, проговорилъ недвусмысленнымъ голосомъ:

— Маша, дѣло въ томъ,—что надо это наконецъ покончить: я бездаренъ. Молчи! Поди звони сама въ редакцію,—разсказа не будетъ.

Подъ утро Ивану Сергѣевичу снилось, что будто сидитъ онъ у стола и пишетъ, а изъ головы его валитъ клубами черный, густой дымъ.

ПРЕКРАСНАЯ ДАМА

Пакетъ былъ вложенъ въ парусиновый мѣшокъ, запечатанъ и въ военномъ министерствѣ врученъ капитану, Никитѣ Алексѣвичу Абозову, на слѣдующій день выѣхавшему съ Финляндскаго вокзала въ Парижъ, черезъ Торнео.

Офицеръ для передачи пакета, содержащаго важные документы, былъ выбранъ надежный. Никита Алексѣвичъ служилъ въ драгунскомъ полку; въ бояхъ на Бзурѣ отличился, какъ разсудительный и отважный офицеръ; подъ Двинскомъ съ небольшимъ количествомъ солдатъ задержалъ наступленіе непріятели, спасъ этимъ штабс-капитана и полкового командира, при чемъ во время перестрѣлки былъ раненъ въ голову и грудь, и на время окончательнаго излѣченія приписанъ къ военному министерству. Онъ былъ холостъ и послѣдніе года чрезвычайно воздержанъ; начальство его цѣнило, солдаты эскадрона пережили истинное горе, когда Абозовъ нѣсколько дней боролся со смертью, не приходя въ сознание; товарищи по полку называли его «Машенькой» за красивое, бритое, нѣжное лицо и знали, что онъ не обижается на прозвище, потому что отваженъ душою.

Передача пакета и посылка Абозова произошли въ тайнѣ. Никита Алексѣвичъ зналъ, что пропажа документовъ не только стоила бы ему жизни, но,—еще

же,—бѣдственно отразилась бы на военныхъ операціяхъ. Сначала пакетъ лежалъ въ чемоданѣ, затѣмъ, когда поѣздъ отошелъ, Никита Алексѣвичъ переложилъ парусиновый мѣшокъ въ боковой карманъ пиджака, закрѣпилъ его тамъ англійскими булавками и съ удовольствіемъ растянулся на бархатной койкѣ купѣ. Подъ подушкой лежали дорожныя книги и журналы; онъ перелистывалъ ихъ, курилъ и, поглядывая въ окошко, вспоминалъ беззаботные, легкіе дни, когда нѣсколько странъ и тысячи людей проплываютъ передъ глазами, не тревожа, не задѣвая чувствъ.

Экспрессъ летѣлъ мимо дачъ, хвойныхъ лѣсовъ и болотъ, еще покрытыхъ снѣгомъ. Въ назначенное время въ вагонѣ появлялся лакей, приглашая къ столу. Пассажиры, придерживаясь за шаткія стѣны, брели въ ресторанъ. На площадкахъ рѣзкій вѣтеръ крутилъ желтую пыль. Никита Алексѣвичъ садился въ уголокъ вагона-ресторана за столикъ и оглядывался. Вотъ семейство простоватыхъ англичанъ, съ тремя дѣвочками и няней-японкой,—семья ѣдетъ въ Владивостока третью недѣлю. Вотъ четыре чернобородыхъ француза, низенькіе, съ благообразными лбами и голосами, надтреснутыми переносицами; они спросили бутылку краснаго вина, и, гуттауринъ, причмокиваютъ. Затѣмъ огромный, бритый шведъ—директоръ предпріятія; добродѣтельные финны изъ Гельсингфорса; два блѣдныхъ еврея; ѣдущій за товаромъ въ Европу еврейскій купчикъ-москвичъ, напустившій европейскаго вида съ явнымъ ущербомъ для своего самолюбія; широкоплечій, угрюмый юноша въ вязаномъ колпакѣ, который носятъ лыжники; и еще нѣсколько немцевъ, сѣрыхъ лицъ. Были и женщины, конечно, но въ вагонѣ Никита Алексѣвичъ старался не вглядываться: въ вагонѣ красивыхъ—не находилъ основанія, а красивыхъ бо-
лся.

Съ женщинами счеты у него были трудныя. Въ юные

годы онъ мечталъ издалека о знаменитой куртизане Машѣ Хлѣбниковой, милой и прелестной женщинѣ, пожелалъ приблизиться къ ней, хотя и были случаи считать красоту ея поруганной, молился о ней въ церкви, вызывая на поединокъ трехъ ея любовниковъ, переносилъ издѣательства товарищей-юнкеровъ, и это долгое чувство отразилось на всей его жизни. Любовь казалась ему сложнымъ, почти непосильнымъ предпріятіемъ и онъ съ отвращеніемъ относился къ «знатокамъ», которые, довольствуясь немногимъ, находятъ въ каждой женщинѣ одно и только то, что имъ удобно и нужно.

Давеча на вокзалѣ, спѣша съ чемоданчикомъ къ своему вагону, Никита Алексѣевичъ мимоходомъ примѣтилъ высокую даму въ изящной бархатной шубкѣ. Ея небольшая шляпа, съ черными крылышками, сбилась набокъ. Дама казалась разсерженной, невыспавшейся и ссорилась съ кондукторомъ.

На пути онъ опять встрѣтилъ ее въ сосѣднемъ вагонѣ, затѣмъ на площадкѣ, гдѣ она боролась съ вѣтромъ, придерживая шляпку и шубу, и, наконецъ, увидалъ у окна, около своего купѣ. Касаясь лакированной рамы плечомъ, дама глядѣла, какъ скользятъ мимо снѣжныя подорожники, столбы, домики. Ея узкое лицо, обращенное къ унылымъ равнинамъ, казалось печальнымъ. Открытая шея тонка и нѣжна. На отворотахъ визаной шелковой кофточки выпущено кружево.

Сидя въ углу купѣ Никита Алексѣевичъ видѣлъ ее затылокъ съ поднятыми пышными волосами, цвѣта каштановъ, ея спину, вздрагивающую отъ толчковъ поезда, ловкую суконную юбку, касающуюся высоко зашнурованныхъ лаковыхъ башмаковъ. И когда ему, наконецъ, показалось необходимымъ знать, куда и зачѣмъ она ѣдетъ, одна въ это тревожное время, Никита Алексѣевичъ спохватился и, вытащивъ изъ-подъ себя томикъ какихъ-то приключеній, погрузился въ чтеніе.

Въ дверяхъ купѣ изъ окна проникалъ свѣжій воздухъ, вдругъ сильно запахло духами, горьковатыми и нѣжными. Абовъ увидѣлъ складки синей юбки, волнуемойся подъ давленіемъ ногъ. Онъ вновь перечелъ первую страницу. Дама стояла теперь прямо у окна, спиной къ двери.

Тогда онъ быстро вышелъ на площадку и тамъ на минуту, въ снѣжной пыли, сознался, что струсилъ и взволнованъ, хотя и тридцать два года, и опытъ, и выдержка. Онъ вернулся въ вагонъ съ намѣреніемъ спокойно разотрѣть странную даму, даже заговорить, если нужно, ни подъ какимъ видомъ не унижать и себя, и ее, и печальнымъ волненіемъ. Но дамы уже не было у окна. Завтракомъ она не появлялась.

Сейчасъ, ожидая на углуномъ столикѣ вагона-ресторана, когда космополитъ, въ синемъ фракѣ и гуттаперчевомъ галстукѣ, поднесетъ ему поднось съ ѣдой, Никита Алексѣевичъ чувствовалъ себя покойно и радостно. Нѣтъ большого счастья, какъ послѣ трудовъ разлѣниться на мягкихъ подушкахъ вагона, въ отдохновеніи и бездѣльи, забыть за людьми, за маленькими ихъ волненіями, за ранами, проплывающими мимо окна. Все кажется не того не настоящимъ, а люди—тайно и глубоко благодушными. Сейчасъ, почему-то особенно остро, Никита Алексѣевичъ припомнилъ одно поле, ископанное и мерзлое, съ гуляющимъ по нему ледянымъ вѣтромъ; широкими спинами солдатъ за бугорками; песокъ и ледяная пыль обжигаютъ глаза; одинокіе выстрѣлы, бездолье, скука, ожиданіе ночи и нескончаемая вереницы тяжелыхъ, какъ горы, облаковъ. Самое скверное было то, что на этомъ полѣ ничего не случалось, кромѣ смерти; о ней привыкли какъ же не размышлять, какъ не думаютъ о дыханіи. Никто не вспоминалъ прошлаго, не надѣялся на будущее. Они сидели немые, не мѣняли бѣлья. Заваливаясь на сутки въ окопъ, дремали тамъ безъ дѣла, курили папиросы. Это была ужасная спячка пяти недѣль, между двумя

крупными боями. Человѣкъ казался придавленнымъ послѣднимъ униженіемъ, нищимъ и мерзлымъ, какъ земля.

Никита Алексѣвичъ вздрогнулъ и быстро повернулъ отъ окна лицо, поблѣднѣвшее отъ раздумья: у столика стояла прекрасная дама и въ третій разъ, уже съ улыбкой, спрашивала, можетъ ли она занять мѣсто напротивъ.

Никита Алексѣвичъ вскочилъ, пододвинулъ ей стулъ, смутился своей поспѣшности, сѣлъ опять и, наконецъ, вспомнивъ давешнее рѣшеніе, прямо взглянулъ дамѣ въ глаза. Она отвѣтила взоромъ почти мрачнымъ темно-сѣрыхъ глазъ. На мгновеніе закружилась голова, и точно исчезъ весь этотъ вагонъ, гдѣ трещали голоса, надъ бутылкой чмокали французы и дымилъ директоръ сигарой.

Затѣмъ дама сказала:

— Вы ѣли рыбу, не опасно?

Голосъ ея былъ низкій, почти суровый. Никита Алексѣвичъ отвѣтилъ съ готовностью:

— Рыба превосходная, треска.

И пододвинулъ блюдо. Она поблагодарила. А онъ принялся думать, что еще можно сказать о трескѣ: рыба эта большими массами плыветъ на сѣверъ въ теплыхъ водахъ Гольфштрема, обигаетъ сѣверъ Норвегіи и быстро расстаетъ; у Мурмана она достигаетъ чудовищныхъ размѣровъ...

Дама перебила его мысли:

— Я—русская по фамилии и по рожденію, но бѣгу изъ Россіи, какъ отъ чумы,—и подняла высокія брови.

Никита Алексѣвичъ, усмѣхнувшись, спросилъ: «Отчего такъ?» Затѣмъ поклонился и назвалъ себя. Дама продолжала:

— Мое имя—Людмила Степановна Павжшская. Вы спрашиваете, почему я бѣгу.—Откинувъ голову, она глядѣла на собесѣдника, словно оцѣнивая, достоинъ ли онъ откровенности.—Я ненавижу русскихъ, въ особенности

мужчинъ, правда, правда,—и она засмѣялась, держа не донесенный до рта кусочекъ хлѣба.

Ея испытующій взглядъ, странное начало разговора, затѣмъ смѣхъ, умный и не веселый, словно намѣтили сложность ея духа. Никита Алексѣвичъ такъ это и воспринялъ и насторожился, покусывая губы.

— Мое эстетическое чувство оскорблено,—говорила дама,—если я люблю красоту, поэзію, картины, мраморъ, музыку,—то я прежде всего хочу любоваться людьми. Меня раздражаетъ мысль, что гдѣ-то на землѣ, въ эту минуту, ходятъ великолѣпные люди. А я въ Москвѣ принуждена ежедневно видѣть одни расхлябанныя существа: нѣчто неуклюжее, слабое, съ желтой бородкой, въ сюртукѣ, въ очкахъ, со слабительными лепешками въ жилетномъ карманѣ, существо развипченное нравственно, съ несвѣжимъ бѣльемъ и визгливымъ голосомъ, ежеминутно наклонное къ истерикѣ и при этомъ либеральное. Жить въ такой странѣ? Нѣтъ, я ѣду въ Америку.

— Будто вы тамъ найдете людей!

— Людей изящныхъ и смѣлыхъ, перваго сорта, ужъ, конечно, не такихъ, какъ въ Россіи.

— И у насъ водятся изящные и смѣлые люди.

— Ахъ, полноте, у насъ все ничтожно, какъ въ лакейской, все какъ на баринѣ, только похуже, съ пунцовымъ галстукомъ, со скуластой рожей. Будемъ искренни: наша съ вами страна—недѣльный курьезъ, случайность...

Никита Алексѣвичъ сдержался, краска хлынула и отшла отъ лица его. Опустивъ глаза, онъ проговорилъ:

— Разговоръ мнѣ, простите, не пріятенъ,—и, когда дама удивленно повернулась къ нему—добавилъ:—Я была на войнѣ и видѣлъ замѣчательныхъ людей. Я видѣлъ безконечно утонченныхъ людей и мужественныхъ въ то же время. Должно быть мы всѣ перемѣнили шкуру. Послѣ войны въ Россіи начнется новый вѣкъ. Ваша ненависть не по адресу.

Онъ зажегъ папиросу. Обѣдъ кончился, и крыль-
вентилятора разгоняли надъ головой табачный дымъ.
Иногда за спущенными шторами въ темнотѣ ночи разсти-
вался унылый, длинный свистъ поѣзда.

Никита Алексѣевичъ замѣтилъ, что дамѣ точно не
моглось. Медленно отряхивая пепель съ египетской па-
пиросы, она сидѣла, положивъ ногу на ногу, оглядывая
мрачнаго юношу въ лыжномъ колпачкѣ, финновъ, опять
чѣмъ-то уязвленного купчика, директора, на толстомъ
лицѣ котораго послѣ бѣды отразились всѣ сто тысячъ го-
дового дохода,—и углы красивыхъ губъ Людмила Сте-
пановны приподнимались презрительной усмѣшкой.

Вскорѣ они перешли въ вагонъ и молча стояли въ
проходѣ, гораздо болѣе далекіе, чѣмъ до перваго раз-
говора. Иногда одного слова достаточно, чтобы чело-
вѣкъ сталъ вдругъ роднымъ, а иной расскажетъ всю
свою жизнь съ подробностями и не сдѣлается отъ этого
ближе: бываютъ такія призрачныя бесѣды, въ нихъ то-
что желанно въ приближающемся чело-вѣкѣ,—его тани-
ственный обликъ,—словно не нашталось, не уплотнилось
не затрепетало жизнью, не взволновало.

Людмила Степановна чутьемъ поняла это и равноду-
шіе своего собесѣдника. Онъ стоялъ, заложивъ по-воен-
ному большой палецъ за пуговку жилета, и глядѣлъ
на завитушку прессованныхъ обоевъ. Ротъ его уже нѣ-
сколько разъ силился сдержать зѣвокъ. Толстая, опрят-
ная женщина-проводникъ—принесла бутылочки съ виномъ
и поставила противъ каждаго купѣ. Въ концѣ прохода
пріоткрылась наружная дверь, возникло морозное облако,
и на мгновеніе появилось обвѣтренное лицо юноши въ
лыжномъ колпачкѣ. Людмила Степановна посмотрѣла на
ручные часики (было безъ пяти десять), поставила ма-
ленькую ногу на рѣшотку щелкающаго отопленія и ска-
зала негромко, со вздохомъ:

— Мнѣ хочется, чтобы вы простили меня: вы первый,
кто при мнѣ не позволилъ ругать Россію. Я тоже бы

якаго оборвала. Но мы такъ разнузданы. Отъ вашего
экаго слова мнѣ стало вдругъ тепло.

— Ну, и вы меня простите за рѣзкость,—отвѣтилъ
Никита Алексѣевичъ добродушно.—У насъ еще не
принимаютъ, какъ за два года мы точно прожили цѣ-
лый вѣкъ, подтянулись и возмужали. До войны я былъ
лѣлымъ и много спалъ, ей-Богу, а сейчасъ похудѣлъ
во мнѣ все на вожжахъ. А вы въ самомъ дѣлѣ въ
Америку ѣдете?

— Я подписала контрактъ на тридцать симфониче-
скихъ концертовъ.

— А, это другое дѣло, а я думаль...

— Что вы думали?—спросила дама немного слыш-
комъ поспѣшно.

— Что вы такъ... для забавы...

— Я—одинокій чело-вѣкъ,—помолчавъ проговорила
Людмила Степановна и опустила глаза,—мнѣ тоскливо
одолгу жить на одномъ мѣстѣ. Женщинѣ въ тридцать
лѣтъ, безъ семьи и привязанностей, очень трудно.—Она
передернула плечами.—Какъ холодно, я плохо сплю въ
порогѣ. А вы меня растревожили, ужъ не знаю чѣмъ.
Я буду думать всю ночь,—она грустно улыбнулась,—хо-
дите сдѣлать доброе дѣло? Пожертвуйте мнѣ нѣсколько
рублевъ, пойдемте.

Она открыла купѣ, гдѣ сильно пахло духами, висѣла
дубка и въ сѣткѣ лежалъ крошечный чемоданъ,—
есть ея багажъ,—усадил Никиту Алексѣевича на бар-
хатный диванъ, сама сѣла у окна на столикъ, охватила
поднятое, худое колѣно и сказала:

— Можете курить и дремать...

Это было сказано хорошо. Послѣ этого они молчали
довольно долго. Щелкало отопленіе. Стукали колеса:
Путь далека, путь далека, путь далека». Никита Але-
ксѣевичъ слѣдилъ за сизою струйкой дыма, потомъ за
женской ногой, тонкой въ шиколкѣ, затянутой въ чер-

ный чулокъ, покачивающейся близъ его лица, и ему стало грустно и довѣрчиво.

— Мы оба холостяки,—сказала онъ,—прожили по жизни и встрѣтились, точно возникли изъ небытія, черезъ день исчезнемъ другъ для друга, раскатимся, какъ два перекати-поля. А что можетъ быть ближе и нужнѣе, какъ человѣкъ человѣку? Я когда-то надѣялся... Да что тамъ... Правда, самая грустная вещь на свѣтѣ—короткая встрѣча въ пути.

Онъ взглянулъ на Людмилу Степановну. Нагнувъ к нему голову, она слушала внимательно, встревоженно. Полуприкрытый прядью волосъ, лобъ ея наморщился.

— Бываютъ минуты, которыхъ не забудешь во всю жизнь,—проговорила она медленно.

— Не знаю, не испытывалъ. Вотъ юношескія бредни не забываются, вы правы.

— Нѣтъ, нѣтъ. Минуты безумія, страсти, налетѣвшей, какъ вихрь...

Тогда Никита Алексѣевичъ поморщился: «Эхъ, что онъ какъ выражается», и вдругъ, будто догадавшись, опустил глаза и покраснѣлъ. Дама соскользнула со столика. Онъ не видѣлъ, что она дѣлала, слышалъ только нѣсколько легкихъ вздоховъ и крѣпко сжалъ зубы. Такъ онъ могъ «выдержать какую угодно атаку». Ясно, что бесѣда скочилась съ плавнаго хода и всѣ чувства ринулись къ ближайшему выходу, наиболѣе простому и короткому за которымъ—пустота, равнодушіе, досада, мерзкая усталость. Затѣмъ онъ поднялъ глаза. Людмила Степановна стояла у стѣнки, заложивъ руки за спину.

— Вы очень пугливы,—сказала она.

— Да, вы правы.

— Поблѣднѣли отъ шороха юбки. Бѣдняжка.

— Если бы вы мнѣ не нравились, я бы не поблѣднѣла.

— Я вамъ нравлюсь? Странно. А мнѣ показалось, что вы предположили во мнѣ большую настойчивость и струсил, —она надвинула брови на сердитые глаза

постучала каблучкомъ.—Увѣрю васъ, что вы ошибаетесь.

— Вотъ именно этого я и боялся,—проговорилъ Никита Алексѣевичъ поспѣшно.—Я прошу очень, очень извинить меня.

— За что? Вы, кажется, вели себя на-рѣдкость скромно.

— Разумѣется, дѣло не въ поступкахъ.—Съ трудомъ, выражаясь туманно, онъ проговорилъ:—Съ женщинами надо быть очень осторожнымъ. Когда приближаешься къ женщинѣ внезапно—тысяча мелкихъ соблазновъ начинаетъ отвлекать отъ самаго главнаго, застилать глаза густымъ чадомъ. И, вмѣсто любви истинной и роскошной, радости такой совершенной, что нѣтъ ей равнаго въ природѣ, получается почти то же самое, но мгновенное, какъ холодный потъ; тотъ же поцѣлуй, но мертвый; та же почти ласка, но ложь. Вотъ что страшно. А любовь—въ отдачѣ всего себя, въ забвеніи такомъ же полномъ, какъ смерть. Я все это пережилъ, перечувствовалъ на одномъ мерзломъ полѣ, гдѣ валялся въ канавѣ пять недѣль. Тамъ существовало только одно,—смерть. Я не хотѣлъ помириться съ ней, но, казалось, не было ничего столь же могущественнаго и вѣчнаго. Даже память моя стала тлѣніемъ, потому что обнажила мишуру на томъ, что волновало когда-то «безумными мгновениями». И тамъ я много разъ пожалѣлъ, что не люблю. Мой пріятель, лежавшій рядомъ, прапорщикъ, былъ влюбленъ въ дѣвушку, которую, съ его словъ, мы всѣ звали милочка. И онъ не замѣчалъ ни мерзлаго поля, ни пушекъ, ни бомбъ. Онъ презиралъ ихъ, не хотѣлъ думать о смерти. Онъ говорилъ: «Мнѣ кажется,—вотъ это тѣло лишь маленькое ядрышко въ другомъ моемъ невидимомъ и огромномъ тѣлѣ. Это ядрышко я поддерживаю консервами, чаемъ и табакомъ, а все тѣло мое до тѣхъ поръ томилось и голодало, покуда я не встрѣтилъ милочку. Теперь, въ сущности, я, котораго ты видишь, съ головой,

руками и животомъ, почти не нуженъ. Конечно, умирать не охота, но не страшно, пойми ты меня, когда главное теперь не умереть, когда люблю. Его ранили, увезли, очень былъ доволенъ.

Никита Алексѣевичъ долго рассказывалъ про войну, о себѣ и товарищахъ. Людмила Степановна сидѣла рядомъ. Онъ положилъ ладонь на ея руку. Когда же она прислонилась къ его плечу головой,—замолкъ съ улыбкой, осторожно поднялся и, проговоривъ,—«я васъ утомилъ, спите, спите», на цыпочкахъ вышелъ изъ купэ.

Дверь за нимъ задвинулась. Людмила Степановна открыла глаза, сжала кулачокъ и ударила въ ярости по бархатной подушкѣ.

Въ полночь къ ней вошелъ широкоплечій юноша, въ колпачкѣ, сѣлъ на диванъ, уперся огромными башмаками въ стѣну и, закутавшись дымомъ изъ трубки, сказалъ:

— Надо бы порасторопнѣе.

Людмила Степановна смолчала. Оправляя волосы высоко поднятыми руками, она держала шпильки въ зубахъ, и сонные глаза ея и щеки казались увядшими, а всѣ движенія рѣзкими и злыми. Задѣвъ локтемъ юношу, она прошипѣла сквозь шпильки:

— Вы мнѣ мѣшаете. Уходите съ трубкой.

Онъ отодвинулся и, лѣниво спрятавъ трубку въ карманъ, сказалъ:

— Надо все дѣло кончить до границы. Мнѣ будетъ трудно переходить. Вы рискуете ѣхать дальше одна.

— Перейдете. Я одна не побѣду. Вамъ это извѣстно лучше меня.

— Ну-съ, а если подстрѣлятъ?

Людмила Степановна дернула плечами. Послѣ нѣкотораго молчанія юноша спросилъ еще лѣниво:

— Что же, вы ему не правитесь, что ли?

Тогда дама пришла въ ярость. Волосы ея разсыпались, лицо передернулось и стало безобразнымъ. Съ прекрас-

ныхъ губъ посыпались безмысленныя фразы, заносчивыя, то жалкія, то мстительныя. Юноша, боясь шума, выскользнулъ изъ купэ.

На площадкѣ, раскуривъ трубку, онъ прислонился къ желѣзному столбику; вътеръ и снѣгъ рѣзали его квадратное, твердое лицо; прищуренные глаза различали въ неясной мглѣ ровныя, бѣлыя поля, темныя конусы чахлыхъ елей; на сѣверѣ надъ землей разливался мертвый ночной свѣтъ.

Черезъ нѣсколько минутъ на площадку вышла Людмила Степановна, закутанная въ шубку и платокъ. Морщась, она сказала:

— Его дверь закрыта изнутри на цѣпочку. Онъ остороженъ.

Юноша заслонилъ даму отъ вѣтра, и они начали совѣщаніе.

А Никита Алексѣевичъ спалъ долго и крѣпко. Видѣлись ему, кажется, хорошіе сны, но поутру ничего не припомнилъ. Одѣваясь, онъ съ улыбкою снялъ съ пуговицы пиджака свѣтлый женскій волосъ. Какъ хорошо, что вчера все обошлось благополучно. Иначе бы сидѣлъ сейчасъ съ растрепанной головой, курилъ папирсы, думалъ: «Ахъ, чертъ, какъ это такъ все глупо вышло»... Сейчасъ было сознаніе, хоть и маленькой, но побѣды. Голова ясная, всѣ мускулы напряжены, сердце бьется ровно и сильно. И впереди нѣсколько дней прелестной близости, бесѣды, въ которыхъ съ каждымъ словомъ открываются новыя заслоночки въ челоуѣкѣ. Утро было морозное и солнечное.

Но за весь этотъ день Никитѣ Алексѣевичу мало удалось видѣть прекрасную даму. Она встрѣтила его утомленная, подъ вуалью, въ шапочкѣ съ крылышками, сказала, что очень беспокоится о багажѣ и страдаетъ мигренью. Дѣйствительно, на пограничномъ вокзалѣ она сидѣла за клеенчатымъ столомъ среди пассажировъ, сундуковъ, свертковъ и грязныхъ тарелокъ, такая печаль-

ная, такъ подпирала кулачкомъ щеку, что Никитѣ Алексѣвичу стало ее жаль. Онъ глядѣлъ на нее издали и думалъ, — «ѣдетъ въ Америку, но, по всей вѣроятности, вретъ; болятъ всѣ нервы и поутру приречетъ лицо; говоритъ пошлости, а глаза мрачны; и нельзя ее ни приласкать, ни успокоить, потому что и сама она уже не захочетъ ни ласки, ни успокоенія; а кончитъ или въ сумасшедшемъ домѣ, или отравится въ припадкѣ ярости подь сорокъ лѣтъ.»

Ему очень хотѣлось подѣбать и заговорить, но мѣшала суета съ багажомъ, паспортами, затѣмъ переѣздъ на санкахъ черезъ границу, осмотрѣ. Въ седьмомъ часу его вещи перенесли въ низенькій и теплый рестораникъ близъ шведскаго вокзала. Здѣсь было чисто, бѣло, пахло краской, на спиртовкѣ варился кофе и шигѣль, какъ шмель, керосиновый фонарь подь низкимъ потолкомъ. За переплетомъ квадратныхъ оконъ простиралась полярная ночь. Подѣбжали на санкахъ пассажиры. Никита Алексѣвичъ надвинулъ шапку и вышелъ. У края земли на сѣверѣ мерцалъ свѣтъ. Тонкій и мертвенный, онъ охватилъ звѣздное небо голубоватымъ секторомъ. Выше его горѣли ясныя созвѣзды. Морозный, едва свѣтящійся снѣгъ покрывалъ ровныя поля съ чернѣющими зубцами елей. Все это казалось мертвымъ, точно бывшимъ когда-то, и въ этой темной пустынѣ онъ ясно чувствовалъ, какъ бьется комочекъ живого сердца. Невдалекѣ заскрипѣлъ снѣгъ; Никита Алексѣвичъ взглянулъ: изъ неяснаго сумрака выскользнулъ на лыжахъ высокій человекъ, въ фуфайкѣ и колпакѣ, пролетѣлъ мимо и скрылся за низкимъ строеніемъ. Лица его не было видно, только блеснули зрачки.

«Что бы это значило?—подумалъ Никита Алексѣвичъ, припоминая блеснувшіе, словно кошачьи, глаза,—какое странное освѣщеніе!» Потомъ ему стало казаться, что жизнь у Людмилы Степановны пустынная и лютая, какъ эта равнина, и ея жалкое сердчишко въ тоскѣ трепещетъ

смерти. И что онъ, Никита Алексѣвичъ, за такой герой, чтобы уберечь ее отъ соблазновъ. Онъ жестоко обидѣлъ ее вчера, прочелъ мораль, и пожелалъ спокойной ночи съ глубочайшимъ своимъ превосходствомъ!

Никита Алексѣвичъ даже крикнулъ и полѣзъ въ карманъ за папиросами. Теперь мысли его словно бродили тревожно вокругъ чего-то неисполненнаго. Позади хлопнула дверь, и отъ желтоватаго свѣта, льющагося сквозь квадратное окно ресторана, отдѣлилась женская фигура. Никита Алексѣвичъ широко зашагалъ ей навстрѣчу.

— Возьмите лѣвѣе,—крикнулъ онъ,—здѣсь сугробъ, и, подойдя къ Людмилѣ Степановнѣ, взялъ ея еще теплую руку безъ перчатки и поцѣловалъ. Она стояла совсѣмъ близко, довѣрчиво, подыая къ нему лицо.

— Я васъ искала,—проговорила она тихо.

Онъ глядѣлъ, какъ на ея печальномъ и тонкомъ лицѣ лежалъ отблескъ сѣвернаго сіянія. Большіе глаза окружены тѣнью и въ зрачкахъ—искорка звѣздъ. Она казалась ему чудесной. Ея маленькая рука неподвижно лежала на рукавѣ его шубы.

— Милая, бѣдняжка,—сказалъ Никита Алексѣвичъ.

Ея лицо не измѣнилось. Прелестный ротъ былъ серьезень. Онъ наклонился и поцѣловалъ ее въ губы. Она вздохнула. Сѣрый мѣхъ ея шубки былъ приоткрытъ, видна шея и ниточка жемчуга. Никита Алексѣвичъ застегнулъ воротникъ и повторилъ:—«Бѣдняжка!» Вдалекѣ протяжно и уныло засвистѣлъ поѣздъ.

...Снова лежа въ купѣ, съ горящей темно-синей лампочкой надъ койкой, Никита Алексѣвичъ повторялъ черезъ нѣкоторое время:

— Волшебство. Колдовство!

Давеча на снѣгу не сказано было больше ни слова: стояли молча, точно во снѣ, покуда не пришли носильщики. Сейчасъ Людмила Степановна, должно-быть, спитъ. Всѣ мысли и чувства Никиты Алексѣвича въ необычай-

номъ напряженіи сосредоточились на этой, спящей за стѣнкой, чужой ему женщинѣ. Это ли было не колдовство!

Неожиданно онъ вскопчилъ, распаковалъ чемоданъ, вынулъ бритву и побрился. Спать ничуть не хотѣлось. Припомнилась строчка: «Любови роскошная звѣзда ты закатилась навсегда. О, мой Ратмиръ». Онъ повторялъ ее, наконецъ, застегнулъ жилетъ и вышелъ въ коридоръ. Поѣздъ стоялъ на первой остановкѣ у маленькой, занесенной снѣгомъ станціи, гдѣ вдоль вагоновъ прохаживался солдатъ въ бѣломъ козьемъ воротникѣ и такихъ же наушникахъ, похожій на куклу. На перронѣ изъ-за снѣжныхъ елей быстро вышелъ широкоплечій человекъ въ фуфайкѣ, взглянулъ на окно и прыгнулъ въ вагонъ. У него были тѣ же глаза, что у давешняго лыжника, и вообще лицо страшно знакомое. «Странно»,—подумалъ Никита Алексѣвичъ, потрогалъ парусиновый пакетъ на груди и вновь почувствовать нелѣбую, смѣшную радость.

Среди ночи онъ нѣсколько разъ просыпался и повторялъ: «Любови роскошная звѣзда!» ударялъ кулакомъ въ подушку и со смѣхомъ засыпалъ вновь. Однажды различилъ злой мужской голосъ, упрекавшій кого-то въ медлительности и трусости. «Континентъ Континентъ»...—повторялъ голосъ и, наконецъ, расплылся, смѣшался со стукомъ колесъ.

Какъ сонъ промелькнулъ весь слѣдующій день. Людмила Степановна была молчалива и особенно трогательна какой-то почти робкой покорностью. Когда Никита Алексѣвичъ звалъ ее къ завтраку, она отвѣчала: «Хорошо», и сейчасъ же шла впереди него, придерживая накиннутую шубку. Нѣсколько разъ онъ ловилъ ея пристальный, недоумѣвающий взглядъ, и сейчасъ же она отводила глаза съ испугомъ, точно пойманная. Никита Алексѣвичъ чувствовалъ себя пристыженнымъ, безконечно взволнованнымъ, и для чего-то подробно

разсказывалъ о значеніи кавалеріи въ современной войнѣ.

Поѣздъ летѣлъ въ лѣсистыхъ горахъ, покрытыхъ снѣгомъ. За окномъ ресторана проплывали красные домики изъ ибсеновскихъ пьесъ, обмерзшіе водопады, черныя стѣны лѣса, мосты...

Людмила Степановна взглянула на расписаніе (черезъ нѣсколько минутъ должна быть остановка), прижалась къ стеклу и проговорила:

— Вонъ на горѣ краснѣетъ крыша. Прожить въ томъ домикѣ до весны... Быть-можетъ, вамъ покажется страннымъ, но я очень люблю уединеніе, снѣгъ, чистыя комнаты. Никто такъ и не догадался использовать меня, какъ хозяйку и добрую подругу.

Она покачала головой, глядя въ окно, и, спустя немного, поморщилась. Поѣздъ засвистѣлъ, подходя къ остановкѣ.

— И вы бы не соскучились въ уединеніи?—спросилъ Никита Алексѣвичъ.

Тогда съ ней произошло странное: она рѣзко повернулась къ сидящимъ въ вагонъ-ресторанѣ, затѣмъ отчаянно, точно не видя, взглянула въ глаза Никитѣ Алексѣвичу и низко наклонила голову, ища что-то въ сумочкѣ на колѣняхъ; волосы скрыли ея лицо.

— Выскочить тайно отъ всѣхъ, безъ багажа, остаться на зиму, безумство, конечно...—прошептала она.

Поѣздъ остановился. Беспорядочныя молніеносныя идеи овладѣли мозгомъ Никиты Алексѣвича. Но онъ продолжалъ сидѣть. За окошкомъ шведъ, въ каракулевой шапкѣ съ бляхой, поднялъ руку. Въ самый мозгъ вошелъ дикій свистъ паровоза. Поѣздъ тронулся. Людмила Степановна разжала руки и точно опустилась.

Затѣмъ они въ сотый разъ стояли въ проходѣ, сидѣли въ кулѣ, произнося слова, не имѣющія никакого смысла, боялись своихъ движеній, прикосновеній рукъ. Никита Алексѣвичъ глядѣлъ на нее, не отрываясь, и все оболь-

стительнѣе казался ему каждый ея волосокъ. Когда встрѣчались ихъ глаза,—пропадалъ шумъ поѣзда и останавливалось время.

Мимо ихъ открытаго купэ проходилъ толстякъ, въ пальто и мишиномъ жакетѣ. Взглянувъ на красивую даму, онъ неожиданно споткнулся, выронилъ сигару и сказалъ: «Виновать». Людмила Степановна ладонью закрыла глаза и засмѣялась. Никита Алексѣевичъ захлопнулъ стеклянную дверь и дернулъ занавѣсъ. Она продолжала смѣяться. Тогда онъ притянулъ ее къ себѣ, обнялъ и сталъ поцѣловать. Она молчала и вдругъ, вскочивъ, сопротивляясь, воскликнула отчаянно:

— Только не это. Ради Бога. Не здѣсь. Не сейчасъ. — Лицо ея исказилось. Никита Алексѣевичъ взялся за голову и вышелъ изъ купэ; въ коридорѣ столкнулся съ кѣмъ-то, живо отскочившимъ; прошелъ къ себѣ и легъ ничкомъ...

...Пробудила его увѣренность, что она здѣсь, и онъ быстро сѣлъ на койкѣ. У двери стояла Людмила Степановна, прижимая что-то обѣими руками къ груди; сильный электрическій починкъ свѣтилъ надъ ея головой. Всѣмъ тѣломъ потянулся было къ ней Никита Алексѣевичъ, но тотчасъ опустилъ руки,—такой ужасъ появился въ ея мерцающихъ глазахъ.

— Что вы дѣлаете?—прошепталъ онъ, и вдругъ понялъ все, что произошло и сейчасъ и за эти три дня.— Положите пиджакъ,—сказалъ онъ отрывисто; когда же она качнулась къ двери, быстро схватилъ ее за худую, бессильную руку у локтя и повторилъ:

— Вы съ ума сошли... Вы съ ума сошли...

Она бросила одежку:

— Я хотѣла только посмотреть... Миѣ не нужно... Я не могла иначе... Онъ приказалъ. Онъ не пожалѣтъ... Выдастъ. Убьетъ. Я ничего не трогала... Возьмите...

Она дрожала всѣмъ тѣломъ, глядя на Абозова, натягивающаго пиджакъ.

Затѣмъ онъ всталъ и замкнулъ дверь, сдѣлавъ это почти безсознательно, такъ же полѣзъ въ карманъ, вынуть револьверъ, но тотчасъ опустилъ на мѣсто, проворивъ:

— Вамъ придется вылѣзти на первой же станціи.

Она отвѣтила шопотомъ:

— Спасибо.

— Подождите,—рѣзко перебилъ онъ;—я васъ не пущу; сами понимаете,—не я, такъ другой попадетъ. Сидите.—И она сейчасъ же присѣла, продолжая глядѣть въ глаза. Тогда онъ, совсѣмъ уже не зная для чего, спросилъ:

— Зачѣмъ вы врали?

— Я не врала. Я васъ люблю...

Это было неожиданно, дико, нагло. Абозовъ пробормоталъ:

— Не смѣйте говорить объ этомъ...

— Клянусь вамъ...

Она даже привстала, чтобы всмотрѣться, и, понявъ, что онъ ничему теперь не повѣритъ, все же повторила шепотомъ, невѣрнымъ голосомъ, что любить. Ему захотѣлось прибить ее, накричать, но даже горло перехватило отъ отвращенія. Тихимъ, точно соннымъ, голосомъ она проговорила:

— Ударьте меня или убейте, не все ли равно. Когда вы меня поцѣловали въ снѣгу,—я въ васъ влюбилась. Я васъ люблю два дня. Ни одинъ человекъ не былъ миѣ такъ милъ. Я продажная, воровка и шпионка. Вы моей жизни не знаете. Но передъ вами я ни въ чемъ не виновата. Милый, любимый, страсть моя...

У нея стучали зубы.

— Что вы тамъ бормочете... Я запрещаю, слышите! Молчите,—крикнулъ онъ, сжимая кулакъ.

Любовь Степановна опустила голову, и онъ услышалъ звуки, точно глотала слюну...

— Вы не одни, съ вами спутникъ?—спросилъ онъ.—

Она кивнула.—Вы должны были передать ему украденные документы? Онъ въ нашемъ поѣздѣ? Мальчишка въ вязаной шапкѣ? Я такъ и зналъ.

Онъ нарочно спрашивалъ громко, рѣшительнымъ голосомъ: дышать было нечѣмъ въ купэ. Онъ синяго, неяснаго свѣта Людмила Степановна, сидящая комочкомъ казалась еще меньше и беззащитнѣе... Откашлявшись онъ сказалъ:

— Я выйду, а вы тутъ посидите.

И, очутившись въ коридорѣ, сталъ вытираться платкомъ. «Ну, конечно, врать! И вздохи, и слезы, и тотъ дурацкій поцѣлуй! Просто—ловкая баба. Еще бы мы нутка... И, Боже мой, непоправимо! Уфъ!..» Бормоча и спотыкаясь, онъ пошелъ подальше отъ купэ. «Нѣтъ матушка, съ такими, какъ вы, не церемоняйся... Другой бы прямо—баць изъ револьвера, потомъ—пожалуйте вяжите меня, и быть бы правъ».

Съ площадки неожиданно открылось Никитѣ Алексѣвичу изумительное зрѣлище; поѣздъ огибалъ круто, склонъ горной гряды, лежащей подковой, и глубоко внизу куда отвѣсно падали скалы, разстилалось огромное и длинное озеро, залитое луннымъ свѣтомъ. Круглая луна не высоко висѣла надъ шестиступенчатымъ хребтомъ; изгибы горъ чередовались черными и ослѣпительно-снѣжными планами.

Вдругъ вагонъ нырнулъ въ туннель, темнота ударила по глазамъ. Никита Алексѣвичъ невольно отшатнулся отъ желѣзной дверки открытой площадки, и въ это время крѣпкія руки сзади охватили его шею и съ силой пригнули внизъ.

Нападавшій былъ тяжелъ, мускулистъ, сильно давилъ, наваливаясь, и пальцы его съ бѣшеной торопливостью мяти и сдавливали горло. Никита Алексѣвичъ на секунду потерялъ сознание, затѣмъ почувствовалъ, какъ тотъ, продолжая одною рукой душить, другою шаритъ въ карманъ. Онъ крѣпко схватилъ эту руку ниже кисти

и она хрустнула. Нападавшій замычалъ и рванулся, увлекая на ноги и Никиту Алексѣвича. Въ темнотѣ они продолжали борьбу, отбрасывая другъ друга въ входной рѣшеткѣ; грохотъ колесъ заглушалъ вскрики. Очевидно, у нападавшаго была сильно повреждена рука, онъ слабѣлъ. Туннель такъ же внезапно окончился, сильный лунный свѣтъ ударилъ въ лицо. Абозовъ увидалъ знакомые свѣтлые безъ зрачковъ глаза, и съ тою быстротою, которая овладѣвала имъ во время штыковыхъ атакъ, когда открытый ротъ не слышитъ крика, ноги не чувствуютъ раздрающихъ ихъ проволокъ, нѣтъ боли, страха, выкатываются глаза, и только лютая, дикая, пьяная злоба велитъ колотить и рубить, такъ и сейчасъ онъ выподнялъ противника, швырнулъ его спиной о желѣзную рѣшетку и разжалъ руки. Юноша глухо ахнулъ, перевалился и упалъ на камни; но здѣсь тѣло его, точно одхваченное землей, перевернулось, подскочило и колесомъ понеслось по обрыву въ озеро. Никита Алексѣвичъ закрылъ глаза.

Поѣздъ остановился на разъѣздѣ. Абозовъ, покачиваясь, вошелъ въ вагонъ; дверь купэ была открыта, Людмила Степановна исчезла. Онъ тяжело опустился на койку, положилъ на столикъ локти, въ нихъ голову и задремалъ.

Не спавши всю ночь, съ болью въ вискахъ, помятый и желтый, Абозовъ съѣлъ, наконецъ, на пароходѣ, въ 300 тоннъ, грузившій бумагу и кожи.

Дулъ сильный вѣтеръ съ моря. На набережной по вѣтру и грязи хлопали прохожіе, гремѣли окованные колеса фуръ; широкорожіе моряки, въ негнущихся сапогахъ и кожаныхъ шляпахъ, топтались у скрежетавшихъ лебедокъ, катили бочки, и вѣтеръ отдувалъ полы ихъ ватныхъ куртокъ. Нѣсколько дамъ, съ дѣтьми и няньками, дрожали отъ холода около изящныхъ чемодановъ, прощенныхъ въ грязь. Юркій агентъ Кука, въ картузикѣ съ галунами, неизмѣнно улыбаясь (что входило въ его

обязанности доказывать путешественникамъ легкость
приятность путешествія), приставалъ къ сердитому госп
дину въ очкахъ, боровшемуся съ вѣтромъ, съ агентомъ
съ одышкой, съ грязью, летящей съ автомобильныхъ
шинъ. Надъ сѣвернымъ мокрымъ городкомъ, расположе
номъ по склонамъ горной подковы, волоклись сѣрые
облака, задѣвали за шпиль кирокъ, за сосны, бурья скалы
и ползли вверхъ по лѣснымъ гребнямъ.

То стоя на палубѣ, то забредая во внутрь пароход
Никита Алексѣевичъ мучился изжогой и тѣмъ, что
сихъ поръ не выяснилъ номеръ каюты. Хотѣлось зав
литься поскорѣй и спать до Англии.

Въ это время въ каютѣ-компаніи двѣ поджарыя, до
жилыя женщины, въ крахмальныхъ фарукахъ и чепцахъ
и блѣдный красавецъ-лакей, растрепавшій съ утра на
помаженный кокъ, ссорились вполголоса и накрыва
бѣлоснѣжный столъ серебромъ, хрусталемъ, багровыми
омарами, глыбами сыра, кусками холодной свинины
мяса.

Наверху, въ курительномъ салонѣ съ окнами
затянутыми прозрачными снимками съ норвежскихъ
курортовъ, десятка два мужчинъ курили сигары
трубки, пили аперитивъ. Здѣсь были шведы, датчане
широкоплечіе сѣверо-американцы, норвежцы, со щеками
обвѣтренными въ горахъ. Всѣ одѣты въ крѣпкую
обувь, въ свободное сукно, имѣли отъѣнный аппетитъ
веселый нравъ и неизмѣнное душевное равновѣсіе.

На палубѣ звенѣлъ колоколь, скрежетали цѣпи леб
докъ, гремѣли катящіяся боченки, и слова команды ра
давались круто и точно. Въ рядахъ сильно свистѣлъ вѣ
теръ. Это былъ иной мѣръ, бодрый и свѣжій, безконеч
но далекій отъ вагонныхъ переживаній. И вспоминать
копаться въ своихъ чувствахъ казалось такъ же совсѣ
стно, какъ если бы Никита Алексѣевичъ привелъ свою
пьяную проститутку и сидѣлъ бы съ ней, обнявшись
за табльдотомъ.

Пароходъ вышелъ изъ гавани и повернулъ на юго
падъ, почти навстрѣчу сильному вѣтру; началась кач
ка. Тяжелыя волны били въ правый бортъ, поминутно
ливная иллюминация зеленоватой, гнистой влагой.
Каюта вмѣстѣ съ койкой, занавѣсами и лакированнымъ
ивальшикомъ кренилась, трещала и не успѣвала опра
виться, какъ обрушивался новый валъ.

Никита Алексѣевичъ вышелъ на верхнюю палубу; онъ
отно, какъ и всѣ, пообѣдалъ, выпилъ нѣсколько стака
новъ вина, и, возбужденный густымъ, соленымъ вѣтромъ,
држкимъ бургундскимъ и движеніемъ высокаго пароход
на носу, съ упрямой мощью взрѣзывающаго волну за
волной, ходилъ по мокрой палубѣ, поднимая воротникъ,
исѣдая во время крена или придерживаясь за поручни.
ему было вольно стоять подъ ледяными брызгами, на
вѣтру, словно выдувавшему всю затхлость изъ закоул
ковъ души. Онъ не чувствовалъ ни угрызенія совѣсти, ни
тѣхъ послѣ вчерашней «перепалки»: человекъ, сброшен
ный имъ подъ откосъ, былъ не его врагъ или соперникъ,
врагъ арміи, всего народа; и вина смерти словно раз
блалась на всѣхъ, да и не было вины, а только му
ка неудачи, взятаго верха. По-иному обстояло съ Людми
рой Степановной; здѣсь уже выручали вѣтеръ и величіе
сѣвернаго моря. Онъ понималъ, что виноватъ ужасно,
маялся отвращеніемъ и жалостью. Это чувство было
олѣзненное и певѣрное, но, когда вспоминалась изму
ченная страхомъ, полоумная, изолгавшаяся женщина, ко
точкомъ сидящая въ углу дивана, ея острыя плечи и
давленные звуки, точно она глотала слюну, Никита Але
ксѣевичъ морщился, говорилъ: «Эхъ», и прищурясь, гля
дѣлъ на воду.

Мутныя, изсиня-сѣрыя волны, пронизанныя тѣною во
сю толщину, громоздились, какъ холмы, одна на одну,
гумчались, шинѣли; вѣтеръ срывалъ и стлалъ ихъ бѣ
лые гребни; треща, парходный корпусъ поднимался на
скосокъ на эту живую гору, мачты и рей клонились;

ность повисала надъ бездною и, спустя мгновеніе, упала внизъ, въ водную долину, а громада воды обрешивалась за кормой. И снова громоздились холмы холмы, загораживая небо. Низкія, рваныя тучи проносились надъ водою, словно зарывались въ нее, и косыми полосами сыпалась изъ нихъ крупа и ледяной дождь. Холодное сѣрое небо, взлохмаченное море и вѣтеръ и невольная печаль сѣвера юковывали душу.

«Я не поэтъ и не миссіонеръ, а простой солдатъ,—думалъ онъ; и поступить иначе не могъ, а другой сдачи бы ее на моемъ мѣстѣ жандарму. А все-таки жалко чортъ ее возьми, и поступилъ я гнусно».

Солнце, невидимое весь день, проглянуло не надо изъ-за лиловой тучи, залило багровамъ свѣтомъ ея уступы, похожіе на сталактиты, освѣтило косыя полосы градныхъ гребни волнъ, ставшихъ еще больше и словно безшумно приблизились. На мачтахъ зажгли огни. Море померкло и приблизилось. Дрожь отъ холода Никита Алексѣевичъ шель въ курительную.

Здѣсь только два норвежца, красные отъ духоты, играли въ лото, да сердитый господинъ въ очкахъ и бутылки виски, держа бутылку содовой между колѣнъ. Абозовъ перелисталъ журналы, просмотрѣлъ каталогъ патентованной домашней посуды, покосился на сердитаго господина, который, борясь съ тошнотой, силится и не могъ зажечь холодную сигару, зѣвнулъ и побрелъ внизъ.

Въ коридорѣ его остановила горничная, проговоривъ шопотомъ:

— Васъ желаетъ видѣть одна дама. Пожалуйте за мной.

— Какая дама? Я никого не знаю. Что за чушь?—отвѣтилъ онъ, берясь за мѣдную штангу,—такъ вдругъ почувствовались качка, и головокруженіе, и духота. Какакая дама, спрашиваю я...

И сейчасъ же пошелъ вслѣдъ за лукавой горнич-

ной, отворившей дверь крайней каютки. Здѣсь съ порога онъ увидѣлъ Людмилу Степановну, лежащую въ кружальномъ, но растерзанномъ капотѣ, на какомъ-то тигровомъ одъялѣ. Къ головѣ ея прислоненъ пузырь съ горячей водой, рука безсильно свѣсилась до пола, и только глаза точно горѣли, сухіе и жадные.

— Я безумно страдаю,—проговорила она хриповатымъ голосомъ,—сядьте въ ногахъ. Я хотѣла васъ еще видѣть. Въ Англии меня арестуютъ. Но я ничего не прошу у васъ, пожалуйте меня. Никита Алексѣевичъ, сѣвъ въ ногахъ, держа шанку, проговорилъ сквозь зубы:

— Жалко...

— Я васъ люблю безумно. Я схожу съ ума. Мнѣ такъ не жить. Вы, вы, вы во всемъ виноваты. О, какъ страдаю.

Онъ схватилась за сердце, потомъ за горло и страшно поблѣднѣла. Припадокъ слабости миновалъ, и опять глаза ея загорѣлись.

— Только, чтобы отвязаться, я рѣшила украсть ему документы. Да, да,—она подняла руку и погрозила,—тебя ненавижу. Онъ зарѣзалъ бы васъ во снѣ, если бы не я. Такъ зачѣмъ же скрываете? Вы притворяетесь, вы лжете, вы любите меня. Вы не уйдете отъ меня.

Ею овладѣла слабость, лицо покрылось потомъ. Никита Алексѣевичъ сильно почесалъ за ухомъ у себя:

— Да поймите же вы, смѣшная женщина,—сказала она,—я не звѣрь и не халуи. Я не могу васъ любить, если бы даже и хотѣлъ. Ничего у насъ не выйдетъ.

— Вы не смѣете такъ говорить о любви.

— А мнѣ противно, когда вы употребляете это слово. Мнѣ здѣсь непріятно. Я уйду!—Онъ поднялся.

— Боже, какой мракъ!—закричала Людмила Степановна; цѣпляясь за его рукавъ,—почему вы меня разлюбили? Развѣ я хуже, чѣмъ третьяго дня? Я—лучше. Я всемъ пожертвовала, все отдала. Я—ваша, ваша, ваша!

Кружевной капотикъ сползъ съ голаго ея плеча. Она закатывала глаза. Николай Алексѣевичъ глядѣлъ на нее и думалъ:

«Вашъ—по-французски—корова, и вообще нѣчто грязное. Боже мой, какъ сдѣлать, чтобы не чувствовать себя лучше и чище этой женщины!.. Если бы она догадалась! Если бы рѣшилась!»

— Ну, прощайте,—сказалъ онъ, освобождая рукава.

Тогда Людмила Степановна быстро сунула руку въ подушку, вытащила маленькій черный револьверъ, который дрожалъ и вертѣлся у нея въ пальцахъ, приподнялась и стала цѣлиться. Абозовъ, стоя въ дверяхъ, пожалъ плечами: «Берется стрѣлять, а глаза закатываетъ»,—подумалъ онъ и сказалъ брезгливо:

— Подымите предохранитель.

Тогда Людмила Степановна швырнула револьверъ, ткнулась головой въ подушку, стиснула ее зубами. Абозовъ постоялъ, потеръ лобъ, наклонился надъ дамою и осторожно прикрылъ угломъ тигроваго одѣяла ея ноги, вышелъ.

Когда на слѣдующее утро пароходъ подвалилъ къ пустынной набережной и изъ воротъ желѣзнаго амбара вышли агенты тайной полиции, чтобы подняться на палубу для провѣрки документовъ, Абозовъ увидѣлъ въ толпѣ пассажировъ Людмилу Степановну. Кугаясь въ рубку и въ муфту, съ растерянной улыбкой, она пробиралась къ трапу; здѣсь ее остановили, и чиновникъ долго со всѣхъ сторонъ оглядывалъ паспортъ; затѣмъ отъ амбара отдѣлились два равнодушныхъ «бобби» и взошли на пароходъ. Никита Алексѣевичъ протолкался къ чиновнику, показалъ свою карточку, парусиновый пакетъ и положивъ руку на пышную муфту Людмилы Степановны, сказалъ:

— Эта дама ѣдетъ со мной. Я за нее ручаюсь.

Въ тотъ же день онъ самъ отвезъ ее на «Авраамъ Линкольна»,—пароходъ трансъ-атлантической линіи, от-

ходящій ночью въ Нью-Йоркъ,—и, прощаясь, сказалъ единственную фразу за весь день:

— Я не прошу простить меня. Я тоже никогда вамъ не прошу. Мы слишкомъ грѣшны. Когда вамъ понадобятся деньги,—сообщите. Будьте счастливы.

Людмила Степановна заплакала. Онъ сошелъ по сходнямъ внизъ и, не оборачиваясь, пропалъ въ темнотѣ.

КУЛИКЪ.

Каждую весну рѣка лѣзла изъ береговъ и въ вѣтренную ночь прорывала плотину. Все село сбѣгалось съ фонарями и лопатами глядѣть, какъ Чагра уходила въ степь. Вода шумѣла, ломался ледъ, выли собаки и ребятишки ревѣли со страху. До мая Чагра стояла такая мелкая, что раки въ неглубокихъ омутахъ кусали отъ голоду утокъ за лапы, коровъ—подъ копыта, мальчишекъ—за голое пузо. Потомъ рѣку запружали; по берегамъ она порастала камышомъ и утромъ казалась широкой и глубокой отъ тумана. По ней плавала птица ручная и дикая; съ бугровъ на берегъ сходило и пило стадо, и звонко весь день стучали вальки на мосткахъ.

Куликъ вмѣстѣ съ безштантными ребятишками ловилъ въ рѣкѣ противныхъ водяныхъ жуковъ, вытаскивалъ раковъ на кошачій хвостъ, нырялъ и плавалъ какъ лягушонокъ, и въ головѣ у него отъ постоянной мокроты водились водяныя блохи.

Когда шумѣлъ вѣтеръ Чагра синѣла и ходили по ней волны. Кулику становилось грустно, и онъ сидѣлъ на берегу, подперевъ кулакомъ немытое рыльце.

Въ ясный день послѣ дождя зажигалась въ небѣ радуга и опрокидывалась въ рѣкѣ; Куликъ думалъ, что это Богъ поѣхалъ въ синее поле за льномъ, и радуга—колесо его большой телеги.

Зимой рѣка задыхалась подо льдомъ и пускала пу-

зыри; они обозначались бѣлыми пятнами, и если ихъ проткнуть и поджечь, то надъ льдомъ поднималось холмоватое пламя. Куликъ лѣпилъ ледянку, заливалъ ее снизу водой и, держась за веревочку, скатывался вертупомъ съ высокихъ сугробовъ на ледъ. А, запыхавшись, любилъ нагнуться къ проруби, испить студеной водицы, пахнувшей дномъ, и подолгу глядѣть, какъ тамъ, въ зеленой глубинѣ, плавасть рыбешка и еще кто-то.

Такъ его и прозвали—Куликъ,—за то, что онъ, какъ птичка куликъ, все время сидѣлъ и скулилъ на рѣкѣ.

Когда же въ корявомъ окошкѣ избенки зажигалась жестяная лампа, Куликъ обѣими руками отворялъ дверь и появлялся на порогѣ. Мать говорила, вздыхая: «Поди, поѣшь горяченькой картошечки», вытирала ему пальцами носъ и обдергивала рубашку. Куликъ живо совалъ деревянную ложку въ горшокъ, потомъ въ ротъ, и глядѣлъ на печь, гдѣ, свѣсивъ ноги, сидѣлъ дѣдъ, либо молчалъ, либо кряхтѣлъ, почесывая старые бока.

Куличихина мать Матрена была баба тощая и невеселая; Иванъ, родитель Кулика, съ нею не жилъ; нанимался въ годовые работники на усадьбу, и хотя до дѣла былъ лютый, говорятъ, но запивалъ въ годъ разъ восемь. И всегда чуяла это Матрена, металась по избѣ, жить никому не давала, къ вечеру уходила на усадьбу и возвращалась оттуда совсѣмъ ужъ серьезная, просилась у сосѣдей въ баньку и долгія ночи простаивала потомъ у образовъ.

Разъ Куликъ увидѣлъ: на саняхъ по селу ѣдетъ отецъ; лицо блѣдное и злое, борода черная, кафтанъ разодранъ, а рядомъ съ нимъ сидитъ румяная баба; про нее такъ всѣ и говорили, что она солдатка. Проѣзжая мимо своей избы, родитель покосился; въ калиткѣ стояла Матрена и низко поклонилась мужу, а солдатка подняла бутылку съ виномъ, плеснула изъ нея и засмѣялась громко.

Дѣдъ-было не велѣлъ, а все-таки Матрена ушла въ тотъ день на хуторъ и не вернулась ни на слѣдующя, ни

на вторья сутки. Тогда дѣдъ надѣлъ полушубокъ, обмотался шарфомъ, взялъ Кулика за руку и пошелъ съ нимъ въ поле. Куликъ плакалъ; вдругъ дѣдъ говорить: «Мамка идетъ, не замерзла, живая». Куликъ увидалъ вдалекѣ на снѣгу мать. Она шла шибко, махала рукой, а когда поравнялась, отвернула только голову, не остановилась. Дѣдъ позвалъ ее вдогонку три раза по имени, потомъ сказалъ: «Куликъ, мамку-то били».

Куликъ бѣжалъ за матерью до самаго двора; она ни разу не обернулась, вошла въ избу и прямо сѣла на лавку. Одинъ глазъ у Матрены глядѣлъ, на другомъ—шишка, сама дурная и страшная. Дѣдъ распутался, влѣзъ на печь. Мать поманила Кулика, взяла за голову, прислонилась къ ней щекой и сказала: «Эхъ ты, Куличокъ мой, Куличокъ». Потомъ поставила его въ красный уголъ и наказала молиться, словъ не путать, а сама всѣ слова спутала, зашептала: «Божья Матерь, утоли моя печали! Уиду,—покрой мальчика покровомъ Пресвятыя Богородицы. Пожалѣй. Накажи Егорю, чтобы устеречь его; онъ и волковъ стережетъ; Егорій Храбрый и бычка стережетъ...»

Больше ничего не разобралъ Куликъ. Стало ему матушку жалко, и онъ сказалъ ей грубымъ голосомъ: «Буде ревѣть, мать. Чай, я не маленький, самъ управлюсь».

На другое лѣто Матрена ушла и вернулась только осенью; Куликъ сильно за это время подружился съ дѣдомъ. На весну отвезъ его дѣдъ въ городъ, опредѣлилъ въ легкіе извозчики.

Кулику обрили голову, выдали кафтанъ и шапку, сталъ онъ возить господъ, слушать ихъ разговоры, въ трактирѣ—пить чай съ мужиками. Было ему тогда одиннадцать лѣтъ.

Господа были всякіе,—сердитые и пустяковые; на извозчикахъ любили ѣздить всѣ; а тѣмъ, кто шелъ пѣшкомъ, Куликъ говорилъ съ козелъ: «А вотъ на рѣзвой».

Наймите извозчика. Прокачу». Учили они Кулика и гадкимъ словамъ, и французскимъ, и такимъ вещамъ, которыя мудрено было понять.

На углу Кошачьяго переулка сѣдился на Кулика каждое утро Семень Семеновичъ Рыбкинъ, въ калошахъ и съ книжками,—учитель. Найметъ за гривенникъ и разговариваетъ всю дорогу:

— Ну, Куликъ, скажи: перпендикуляръ!

— Совѣстно, Семень Семеновичъ!

— А гдѣ у тебя совѣсть сидитъ?

— Я неграмотный, не знаю.

— А у лошади твоей совѣсть есть?

Словомъ, Семень Семеновичъ сбивалъ его съ толку и правился Кулику ужасно, главное,—потому, что былъ чудаковатъ.

Осенью на извозничій дворъ пришелъ изъ деревни дѣдъ. Сталъ онъ совѣмъ хилый, едва узналъ внука и поздоровался съ нимъ за руку. Съ Куликомъ случилось это въ первый разъ, но онъ и виду не подалъ, сказалъ только твердо, по-мужицки: «За деньгами что ли, дѣдъ, пришелъ? Можно». Дѣдъ поспрошалъ насчетъ работѣнки, не обижаютъ ли Кулика люди и захотѣлъ попить чайку. Куликъ повелъ его въ трактиръ, заказалъ порцію чая и воблы. Дѣдъ жмурился, хлебалъ кипяткомъ, пропотѣлъ сильно, а какъ отошелъ немного, сказалъ:

— Вотъ что, Куликъ. Мамка твоя опять ушла по Расей. Не знаю, когда и вернется. Кланяться тебѣ наказала. Хотѣла сама повидать, да не по пути. Вотъ, значитъ, я тебя видѣлъ, и все—слава Богу. Очень я хилъ сталъ, изжога у меня отъ хлѣба. Помирать надоть.

Но Куликъ и про воблу забылъ, и про чай, и про то, что онъ передъ дѣдомъ какъ старшой теперь. Очень мать ему стало жалко. Заслонилъ рукой, сталъ глядѣть въ окошко. А дѣдъ шамкалъ беззубымъ ртомъ:

— Вотъ тебѣ наказъ, Куликъ: мать не забывай. Она баба тощая, ничего не стоитъ, ну—баба и баба, а только

въ ней, парень,—ядро. Разуму нѣтъ, а черезъ это ядро все понимаетъ. Поговорили мы съ ней зимой, ай-ай сколько. Видитъ она постоянно, будто свѣтъ, и въ немъ лицо ужасное, волосья вѣтрикомъ, ну, вотъ никакъ нельзя на него глядѣть. И говоритъ оно ей: «Матрена, обуи лапти. Матрена, обуи лапти!» Я ей десять паръ лаптей сплелъ за зиму. Очень меня уважала Матрена за это. Каждый день горячее варила; солонину варила и денегъ дала, какъ ушла, шесть копеекъ. Значитъ, и ты меня, Куликъ уважай. Вдругъ я заживусь. Вѣдь я тебѣ дѣдь. Ты денегъ отцу не давай,—все прогуляетъ. Очень Матрена черезъ него помаялась. Билъ онъ ее лѣтось смертно. Я ужъ и къ акушеркѣ возилъ, помирала, все про тебя спрашивала.

Дѣдь выпросилъ четыре рубля и семь гривенъ съ пятакомъ и на другой день ушелъ.

Время было знойное, лѣтнее. Ёздоковъ мало. На улицѣ только приказчики выходили изъ магазиновъ, зѣвали и дурѣли отъ жары; иногда на дворѣ играла шарманка; или глупая баба, надумавшись въ такое пекло продавать соленую тарань, кричала дурнымъ голосомъ: «Рыбы воблой, рыбы!»

Куликъ подолгу простаивалъ на углу, глядѣлъ, какъ дремала его кобыла, какъ лѣнливо шлялись люди, какъ варили асфальтъ два мужика, мѣшая, точно черти, въ котлѣ желѣзными лопатами.

«Стоишь, стоишь, а овесъ-то сорокъ три копейки. Что за жизнь—думалъ Куликъ.—А тутъ еще дѣдь напустилъ скуки,—податься некуда: въ деревню уйти,—отецъ заѣздитъ, а здѣсь—каторга».

Увидѣлъ разъ Куликъ,—идетъ Семень Семеновичъ съ удочками; подѣхалъ къ нему и посадилъ даромъ, изъ уваженія только, довести до рѣки. Семень Семеновичъ спросилъ:

— Ну, что, голова, какъ дѣла?

— Плохо, Семень Семеновичъ,—отвѣтилъ Куликъ,—

развѣ это житье? Сиди безъ толку на козлахъ. Ну, я, скажемъ, годовъ черезъ восемь лошадей себѣ куплю,—опять то же самое. Мамка у меня по міру пошла, дѣдь помираетъ, про отца-то и говорить бы нехорошо,—чистый разбойникъ. А мнѣ, Семень Семеновичъ, тринадцатый годокъ пошелъ. Вотъ и думаешь, куда дѣться? Ни грамоты, никакого ремесла не знаю.

Доѣхали они до рѣки. Семень Семеновичъ пристроился на плоткахъ, закинулъ двѣ удочки, а Куликъ кобылу привязалъ и присѣлъ около учителя. Оба стали глядѣть на поплавки. Семень Семеновичъ жевалъ губами, какъ заяцъ. Рыба не клевала. Вдругъ онъ спросилъ сердито:

— Ну, а если я тебя въ услуженіе возьму, вѣдь избалуешься?

— Нѣтъ, я не избалуюсь.

— За тебя строго примусь, смотри,—я лютый.

— А какое будетъ ваше жалованье, Семень Семеновичъ?

— Ни копейки, и колотить еще буду, если что, поросенокъ!

Куликъ обѣщался подумать; а на другой день, спозаранку, сидѣлъ уже на крылечкѣ у Семена Семеновича, дожидаясь, пока проснется учитель. Куликъ помазалъ волосы коровинымъ масломъ, расчесалъ ихъ на двѣ стороны, захватилъ все свое имущество: сундучокъ и валенки.

Ждать пришлось долго. Не смѣя стучаться, онъ заглянулъ въ окошко деревяннаго домика и увидѣлъ: у стола, передъ непотушенной лампой, дремалъ Семень Семеновичъ въ ватошномъ халатѣ; очки у него сползли на кончикъ носа, лицо было старое, смиренное и убогое.

Куликъ постучалъ въ стекло и крикнулъ:

— Куда одежку-то положить? Стали мы на работу, Семень Семеновичъ.

А вернувшись на крыльцо, досталъ хлѣба и луковку, сталъ закусывать. На душѣ у Кулика было теперь весело.

Учитель жилъ въ трехъ комнаткахъ одинъ. Спальня гдѣ понало; обѣдалъ въ трактирѣ; по ночамъ читалъ книжки. Было похоже, что его бросили люди,—онъ и завалился въ хламъ, живетъ безъ доли.

Куликъ сразу же пообсмотрѣлся и доказалъ свою расторопность, готовность обезживотѣть отъ работы. Съ прокуреннымъ, пыльнымъ помещеніемъ, заваленнымъ книгами, расправился онъ, какъ въ конюшнѣ: выкинувъ вороха мусора, обмелъ пыль, все вымылъ, вещи свалилъ въ углы и до того разошелся, что, подавая учителю мыться, такъ ужъ и смотрѣлъ, что вотъ сейчасъ и вычиститъ его скребницей. А ночью однажды вылѣзъ изъ кухни, сталъ въ дверяхъ, почесался подъ рубашкой и сказалъ сердито:

— Будетъ вамъ читать. Глаза проглядите, спать надо.

Семену Семеновичу все это ужасно понравилось.

Онъ цѣлые дни теперь проводилъ въ разговорахъ, въ чаепитіи на травкѣ около домика; ходилъ съ Куликомъ удить рыбу. Въ болотѣ они наловили тригоновъ. Семень Семеновичъ посадилъ ихъ въ банку и поставилъ около окошка на кучѣ книгъ. Куликъ посмотрѣлъ на это неодобрительно. Убираясь однажды въ кабинетикъ, заворачивалъ:

— Читать не читаютъ, книжки только гноятъ, чтецы!

Семень Семеновичъ банки переставилъ на подоконникъ, а Кулика спросилъ:

— Хочешь, я тебя грамотѣ буду учить? Кто знаетъ, можетъ, и въ гимназію еще опредѣлю.

Кулика бросило въ жаръ, но сейчасъ же онъ отставилъ ногу, заложилъ руки и отвѣтилъ степенно:

— Благодаримъ. Только намъ не приходится. Безпокойства много.

Семень Семеновичъ послѣ этого цѣлую недѣлю жевалъ губами, все чего-то прикидывалъ; а Куликъ сердился и, убирая комнаты, такую поднималъ пыль и возню, что приходилось выходить на крылечко. Наконецъ, онъ не вытерпѣлъ, вечеркомъ надѣлъ чистую рубашку, при-

чесался расческой и, ставъ у дверей въ кабинетѣ, скапалъ:

— Что же, посулились, такъ ужъ показывайте и буквами и цифри.

За ученье Куликъ принялся сурово, вѣлся въ него. Просидѣлъ за книжками всю зиму, сдалъ экзаменъ весной, потомъ осенью и былъ принятъ во второй классъ.

Въ сѣрой куртчкѣ, при галстукѣ, при всѣхъ застегнутыхъ пуговицахъ, Куликъ пошелъ къ ранней обѣднѣ, помолвился о матери, о Семенѣ Семеновичѣ, о всѣхъ начальствующихъ, о себѣ; потомъ вернулся домой, поставилъ самоваръ и сталъ ожидать, когда проснется учитель.

Семень Семеновичъ даже снялъ очки и вытеръ ихъ, глядя на Кулика въ гимназическомъ суртучкѣ. Оба они волновались, пока по знакомымъ улицамъ шли до гимназій. Здѣсь Куликъ поклонился швейцарамъ, всѣмъ встрѣчнымъ мальчикамъ и былъ посаженъ на первую парту, съ наказомъ сидѣть смирно. Онъ такъ и просидѣлъ, не шевелясь, всѣ пять часовъ, хотя гимназисты, одичавшіе за лѣтнее время, пускали въ него катушками, стрѣлками и норовили подражаться. Куликъ терпѣлъ, уважалъ всѣхъ и только мигалъ глазами.

Хозяйственно и съ высокимъ почтеніемъ относился онъ ко всему, что касалось гимназій: къ одеждѣ своей, книжкамъ, швейцарамъ, къ вѣшалкѣ; даже промокашку называлъ чернилопромокательной бумагой. А учителей слушалъ, не смѣя дыхнуть. Въ серединѣ зимы онъ былъ первымъ ученикомъ, и гимназисты уже всерьезъ стали его поколачивать, увѣренные, что онъ прорвется, наконецъ, и наподличаетъ. Его прозвали «извозчикомъ» и «портяжкой».

На слѣдующій годъ, осенью, Куликъ получилъ письмо изъ деревни отъ отца, гдѣ родитель приказывалъ ему вѣхать домой и везти денегъ, а не то грозился оторвать

голову, если что. Семень Семеновичъ сказалъ: «Глупости!»—и бросилъ письмо въ печку.

Въ это время въ гимназіи случилась мелкая исторія. Учитель географіи, по прозванію Хиздрикъ, напился въ именинный день, пришелъ въ классъ совсѣмъ мокрый, сидѣлъ, хлопалъ глазами, кашлялъ и плевалъ около каедръ; потомъ ушелъ зачѣмъ-то, вернулся минутъ за пять до звонка и, уставясь на наплеванное мѣсто, спросилъ:

— Кто напакостилъ?

Тогда Куликъ, всѣмъ этимъ крайне удрученный, всталъ, взялъ съ доски тряпку, вытеръ плевки, вернулся на свое мѣсто и тутъ только замѣтилъ, что всѣ ученики глядятъ на него, а Хиздрикъ стоитъ красный, вотъ-вотъ лопнетъ. Кулику стало жарко. Старый ученикъ, Арокинъ сказалъ басомъ:

— Перестарался!

И началось хихиканье, фырканье; ждали, что скажетъ Хиздрикъ. Онъ засунулъ пальцы въ жилетные карманы, закинулся, разинулъ ротъ и захохоталъ во всю свою пьяную глотку. Завизжалъ и покатылся за нимъ весь классъ.

— Мерси-съ и благодаримъ за усердіе, —выговорилъ, наконецъ, Хиздрикъ.

— Василій Васильевичъ, объясните ему, здѣсь—не конюшня,—опять загудѣлъ Арокинъ.

— Отъ всей пашей конюшни говоримъ—мерси-съ!—постворилъ Хиздрикъ и принялся расшаркиваться, пока его не качнуло къ стулу, и онъ сѣлъ.

Тогда Куликъ началъ совать въ сумку пеналъ и книги; онѣ никакъ не лѣзли. Онъ почувствовалъ, что уши у него прижимаются, и вся комната, ученики и Хиздрикъ летятъ, какъ съ горы, къ чертямъ. Онъ сгрѣбъ сумку, вылѣзъ къ дверямъ, оглянулъ всѣхъ напоследокъ и по мужичьи крѣпко обругался.

Вернувшись изъ гимназіи, Семень Семеновичъ нашель улика въ кухнѣ и закричалъ:

— Ты что это натворилъ? Да ты спятилъ! Ахъ ты, оленочек! Вотъ ужъ, дѣйствительно, корми его, а онъ въ лѣсъ глядитъ.

— Не трогайте меня, Семень Семеновичъ. Я домой, отцу пойду. Покорно васъ за все благодарю!—отвѣтилъ Куликъ, не глядя въ глаза, и сѣлъ на заднемъ крылечкѣ, а въ сумеркахъ ушелъ, не простясь.

Страшно стало Кулику, когда онъ миновалъ послѣдній фонарь окраины. Въ темное поле уходило много развѣзженныхъ дорогъ. Позади, въ дождевой мглѣ, разпылились мутные огни,—все, что осталось отъ города.

Итти нужно было, нагнувшись къ сильному вѣтру. Дождикъ сѣкъ лицо. За этимъ темнымъ полемъ гдѣ-то были глинистый обрывъ и свѣтлая рѣчка и радуга надъ ней, и все, до послѣдней травки, родное и милое.

Чтобы не очень бояться, Куликъ ворчалъ:

— Я вамъ поля подтирать не стану. Своимъ горбомъ опейку вышибу. А ужъ кланяться, это—мерси-съ, дружокъ вы найдете. Благодарители тоже. Чтобы я имъ навѣкъ миль обязанъ!—Къ чертовой матери васъ всѣхъ. Не зачучу.

Все-таки Куликъ поплакалъ за эту дорогу. Подъ утро онъ нагналъ обозъ; передній мужикъ поспрошалъ, кто такой, и посадилъ въ телѣгу. На другой день Куликъ видалъ родное село,—старыя ветлы, журавли колодезь, соломенные крыши, осклизлый обрывъ и мутную бѣчку.

Все это представлялось ему раньше пышнымъ, яснымъ и благодатнымъ. Осенніе дожди общипали деревеньку, прибили къ землѣ.

«Господи, да куда же все дѣлось?»—подумалъ Куликъ и побѣждалъ по знакомой межѣ.

Куликова изба была ужъ совсѣмъ никуда негодна. Ворота растворены, снизу ихъ засосалъ жидкій навозъ;

во дворѣ шлялись двѣ курницы, да еще облѣзлый пестрь съ грязными усищами, зарычалъ на Кулика и шарханулся черезъ дыру въ заборѣ. Въ захоженныхъ сѣняхъ не было половичка, не стояло на полкахъ крынокъ и горшечковъ, да и крыша протекла. Куликъ дернулъ дверь и вошелъ въ избу. На лавкѣ, у окошка, сидѣлъ отецъ босой, въ рваныхъ штанахъ. Черная съ просѣдью борода его торчала вѣникомъ отъ самыхъ ушей; гореложлажи лежали волосы. Онъ поднялъ опухшія вѣки и закричалъ сердито:

— Что тебѣ надо?

Куликъ поклонился низко и отвѣтилъ:

— Здравствуй, отецъ.

Отецъ перебралъ ножищами и подмигнулъ:

— Э, да это Егоръ,—сказалъ онъ,—я тебя давно жду. Садись. Да не сюда, въ красный уголь садись. Со свѣтлыми пуговицами, какъ разъ туда пришелся. Образа-то у меня бабы порасхватали, не то я ихъ пропилю, вотъ запомноталъ! Что же, теперь передъ тобой стоять надо или позволите посидѣть?

— Батя, я совсѣмъ къ тебѣ пришелъ,—сказалъ Куликъ смиренно.

— Ну, что же это за благодѣтель! Гдѣ такія дѣла берутся? Отца пожалѣлъ. Эхъ, Егорушка, хиль я сталъ. Поработалъ со своею, всѣ кости изломалъ. А мужикъ былъ какой крѣпкій. Баринъ завсегда за руку здоровался. Ей Богу. «На, говоритъ тебѣ, Иванъ, рупь, поди выпей. Не то что ты, а мнѣ, говоритъ, на тебя работать надо бы. Только Богъ насъ не такъ разсудилъ». Вотъ какъ меня баринъ понималъ. А я не выбился въ люди, Егорушка. Корми ты меня черствымъ хлѣбомъ, обижай старика.

Онъ подперъ бороду и захныкалъ, поглядывая на сына. Куликъ сидѣлъ, какъ мертвый, положивъ руки на столъ.

— Жалко меня, сыночекъ?—продолжалъ отецъ, ско-

отившись умильно,—что же ты все молчишь? Ты поплачь. Въдѣ какую силу я въ себѣ загубилъ! Лѣтось по мнѣ на дворъ прѣбжалъ земскій, во всѣхъ орденахъ. Здравствуй, говоритъ, Иванъ, много я про тебя слыхалъ. Первый ты мужикъ, а находишься въ убожествѣ. Что это такое значитъ?» Да какъ затонаетъ на меня каблучками. Я ему сейчасъ отвѣтъ: «Вы бы у меня, господинъ земскій, давно бы спросили, отчего мужики послѣдніе сапоги пропиваютъ. Отъ скуки, только отъ нея. Пахаты не пашемъ, зря землю ковыряемъ. Ни села, ни угодія, понимаю? Прахъ да навозъ. Хоть я босой и пьяница, самый прогорклый, а лучше на каторгу пойду, чѣмъ землю ковырять. Вы сюда, говорю, хохловъ гоните. Охъ, охъ, хохоль, ему первое дѣло—земля. Онъ сидитъ на дугрѣ и зерно изъ горстки въ горстку пересыпаетъ,—одно удовольствіе. А мнѣ хитрость свою дѣвать некуда. И, можетъ, себя первымъ человѣкомъ въ Россіи понимаю. Мнѣ бы губернаторомъ сидѣть въ Пензѣ. Ты что, дураешь, пуговищами зарѣзалъ меня? А я вотъ желаю тебя за волосы таскать, сѣмя крапивное!»

Иванъ живо протянулъ руку, словилъ сына за вихоръ и притянулъ къ столу. Куликъ вывернулся. У него звенѣло въ головѣ, и такъ было тошно отъ усталости, отъ голода, отъ бездоля, что опять онъ сѣлъ, не шевелясь, не поднявъ глазъ, ожидая всего. Иванъ, сопя и выща виннымъ перегаромъ, засучивалъ рукава на волосатыхъ ручищахъ, потомъ точно раздумалъ и проговорилъ со вздохомъ: «Эхъ, погибъ я черезъ Матрену, черезъ твою мать. А въдѣ повернули такъ, будто я ее замучилъ. Дѣйствительно, грѣшенъ, билъ Матрену богами. А жала у нея такъ и не выдернулъ самаго ехиднаго. Превзойти хотѣла меня. Сама, подлая, подъ кулакъ лѣзла. Святости набиралась. Черезъ меня, чтобы въ мученицы ей произойти. Охъ, подлая! А сама больше меня до

сладкаго охотница. Скверная баба, тьфу, рябая баба! Съ монахами пынче заниматься».

Куликъ видѣлъ теперь только красную рожу перед собою, бородатую и страшную. Отъ нея начало его мучительно трясти. Не помня, какъ всталъ, онъ вплоть подошелъ къ отцу крикнулъ: «Окаянный, окаянный, ты маю осквернил!» и замахнулся. Но Иванъ живо ударилъ сына по зубамъ, опрокинулъ на лавку.

— Ты на меня рискнулъ?—проговорилъ онъ уже съ вѣсомъ весело.—Да вѣдь я тебя слюнями перешибу! Сиди май сапоги.

Онъ присѣлъ, сдернулъ съ Кулика сапоги и поперѣлъ его ногу.

— Въ бѣлыхъ чулочкахъ пришелъ. Ахъ, сердечный! Вѣдь я—отецъ тебѣ, ей-Богу, не живорѣзь. Сукинъ сынъ. Сожрала меня водка. Сапоги-то я твои пропылю. Куликъ, а ужъ такъ тебя пожалѣю. Поиду, сынокъ, дров ковку принесу.

Иванъ зашмыгалъ носомъ и ушелъ, заваливъ снаружи дверь на засовъ. Въ избѣ было холодно. Въ четыре стеклышка окна барабанилъ дождь. Тамъ, на улицѣ, шла какое-то глухое деревенское житьишко. Неприкаянный теленокъ съ обрывкомъ веревки на шеѣ все шатался поперекъ жидкой дороги. Текли мутные ручьи, собираясь въ канаву. Сопливый мальчишка силился столкнуться въ нее навозную кочку. Ничего помимо этого не ждалъ уже больше Куликъ; ему хотѣлось завалиться, какъ котъ въ ручей, уплыть въ мутную, родную Чагру. Онъ долго сидѣлъ у окна. Отъ голода ли, отъ сырости, или отъ скуки его начало трясти. Отецъ не шель, а если бы и пришелъ,—радости мало.

Вдругъ вдальчѣ чуть слышно зазвенѣлъ колокольчикъ. Куликъ прижался къ стеклу посмотрѣть, кто это идетъ на волѣ, но колокольчикъ отзвенѣлъ за седломъ и затихъ. Тогда стало ясно, что ждать здѣсь больше нечего и нужно идти.

Куликъ толкнулся въ дверь,—она не подалась; тогда, уже въ злобѣ, онъ выбилъ полѣвномъ окошко, вылѣзъ и побѣжалъ, какъ былъ, въ чулкахъ по жидкой грязи на зады, черезъ плотину въ поле.

Бѣжалъ онъ долго, оглядываясь, не гонится ли за нимъ отецъ. Къ вечеру выбрался на большую дорогу и побѣжалъ мимо гудящихъ проволокъ телеграфа. Столбы съ подпорками, точно кривобокіе и дохлые великаны, пропадали, загибаясь въ мутной дали. Куликъ зналъ, что дорога эта ведетъ въ городъ и другихъ дорогъ теперь ему нѣтъ.

НЕВѢСТА

Старая тетка Варвара Ивановна рѣшила, что Наташа ставшая невѣстой, нужно строго охранять. Отъ нея понадобилось охранять молодую дѣвушку—тетка не была хорошенько, но въ разговорѣ ея появилось множество врачебныхъ совѣтовъ и практическихъ замѣчаній. Въ этомъ поддержали родители жениха, старики Стабесовы, Марья Митрофановна и Николай Африкановичъ снимавшіе у Томилиныхъ дачу въ лѣсу (тамъ, мѣсяцъ назадъ, произошла помолвка).

Такъ, они прочли брошюру о малярийныхъ комарахъ и прибѣжали однажды спозаранку, крича еще съ балкона:

— Ради Бога, гдѣ у васъ комары?

Николай Африкановичъ всталъ въ залѣ на стулъ, принялся считать комаровъ на потолокѣ, пока у него не закружилась голова. Тогда Варвара Ивановна завела длинную палку съ навернутымъ на концѣ полотенцемъ и повсюду уничтожала его вредныхъ насѣкомыхъ.

Въ наташиной спальнѣ окно забили сѣткой, и одинъ разъ даже прыскали особой жидкостью, чрезвычайно плохо пахнущей, отчего разболѣлась голова.

Была выписана книга—«Гигіена молодой женщины» изъ чтенія ея выяснилось: нельзя поднимать тяжести, сильно нагибаться, вредно ѣсть квашеную капусту и пить холодный квасъ.

Купаться позволили пять минутъ,—опять-таки по книгѣ. Въ полдень въ солнечномъ свѣтѣ оказалось чрезмѣрное присутствіе ультрафіолетовыхъ лучей, дѣйствующихъ на органы. На закатѣ легко было поймать крапивку. Роса, чудесная, утренняя роса, по которой Наташа любила бѣгать босикомъ, была признана безусловно вредной. Когда, задумавшись надъ недопитой чашкой чая, прислонилась Наташа къ кирпичной стѣнѣ террасы, Варвара Ивановна говорила послѣдно:

— Не облокачивайся, прошу тебя. Схватишь ревматизмъ. Подожди, пріѣдетъ Николай,—сиди гдѣ хочешь.

При этомъ она съ удивительной ясностью проникала въ тайны наташиного организма. И тогда, какъ старики Стабесовы ушарали исключительно на книги, тетка искала главную причину въ наследственности.

Наташинъ желудокъ, напримѣръ, оказался томилнискій, крѣпкій, почки пошли въ дядьевъ съ материнской стороны, печень же со всѣми ея капризами долго оставалась загадочной. Однажды, въ позднее время, тетка вошла со свѣчей въ наташину спальню, сѣла на кровать и послѣ тяжелого вздоха открылась:

— Былъ гусаръ Нацокнигъ, твой дядя троюродный. Чрезвычайно тучный человекъ. Вспыльчивъ,—чистый порохъ. Провертѣлъ три состоянія. Вотъ, Наташа, откуда у тебя твоя раздражительность, я теперь понимаю,—и строго посмотрѣла поверхъ очковъ.

— Что вы, тетечка, когда же я раздражаюсь?

— Ну, позволь мнѣ объ этомъ судить. Завтра же, мать моя, посылаю въ городъ за ящикомъ Боржома. Я не могу сдать тебя съ такой печенью на руки жениху.

— Тетка, если вы еще разъ скажете «женихъ», я намочу голову и всю ночь просижу на окошкѣ.

Тетка отвѣтила: «Фу, фу, фу! Распѣтушилась, горячка»,—и разговоръ прекратила.

Наташа запретила употреблять слова: «женихъ», «нашимъ монодымъ», «свадебка» и просила также не слиш-

комъ часто поминать имя Николая Николаевича, потому что думала о немъ все время напряженно, иногда со страхомъ, но чаще съ нѣжностью. Онъ былъ близко, у самого сердца, и совсѣмъ не хотѣлось, чтобы и его такъ же наградили почками и крѣпкимъ желудкомъ.

Пробовала она протестовать противъ «Гигіены молодой женщины», но въ этомъ тетка оказалась, какъ камень, и понемногу дѣвушка начинала чувствовать себя особенно хрупкой, боялась ушибиться и перестала даже громко смѣяться, не то, что раньше, когда была—ничья.

Стояли въ то время сильныя жары и близилось полнолуніе.

Наташа лежала въ качалкѣ. Отъ солнца затѣняли ее плотные кусты акации. Разсматривая свою руку, она думала лѣнливо:

«Какая странная вещь—рука. Почему пять пальцевъ, а не шесть, и отчего это красиво?»

И вдругъ точно всю себя почувствовала со стороны: тоненькую, въ бѣломъ платьѣ, длинноногую, синеглазую, хрупкую. Чуть-чуть забилося сердце тревожно. Надъ головой тихо треснуль стручокъ акации, и на колѣни упалъ бобикъ, зеленый съ красными жилками. Тогда Наташѣ стало казаться, что живетъ она въ какомъ-то высокомъ хрустальномъ домѣ, чистая и печальная отъ своей чрезвычайной чистоты. А очень еще недавно играла въ теннисъ, читала съ упоеніемъ современные романы и даже проблемы объ М. и Ж. и презрительно не вѣрила въ любовь. Что это было такое? Ноги и руки остались тѣми же, и голова, и даже сердце, а сама она—другая. И отчего грустно ей даже отъ такихъ пустяковъ, какъ упавшій на колѣни бобикъ?

Наташа стала припоминать. Она гуляла съ Николаемъ за паркомъ, у пчельника на гречишномъ полѣ, которое все цвѣло желтыми кистями. Было жарко, пахло медомъ и летали пчелы. Подходя къ этому полю, Николай помахивалъ палочкой, курилъ, болталъ вздоръ. Наташа ис-

коса поглядывала на него, думала: «Навѣрное, считаетъ себя неотразимымъ. Красивъ-то—красивъ, только слишкомъ развязенъ». Но когда они вошли въ гречиху, осыпавшую имъ платье до колѣнъ желтой пылью, и Наташа наклонилась, чтобы нарвать кистей, а Николай, бросивъ папиросу, задумался,—съ этой минуты ихъ обоихъ заволочило медовымъ запахомъ цвѣтовъ и непросохшей после дождя земли, и казалось страннымъ, какъ могли они еще пять минутъ тому назадъ болтать непринужденно. Это чувство застѣнчивости и легкаго головокруженія не прошло даже тогда, когда вернулись домой, а на слѣдующій день только усилилось.

Затѣмъ Наташа и Николай словно одичали: встречаясь, не смотрѣли въ глаза, говорили мало понятныя вещи; уходя гулять, бродили по межамъ, по кошнинѣ, мимо копенъ, залѣзали въ степные овраги и не замѣчали, когда наступалъ вечеръ. Ноги не болѣли отъ такихъ прогулокъ, и все,—сердце, умъ, воля, чувства—было молчаливо напряженно.

Наконецъ, оба они провели ночь безъ сна; Наташа проворочалась въ постели и напугала тетку, напоившую ее гофманскими каплями, а Николай пробѣжалъ отъ дачи до Спасскаго и обратно,—всего шестнадцать верстъ. Что думали они въ эту ночь, неизвѣстно, но уже въ восьмомъ часу оба явились на теннисовую площадку съ такими измученными лицами и блуждающими глазами, что глядѣть было страшно. Николай взялъ мячъ, внимательно осмотрѣлъ его, закинулъ для чего-то въ прудъ и сказалъ:

— Наташа... вотъ что..

У Наташи подкосились ноги, и она съела на скамью, спросивъ едва слышно:

— Что?

У обоихъ громко, непослушно стучало сердце. Въ зеленой тѣни липъ нечѣмъ было дышать. Кусая губы, стоя почти спиной къ дѣвушкѣ, Николай проговорилъ, наконецъ:

— Я васъ люблю, Наташа.

Она не отвѣтила,—не могла. Въ душевной тѣни двигались зайчики, кружочки свѣта. Затѣмъ у самаго ея лица появились глаза, тоже зеленые, изумительные, родные. Она подняла руки на его плечи и поцѣловала полуоткрытымъ ротомъ.

Рѣшено было скрыть отъ родныхъ, что объяснились. Но за обѣдомъ Стабесовы на дачѣ, а Варвара Ивановна на балконѣ у себя узнали все. И точно по уговору принялись мѣшаться не въ свое дѣло: и тѣмъ, что спрашивали безтактно, и тѣмъ, что многозначительно молчали, но едва Наташа выходила изъ комнаты, усаживались въ кучку и шопотомъ вели бесѣду о наташиной красотѣ, о наташиной добродѣтели, о томъ, какъ Николай будетъ съ нею счастливъ.

Наташѣ и Николаю точно опротивѣла за это время ходьба, и весь день просиживали они на скамейкѣ то въ липовой аллеѣ, то въ березовой, около пруда. И разговаривали только объ одномъ,—какъ это удивительно и непонятно, что они встрѣтились и полюбили другъ друга и что никто еще на свѣтѣ такъ не любитъ какъ они. Дивились они также и тому, что всѣ ихъ прошлые привычки и вкусы исчезли, какъ сброшенное платье.

Каждый день, на разсвѣтѣ, Николай шелъ купаться въ томилинской, дымящейся паромъ, прудъ; быстро раздѣвался и плылъ въ студеной водѣ, фыркая и оглядываясь на огромные осокори по берегу; они казались вдвое выше въ этотъ часъ. Свистали птицы, вдалекѣ мычало стадо. И въ туманѣ, за вершинами осокорей, проступали водянисто-коралловые полосы зарн.

Затѣмъ Николай садился подъ наташино окно на скамеечку. Когда солнце изъ-за вершины клена пробиралось въ самую глубь комнаты, Наташа вставала и, въ бѣломъ капотикѣ, съ лохматымъ полотенцемъ, выходила на дорожку, отворачиваясь и говоря, чтобы Николай на нее не смотрѣлъ, потому что она еще заспанная.

Такъ начинался день,—не то сонъ, не то сплошная маета,—очаровательный и призрачный.

Вдругъ Николай получилъ изъ Москвы телеграмму, что строящійся подъ его руководствомъ домъ далъ трещину. Пришлось уѣхать немедленно. И тогда-то Варвара Ивановна и старики Стабесовы принялись Наташу обещать.

Николай писалъ каждый день. Его письма въ большихъ сѣрыхъ конвертахъ начинались приблизительно такъ: «Моя нѣжная, ласковая, прекрасная, дивная, возлюбленная, чудесная Наташа»... и въ томъ же родѣ кончались.

Тамъ, въ Москвѣ, вмѣсто Наташи онъ имѣлъ дѣло съ кирпичами, известкой, желѣзными балками, плутомъ-подрядчикомъ и пр. Москва оказалась пыльной, душевной, оглушительной, а люди—грубыми и ничего не понимающими. Онъ рвался въ Томилино и по-настоящему страдалъ, а Наташа, охраняемая тремя стариками, жила, какъ въ наполовину только настоящемъ мѣрѣ.

Но прошло двѣ недѣли и у нея началось недовольство. Оно шло откуда-то, какъ сквознячокъ въ едва замѣтную щелку.

«Возьтеся точно съ цыпленкомъ,—думала сейчасъ Наташа, забираясь съ ногами въ качалку,—откармливаютъ, обглаживаютъ, чтобы ему подать: пожалуйста,—только языкъ не проглотите! Удивляюсь, какъ еще не умерла отъ скуки».

На дорожкѣ появился Николай Африкановичъ, коротенькій, стриженный бобрикомъ старичокъ въ чесучевой рубашкѣ съ поясомъ на животѣ; разглаживая на обѣ стороны бороду, прищуря глазъ, онъ воскликнулъ:

— А у меня что-то для кого-то есть!

Что-то было, конечно, письмомъ отъ Николая. Но неужто понадобилось продѣлывать весь этотъ маскарадъ и подмигивать, чтобы передать письмо? Наташа взяла его и сейчасъ же ушла къ пруду.

Тамъ, вынувъ изъ головы шпильку, разорвала конвертъ и стала читать:

«Милая, нѣжная, удивительная... Мнѣ телеграфировала тетя Варя, что ты грустишь всѣ эти дни. Что съ тобой? Я въ отчаяніи. Берегись сырости. Не выходи послѣ заката. Я не хочу, чтобы ты простудила мои ножки. Боюсь, что у тебя предрасположеніе къ маляріи. Помни, ты—вся моя. Береги себя для меня, для нашей любви»...

И до послѣдней строчки ни слова о самомъ главномъ и простомъ,—когда пріѣдетъ.

— Теперъ я понимаю,—сказала Наташа вслухъ,—вы со мной держитесь, какъ хозяйева. Я вамъ не обезьяна и не канарейка. Это мои ноги, а не ваши. Я не обязана быть ни здоровой, ни красивой, ни хорошей.

Она осмотрѣлась, стащила длинные чулки, подобрала подолъ платья, и, сѣвъ на бережокъ, опустила ноги въ прудъ. Ей стало очень грустно и жаль себя.

Прудъ въ этомъ мѣстѣ былъ очень широкъ и свѣтлосиій сегодня. Въ бездонной его глубинѣ двигались бѣлыя облака. Въ тѣни берега плавали сухіе листочки, отражались кусты и сосенки съ крестообразными вѣтвями. Мѣстами эти отраженія разбивались теченіемъ подводныхъ ключей. На дальнемъ берегу бѣлѣлъ песокъ. Не было во всемъ свѣтѣ болѣе грустнаго человѣка, чѣмъ Наташа у пустого соннаго пруда.

Черезъ часъ она взошла на балконъ, сѣла у стола въ плетеное кресло и строго сказала горничной:

— Дуня, принесите мнѣ изъ погреба квасу какъ можно холоднѣе,—и, опустивъ глаза, стала ждать. Варвара Ивановна и Марья Митрофановна переглянулись.

— Тетка, я сидѣла у воды прямо на землѣ,—сказала Наташа. Тогда Николай Африкановичъ уронилъ пенснѣ въ простоквашу.

— Меня кусалъ комаръ. Большой, рыжій; у него заднія ноги длиннѣе переднихъ, увѣрена,—малярійный.

Старики продолжали молчать. Только тетка нечаянно локтемъ двинула чашку и перепугалась.

— У меня болитъ голова. Я нарочно простудила ноги. И почки болятъ, и печень,—у Наташи дрожали подбородокъ,—Дуню вашу послать за простою вещью въ погребъ, какъ за смертью. Провалилась!

Она отодвинула кресло, бросила салфетку съ колѣнъ и ушла къ себѣ. Тамъ легла на бѣлую кружевную кровать и поклялась никогда не пудриться, не завивать волосъ, никого не любить и, наконецъ, заплакала.

Николай Африкановичъ настаивалъ на докторѣ, Марья Митрофановна увѣряла, что наташино самочувствіе «протекаетъ нормально», а Варвара Ивановна немедленно послала телеграмму въ Москву: «Невѣста плоха, бросай все, выѣзжай».

Подъ вечеръ Наташѣ надоѣло лежать и плакать. Растрепались волосы, смялись подушка и платье. Въ головѣ было пусто. Она подошла къ окну. Надъ паркомъ закигались звѣзды, еще неяркія, зеленоватая; изъ-за черныхъ осокорей поднималась луна, какъ стеклянный шаръ, налитый огнемъ. Скоро свѣтъ отъ нея протянется по пруду, сейчасъ не видному за вѣтвями.

И паркъ, и поля, испещренныя точно бородавками-копнами послѣ покоса, представились Наташѣ дикими, какъ пустыня. Захотѣлось, чтобы и у нея въ сердцѣ не осталось ни одного теплаго мѣстечка.

Накинувъ кашемировый платокъ, она спустилась къ теткѣ, которая въ столовой на спиртовкѣ варила малину. Варвара Ивановна испуганно взглянула на дѣвушку и, помѣшная въ кострюлечкѣ, проговорила дрогнувшимъ голосомъ:

— Я очень тебя прошу передъ сномъ выпить малины, Наталья. Въ концѣ концовъ я тебѣ приказываю выпить. Фырчай и сердись, какъ тебѣ угодно, но малину ты выпьешь.—И ложечка въ ея веснушчатой худой рукѣ задрезжала.

Наташа стояла у стола, закрывая даже ротъ бѣлой шалью, и глядѣла на голубоватый огонь спиртовки. Все было кончено. И пусть.

— Я замуж не выйду. Такъ и знайте,—сказала она,—пейте сами малину,—и, повернувшись, вышла на балконъ и оттуда въ паркъ.

Луна стояла высоко въ синей пустынѣ. Паркъ точно окаменѣлъ, черный, кое-гдѣ поблескивающий. Внизу, надъ лопухами, дымилась сырость. Лунный свѣтъ проникалъ въ тайныя мысли, точно намекалъ на смутную и тревожную судьбу.

Наташа миновала паркъ и вышла на плотину. Отсюда было видно все холмистое поле. Отъ самаго его края на полъ-неба надвигалась разорваннымъ клиномъ черная туча. Острый перстъ ея коснулся луны и побѣлѣлъ. Сейчасъ же стали сѣрыми всѣ тѣни, разгладились, и потемнѣло, какъ въ глухую ночь. На щеку упала большая капля. Наташа упрямо кивнула головой и продолжала идти, только крѣпче закуталась.

Вдругъ позади глухо зашумѣлъ паркъ, и сейчасъ же порывъ вѣтра, пригибая траву, надулъ юбку. Еще и еще, все чаще падали капли. Туча сверху до низу освѣтилась серебрянымъ свѣтомъ; прошло мгновеніе, и затрещалъ громъ съ такою силой, точно сломался весь томиллинскій лѣсъ. Наташа ахнула и пустилась бѣжать; ее чуть не сбило вѣтромъ. Дождь уже шибко шумѣлъ неподалеку.

Наташа забѣжала въ сторожку, гдѣ жилъ Никитай-пчелякъ и мастерилъ ульи. Здѣсь пахло сосновыми стружками, клѣбомъ и вошиной. Наташа ощупью отыскала дверцу, ведущую въ жилую половину; на пробоѣ висѣлъ замокъ. Она вспомнила, что еще утромъ Никитай уѣхалъ въ городъ за центрофугой.

А дождь уже сплошной завѣсой лилъ за распахнутой наружной дверью. Въ свѣтѣ частыхъ молній возникали корявые осокори, части помутнѣвшаго пруда, вершины

двухъ сосенъ близъ террасы, и все было задернуто сѣрой завѣсой дождевыхъ струй.

Наташа сѣла на верстакъ. Страхъ ея прошелъ. Она думала, какъ дома сейчасъ беспокоятся, и, навѣрное, разослали рабочихъ и прислугу разыскивать ее. Обшарили весь паркъ, сбѣгали въ оранжерею и на пчельникъ, и на гумно. Тетка, конечно, рѣшила, что Наташу убила молнія. На полянѣ лежитъ навзничъ невѣста въ бѣломъ своемъ платьѣ, раскинувъ руки; синіе глаза, теперь мертвые, обращены на небо. Подъ утро найдутъ ее всю мокрую, принесутъ, положить на турецкій диванъ. Придетъ Николай, упадетъ на колѣни около тѣла. Не удалась жизнь, разбита любовь. Несчастная Наташа. Бѣдный Николай. И больше всего жалко тетку: старая, только вѣдь нами и жила.

Дождь усиливался. Растревоженная, огорченная, Наташа совсѣмъ устала, разгребла ворохъ стружекъ и прилегла на верстакъ. Во всякомъ случаѣ, если ее не убило грозой, то она простудится. Сквозь крышу капало. Стружки пахли сыростью и скипидаромъ. Наташа чувствовала себя покинутой и обреченной. Это было такъ сладко и пріятно чувствовать, что, поплакавъ немного, она вдругъ спокойно уснула.

Горячій свѣтъ ударилъ въ глаза. Наташа сѣла на стружкахъ. Сквозь дверь была видна спутанная, матовая, зеленая трава, полная росы. Со свистомъ пронеслись стрижи. Случилось что-то необычайно радостное. Волосы полны стружекъ и платье измято. Удивительно! Наташа побѣжала по тропинкѣ къ дому. Въ аллеяхъ виднѣлись слѣды ногъ. Окна раскрыты настежь. У балкона на площадкѣ валялась бочкомъ теткина калоша. Наташа взбѣжала по ступенькамъ и ахнула. Въ стеклянныхъ дверяхъ стоялъ Николай, безъ шапки, со спутанной бородой и волосами, въ забрызганномъ грязью плащѣ. Въ глазахъ его были ужасъ и радость.

— Мой бѣдный несчастный! Прости меня. Ты пре-

зираешь? Ты любишь меня?—спрашивала Наташа, и губы ея дрожали не то отъ смѣха, не то отъ слезъ.

Николай, отогнувъ ея голову, глядѣлъ въ перетревоженное, заспанное, очаровательное лицо и волновался ужасно, и не понималъ ничего. И дѣйствительно, во всей этой исторіи, кромѣ того, что любятъ они оба до смерти, ничего понять было нельзя.

А въ дальнюю комнату забились, какъ мыши, Варвара Ивановна и старики Стабесовы, охали, не смѣли высунуть носа и утѣшались.

ОГЛАВЛЕНІЕ

	<i>Стр.</i>
Искры	7
Буря	42
Подъ водой	68
Для чего идетъ снѣгъ	101
Рожь	115
Дымъ	126
Прекрасная дама	136
Куликъ	162
Невѣста	176

Т-во „Книгоиздательство Писателей въ Москвѣ“

Скатертный пер., д. 8, кв. 18.

Литературно-Художественные сборники

„СЛОВО“.

- Сборникъ I. В. Версаевъ. Аполлонъ, богъ живой жизни. Ив. Шмелевъ. Розтани. Изъ Рабиндраната Тагора, перев. съ англ., съ предисл. Дюнео. Гр. Ал. Н. Толстой. Овражки. Ив. Бунинъ. При дорогѣ. Б. Зайцевъ. Студентъ Бенедиктовъ. Н. Телешовъ. Ночлеги. Ц. 1 р. 50 к.
- Сборникъ II. Неизд. беллетрист. и драм. произведенія А. П. Чехова. Ц. 1 р. 50 к.
- Сборникъ III. Гр. Ал. Н. Толстой. Большая неприятности. Н. Телешовъ. Мама. Л. Авилова. Осенее. Ив. Шмелевъ. Поѣздка. Ив. Бунинъ. Братья. Ц. 1 р. 50 к.
- Сборникъ IV. Ив. Бунинъ. Весенній вечеръ. Б. Зайцевъ. Мать и Катя. К. Трениевъ. Мокрая балка. Г. Яблочковъ. Въ плѣну. Гр. Ал. Толстой. Четыре вѣка. И. Сургучевъ. Пѣсни о любви. В. Версаевъ. Марья Петровна. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 75 к.
- Сборникъ V. Ив. Бунинъ. Господинъ изъ Санъ-Франциско. Бор. Зайцевъ. Маша. — И. Сургучевъ. Мельница. Н. Тимковскій. Неугасимая. — К. Трениевъ. По тихой водѣ. — Ив. Шмелевъ. На большой дорогѣ. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 75 к.
- Сборникъ VI. Леонидъ Андреевъ. Младость. — И. Сургучевъ. Мельница. (ч. II). — В. Версаевъ. Дѣлушка. — Гр. Ал. Н. Толстой. Искры. Ив. Шмелевъ. Ликъ скрытый. Ц. 2 р.
- Материалы для исторіи русской журналистики: Письма Гл. Ив. Успенскаго, В. Короленко, Н. Михайловскаго, П. Якубовича и др. В. А. Гольцеву. Ц. 1 р. 50 к.
- Въ спорахъ о театрѣ. Сборникъ статей Ю. Айхенвальда, Сергѣя Глаголь, Вл. Немировича-Данченко, В. Сахновскаго, А. Южина, Д. Овсяннико-Куликовскаго и др. Ц. 1 р.

- Л. Авилова. Образъ челоѣческой. Разказы. М. 1913 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Леонидъ Андреевъ. Полетъ. Разказы т. XVI. Ц. 1 р. 40 к.
— Сашка Жегулевъ. Романъ. (Сочин. т. XIV). Ц. 1 р. 35 к.
— Сочиненіе т. XV. Ц. 1 р. 50 к.
- А. Богдановъ. Краткій курсъ идеологич. науки въ вопросахъ и отвѣтахъ. М. 1914 г. Ц. 75 к.
- И. Бунинъ. Іоаннъ Рыдалецъ. Разказы. 1912—1913 гг. Ц. 1 р. 50 к.
— Суходоль. Повѣсти и разказы. 1911—1912 гг. Ц. 1 р. 50 к.
— Переваль. Разказы. 1892—1902 гг., изд., 5-е. Ц. 1 р. 50 к.
— Деревня. Повѣсть. Ц. 1 р. 25 к.
— Разказы и стихотворенія. 1907—1910 гг., изд. 2-ое. Ц. 1 р. 50 к.
— Чаша жизни. Разказы. 1913—1914 гг. Ц. 1 р. 50 к.
— Стихотворенія. 1903—1906 гг., изд. 2-е. Ц. 1 р. 50 к.
— Золотое дно. Разказы. 1903—1907 гг. Ц. 1 р. 50 к.
- А. Бѣлорусовъ. Парижъ. М. 1915 г. 2-е изд. Ц. 1 р. 25 к.
— Его же. Франція. Ц. 1 р. 50 к.
- Ив. Бѣлоусовъ. Атава. Стихотворенія. М. 1915 г. Ц. 1 р.
- В. Вересаевъ. Разказы, т. I, II, III, V по 1 р. 25 к.
— Записки врача (т. IV), изд. 7-е. Ц. 1 р. 25 к.
— На войнѣ. Записки. Ц. 1 р. 50 к.
— Живая жизнь, ч. I. (Толстой и Достоевскій.) Ц. 1 р. 25 к.;
ч. II. (О Ницше.) Ц. 1 р. 50 к.
— Архилохъ. Стихотворенія и фрагменты, перев. съ греческаго. Ц. 75 к. (Распродано.)
— Сафо. Стихотв. и фрагменты, пер. съ греч. Ц. 75 к. (Распр.)
— Гомеровы гимны. (Готовится къ печати.)
- И. Гольдбергъ. Тунгусскіе разказы. М. 1914 г. Ц. 80 к.
- М. Горькій. „Сказки“. М. 1913 г. Ц. 85 к.
- Діонео. Мѣняющаяся Англія. Ч. I. М. 1915 г. Изд. 3-е. Ц. 1 р. 25 к.
То же, ч. II. Ц. 1 р. 50 к.
- С. Елпатьевскій. Разказы, т. I, изд. 2-е. Ц. 1 р. 25 к.
— Разказы, т. II, изд. 2-е. М. 1914 г. Ц. 1 р. 50 к.
— Разказы, т. III, изд. 2-е. М. 1915 г. Ц. 1 р. 50 к.
— За границей (т. IV) Ц. 1 р. 50 к.
— Египетъ, изд. 2-е. Съ иллюстраціями. Ц. 1 р.
— Близкія тѣни. Съ иллюстр. Ц. 1 р.
— Крымскіе очерки. Съ иллюстр. Изд. 2-е 1915 г. Ц. 1 р. 25 к.
— Литературныя воспоминанія, съ иллюстр. Ц. 1 р.
- Бор. Зайцевъ. Земная печаль. (Разказы, т. VI.) Ц. 1 р. 50 к.
— Тихія зори. (т. I.) Ц. 75 к.
— Полковникъ Розовъ (т. II.) Ц. 1 р. 25 к.
— Сны (т. III.) Ц. 1 р. 50 к.
— Усадьба Ланиныхъ (т. IV) Ц. 1 р. 50 к.

- Бор. Зайцевъ, Дальній край, ром. (т. V) печатается. 2-е изд.
- А. Кипень. Господская жизнь. (Разказы т. II.) Ц. 1 р. 25 к.
— Барючий островъ (т. I.) Ц. 1 р. 50 к.
- Ив. Касаткинъ. Лѣсная быль. Разказы. Ц. 1 р. 25 к.
- М. Коцюбинскій. Тѣни забытыхъ предковъ. (Разск. т. III.) Ц. 1 р. 25 к.
- Ө. Крюковъ. Очерки и разказы. Ц. 1 р. 25 к.
- В. Львовъ-Рогачевскій. Снова наканунѣ. Крит. статьи. Ц. 1 р. 25 к.
- П. Масловъ. Война и демократія. Ц. 40 к.
- Н. Мѣшковъ. Стихотворенія М. 1914 г. Ц. 1 р.
- Н. Никандровъ. Береговой вѣтеръ. Разказы. Ц. 1 р. 25 к.
- Иванъ Новиковъ. Кресть на могилѣ. Разказы. Ц. 1 р. 50 к.
- А. Серафимовичъ. Снѣжная пустыня. (Разск. т. I.) Ц. 1 р. 25 к.
— Лихорадка (т. II.) Ц. 1 р. 40 к.
— Разказы т. III. Ц. 1 р. Изд. „Знаніе“.
— На рѣкѣ. (Разказы, т. IV.) Ц. 1 р. 25 к.
— Со звѣрями. (Разказы т. V.) Ц. 1 р. 25 к.
— Городъ въ степи. (Ром. т. VI.) Ц. 1 р. 50 к.
— Разказы т. VII. Печатается.
— Сухое море. (Разказы, т. VIII.) Ц. 1 р. 25 к.
— Клубокъ. (Разказы т. IX.) Печатается.
- С. Сергѣевъ-Ценскій. Сочиненія:
— Т. I. Разказы, изд. 3-е. Ц. 1 р. 25 к.
— Т. II. Разказы, изд. 3-е. Ц. 1 р. 25 к.
— Т. III. Поручикъ Бабаевъ. Романъ, изд. 3-е. Ц. 1 р. 50 к.
— Т. IV. Печаль полей и др. Ц. 1 р. 25 к.
— Т. V. Движенія. Повѣсть. Ц. 1 р. 25 к.
— Т. VI. Медвѣжонокъ. Приставъ Дерябинъ. Нѣдра и др. М. 1913 г.
Ц. 1 р. 25 к.
— Т. VII. Наклонная Елена. Ц. 1 р. 35 к.
- И. Сургучевъ. Осеннія скрипки. (Разказы, т. III.) М. 1915 г.
Ц. 1 р. 25 к.
— Сосѣдка. (Разказы т. I.) Ц. 1 р. 50 к.
- Рабиндратъ Тагоръ. Гитанджали. Жертвенныя пѣснопѣнія. Перев.
А. Пушешникова, подъ ред. Ив. Бунина. Изд. 3-е. Ц. 50 к.
- Телешовъ. Разказы, т. I. Ц. 1 р.
— Черною ночью. (Разказы, т. II.) Изд. 2-е. Ц. 1 р. 25 к.
— Золотая осень (Разказы, т. III.) Ц. 1 р. 25 к.
- Н. Тимковскій. Душа Л. Н. Толстого. Ц. 1 р.
— Сергѣй Шумовъ. Разказы. Т. I. Изд. 3-е. Ц. 1 р. 50 к.
— Т. II. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 25 к.
— Корни жизни. (Разск., т. III), изд. 2-е. Ц. 1 р. 25 к.
— Т. IV. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 50 к.

- Н. Тимковский. Т. V. Изд. 2-е. Ц. 1. 25 к.
 — Т. VI. Ц. 1 р. 25 к.
 — Т. VII. Ц. 1 р. 25 к.
 — Дворянская берлога (Разск., т. VIII). Печатается 2-е изд.
 — Золотой боръ (т. IX). Ц. 1 р. 50 к.
 — Передъ жизнью (т. X.) Ц. 1 р. 25 к.
 — Женихъ, Разказы, (т. XI) Ц. 1 р. 50 к.
- К. Треневъ. Владыка. Разказы. Изд. 2-е. М. 1915 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Гр. Ал. Н. Толстой. Сочиненія:
 — Т. I. Заволжье. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 25 к.
 — Т. II. Невѣрный шагъ. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 50 к.
 — Т. III. Разказы. (По пути. Призраки. Минувшее.) Ц. 1 р. 25 к.
 — Т. IV. Сказки. Ц. 1 р.
 — Т. V. Хромой баринъ, ром. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 50 к.
 — Т. VI. На войнѣ (Въ Англии. На Кавказѣ.) Изд. 2-е. Ц. 2 р.
 — Т. VII. Приключенія Растегина. М. 1915 г. Ц. 1 р. 25 к.
 — Т. VIII. Земная сокровища. (Двѣ жизни), ром. Ц. 1 р. 25 к.
 — Т. IX. „Искры“. Ц. 1 р. 50 к.
- А. П. Чеховъ. Письма, т. I. (1876 — 1887 гг.). Съ иллюстраціями.
 Изд. 2-е. Ц. 2 р.
 — Письма, т. II. (1888 — 1882 гг.). Изд. 2-е (печатается).
 — Письма, т. III. (1890 — 1891 гг.). Съ иллюстрац. 2-е изд. Ц. 2 р.
 — Письма, т. IV. (1892 — 1896 гг.). Съ иллюстрац. Ц. 2 р.
 — Письма, т. V. (1897 — 1899 гг.). Съ иллюстрац. Ц. 2 р.
 — Письма, т. VI. (1900 — 1904 гг.). Съ иллюстрац. Ц. 2 р. 25 к.
- А. Черемновъ. Стихотворенія. М. 1913 г. Ц. 1 р.
- Ив. Шмелевъ. Распадъ. (Разказы, т. I.) Ц. 1 р. 25 к.
 — Разказы, т. II. М. 1913 г. Ц. 1 р. 25 к.
 — Разказы, т. III. (Человѣкъ изъ ресторана.) М. 1913 г. Ц. 1 р. 25 к.
 — Разказы, т. IV. М. 1913 г. Ц. 1 р. 25 к.
 — Волчій перекачь. (Разказы, т. V.) М. 1914 г. Ц. 1 р. 25 к.
 — Карусель. (Разказы, т. VI.) М. 1915 г. 1 р. 25 к.
 — Суровые дни, (т. VII.) Ц. 1 р. 50 к.
- Г. Яблочковъ. Разказы, т. I. Ц. 1 р. 50 к.
 — Слѣпая душа. Разказы, т. II. М. 1915 г. Ц. 1 р. 25 к.

Библиотека польскихъ писателей.

- Стефанъ Жеромскій. Забвеніе. Разказы. Ц. 1 р. 25 к.
 Казимиръ Тетмайеръ. Карпатскіе разказы. Ц. 1 р. 25 к.
 В. Орканъ. Любовь и голодь. Печатается.
 Г. Андрей Жулавскій. Изъ дома отцовъ. Ц. 1 р. 25 к.
 Стругъ. Портреть. Ром. Печатается.